

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
СЕГОДНЯ**

Выпуск 2

**СТАТЬИ
РЕФЕРАТЫ
ПЕРЕВОДЫ
ДОКУМЕНТЫ**

Москва 2003

ББК 66.62
С 69

Серия
«Политические партии и общественные движения»

Отдел Западной Европы и Америки

Ответственный редактор — д-р ист. наук *Б.С.Орлов*
Редактор-составитель — *Т.Н.Мацонашвили*

Социал-демократия сегодня. Вып. 2: Сб. ст. / РАН
ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион.
пробл. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв.ред. Орлов Б.С.;
Ред.-сост. Мацонашвили Т.Н. — М., 2003. — Вып. 2. (Сер.
Полит. партии и обществ. движения). —
200 с.
ISBN 5-248-00171-4

В сборнике «Социал-демократия сегодня» публикуются работы, в которых зарубежные и отечественные авторы анализируют деятельность современной социал-демократии за рубежом и в России; сопоставляются политические подходы социал-демократических партий разных стран к решению общественных проблем в новых условиях глобализации экономики и стремительного развития компьютерных технологий. В сборнике публикуются также новые программные документы, разработанные социал-демократическими партиями с учетом происшедших в мире изменений.

Сборник адресован преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся деятельностью социал-демократов в различных странах.

The collection «Social democracy today» includes papers by Russian and foreign experts, analyzing the current activities of social democrats in Russia and other countries. The issue presents the political approaches of different social democratic parties to solving social problems in the context of globalization and computer technologies development. Included are new program documents of social democratic parties taking into account the changing global environment.

For researchers, university teachers, students and general readers interested in social democratic policies.

ISBN 5-248-00171-4
2003

ББК 66.62
© ИНИОН РАН,

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

I. Социал-демократия в европейском пространстве

<i>Д.Ховард. Повестка дня для левых после 11 сентября: Взгляд из Америки</i>	<i>9</i>
<i>Д.Милибэнд. Будущее новых лейбористов: Взгляд изнутри</i>	<i>27</i>
<i>Р.В.Костюк. Левые в современной Франции</i>	<i>42</i>
<i>А.Хемерийк. Внутренняя трансформация европейской социальной модели</i>	<i>60</i>

II. Российская социал-демократия: Теория и практика

<i>М.С.Горбачёв. 50 лет в политике. Встреча лидера СДПР со студентами МГУ</i>	<i>79</i>
<i>К.А.Титов. Мы должны понимать свою силу и место в политическом спектре России</i>	<i>92</i>
<i>А.Н.Яковлев. Социал-демократия — реальный выход для России</i>	<i>106</i>
<i>Г.Х. Попов. О социализме XXI века</i>	<i>116</i>
<i>В.И. Мироненко. Что такое новая Социал-демократическая партия России?</i>	<i>121</i>
<i>Г.М. Звягин. Десять основных отличий социал-демократов от коммунистов</i>	<i>126</i>

III. Документы

Свобода! Справедливость! Солидарность! Заявление Социал-демократической партии России.	132
---	-----

IV. Конференции

<i>Б.С. Орлов.</i> Становление политической культуры социал-демократии в России. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Российская политическая культура в поисках консенсуса». Пермь, 10 декабря 2002 г.	145
<i>В.П. Любин.</i> Трудное восстановление социал-демократии в России в 80–90-е годы: Деятельность СДПР. Тезисы доклада на международной научной конференции: VI Плехановские чтения «Россия — путь в 100 лет (1900–2000)». (Дом Плеханова в Санкт-Петербурге, 30 мая — 1 июня 2002 г.).....	156

V. Сообщения

В России создан Фонд Плеханова	163
--------------------------------------	-----

VI. Рецензии

<i>Б.С.Орлов.</i> Трагедия российского меньшевизма: Размышляя над прочитанным. <i>С.В.Тютюкин.</i> <i>Меньшевизм — страницы истории.</i> — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — 2002. — 560 с.....	168
<i>В.П.Любин.</i> Рецензия на книгу: <i>Левые в Европе XX века. Люди и идеи.</i> — М.: Институт всеобщей истории. — 2002. — 463 с.	192
Об авторах	199

CONTENTS

From Editorial Board.....	7
----------------------------------	----------

I. Social Democracy in the European Space

<i>D.Howard.</i> The Left Agenda after September 11: An American View.....	9
<i>D.Miliband.</i> The Future of New Labour: a View from Inside.	27
<i>R.V.Kostyuk.</i> Leftists in Present-day France.	42
<i>A.Hemerijck.</i> The Self-Transformation of the European Social Model.....	60

II. Russian social democracy: Theory and Practice

<i>Mikhail Gorbachev.</i> Fifty Years in Politics. A Meeting of the Leader of the Social Democratic Party of Russia with Students of the Mos- cow State University.....	79
<i>K.A.Titov.</i> We must be Aware of our Strength and Place within the Po- litical Spectrum of Russia.....	92
<i>A.N.Yakovlev.</i> Social Democracy as a Real Way out for Russia.	106
<i>G.Kh.Popov.</i> 21 st Century Socialism.	116
<i>V.I.Mironenko.</i> The New Social Democratic Party of Russia (SDPR): What is It?	121
<i>G.M.Zvyagin.</i> Ten Principal Distinctions between Social Democrats and Communists.	126

III. Documents

Liberty! Justice! Solidarity! Declaration of the Social Democratic Party of Russia	132
---	------------

IV. Conference

<i>B.S.Orlov.</i> Shaping of Political Culture of Social Democrats in Russia. A Speech at the All-Russian Scientific and Practical Conference «Russian Political Culture in Search of Consensus». Perm, 10 December 2002.....	145
<i>V.P.Lyubin.</i> Difficult Rebirth of Social Democracy in Russia in the 1980s–1990s: Activity of the SDPR. Theses of the Speech at the International Scientific Conference: The 6th Plekhanov's Readings. «Russia: A Hundred-Year Way. (1900–2000)». (Plekhanov's House in St.Petersburg, 30 May – 1 June, 2002)	156

V. Information

Plekhanov's Fund has been set up in Russia	163
---	------------

VI. Reviews

<i>B.S.Orlov.</i> The Tragedy of Russian Menshevism: Reflecting on Read Materials. <i>S.V. Tyutyukin. Menshevism: Pages of Its History.</i> – M.: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN). – 2002. – 560 p.....	168
<i>V.P.Lyubin.</i> A Review to the Book: <i>Leftists in 20th Century Europe. People and Ideas.</i> – M.: <i>The Institute of General History.</i> – 2002. – 463 p.....	192
About the Authors	199

ОТ РЕДАКЦИИ

На рубеже 2002–2003 гг. европейская социал-демократия переживала непростые времена. Возникли новые, обострились старые проблемы, на которые социал-демократия искала свой ответ. Это прежде всего касается проблем международного терроризма, которые вынуждают мировое сообщество осмысливать причины этого явления, находить действенные методы борьбы. Об этом задумываются и левые, о чем свидетельствует одна из статей в данном сборнике.

В странах Европы увеличивается число приезжих из других стран, главным образом из стран Ближнего Востока, Африки, Азии. Как правило, это люди другой религии, культуры, ментальности, что создает определенные трудности в общении с местным населением. В этом одна из причин роста праворадикальных настроений, что находит выражение в поддержке партий праворадикальной, националистической ориентации. Социал-демократы в силу своих ценностных установок не могут встать на откровенно националистические позиции. Они поставлены перед необходимостью решать проблему гуманного и демократического совмещения представителей различных культур.

Наконец, приобретает все большее значение проблема глобализации мировых процессов, прежде всего экономических. Социал-демократы, опять же в силу своей политической культуры, нацеленной на консенсусное разрешение конфликтов, не могут ограничиваться акциями протеста, тем более переходящими в уличные столкновения. Надо искать пути разрешения проблемы в пользу всех людей, затронутых глобализацией. Отсюда их девиз: «Глобализация с человеческим лицом».

События вокруг Ирака, происходившие в первые три месяца 2003 г., также были в центре внимания европейской социал-демократии. При

этом обнаружилось, что в руководстве ряда партий по-разному оценивают суть происходящего, и прежде всего политику администрации Белого дома в этом конфликте. Это прежде всего касается Французской социалистической партии и Лейбористской партии Великобритании. Как и в прошлом, социал-демократия поставлена перед необходимостью решать двойную задачу — сохранить мир и вместе с тем отстаивать принципы демократии. В какой мере это удастся, покажет будущее.

Что касается российской социал-демократии, то начиная с рубежей 2000 г. она была занята созданием единой дееспособной организации. На выборах в Государственную Думу в декабре 2003 г. она намерена добиться представительства в российском парламенте. Насколько это удастся, судить придется уже в новом, 2004 г. Во всяком случае, в марте 2003 г., когда данный сборник был сдан в печать, СДПР разработала свою программу, свой предвыборный документ. В сборнике представлены суждения руководства этой партии еще до начала избирательной кампании.

В России наконец-то создан фонд социал-демократической ориентации. Он носит название «отца-основателя» и идейного вдохновителя российской социал-демократии — Георгия Валентиновича Плеханова. В состав руководства Фонда Плеханова вошли видные деятели науки, политики, культуры. Фонд провел уже два первых заметных мероприятия. В ноябре 2002 г. он организовал в Санкт-Петербурге научную конференцию, посвященную осмыслению происшедшего в России после Октября 1917 г., а в марте 2003 г. в Москве — «круглый стол» в связи с 50-летием со дня смерти Сталина.

Хотелось бы обратить внимание на расширенную рецензию на книгу известного российского историка Станислава Васильевича Тютюкина, посвященную деятельности российских меньшевиков. Современные российские читатели, а тем более представители младших поколений, имеющие слабое представление об истории российских социал-демократов, получают возможность составить себе на основе взвешенного и объективного анализа автора книги достаточно полное представление об этой политической партии, несущей свою долю — и притом немалую — ответственности за все то, что происходило в стране в XX в.

I. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**Д. ХОВАРД
ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ ЛЕВЫХ
ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ:
ВЗГЛЯД ИЗ АМЕРИКИ**

D. HOWARD

The Left Agenda after September 11: An American view // Intern. Politik u. Gesellschaft. — Bonn, 2002. — N 4. — S. 68—83.

Должен ли интеллектуал или левый — если ему не нужно себя идентифицировать — всегда занимать критическую позицию, провозглашая, что «стакан наполовину пуст»? Должен ли он всегда противостоять правительству или имперской гегемонии? Должен ли он всегда принимать сторону меньшинства, или неудачника, или жертвы — и таким образом игнорировать ответственность, которая может лечь на плечи меньшинства, обездоленных или жертв? Стоит ли интеллектуал или левый перед выбором, который морально связан с той точкой зрения, что политический выбор и персональная ответственность излишни? Должен ли он всегда иметь чистую совесть и выступать если не на стороне ангелов, то, по крайней мере, на стороне технического прогресса?

Таковы риторические вопросы, которые приходят на ум при взгляде на политический ландшафт, сложившийся после атаки 11 сентября. На самом деле это старые вопросы (и не только риторические), которые восходят своими корнями к левым политическим движениям, вызывая в памяти, например, полемику между Марксом и Вейтлингом, Марксом и Прудоном или Марксом и Бакуниным; мысли о дебатах между реформи-

стами, ревизионистами и ортодоксальными марксистами; вспоминается печальный конец «новых левых», который потряс политическую культуру и сложившийся порядок в «первом», а затем во «втором» и «третьем» мире. Но те, старые дебаты происходили в условиях господства капиталистической экономики и необходимости преодоления эксплуатации и отчуждения, которые она создавала. Как я уже упоминал в других работах, было бы неверно делать политический выбор в зависимости от таких экономических условий (существование и влияние которых нельзя отрицать). Более справедливо будет признать, что современная политика должна принимать в расчет возникновение *демократических* социальных отношений, которые представляют собой вызов *всем* формам общественного господства (в течение того времени, пока эти демократические условия сохраняются)¹. В этом случае, вероятно, интеллектуалам и левым следует утверждать, что «стакан наполовину полон», а затем показать, каким образом его можно наполнять далее.

Но вернемся к 11 сентября. Критик Гарольд Розенберг однажды отозвался об одном ангажированном политике-военном как об «интеллектуале, который не думает». Он имел в виду, что военный использует свои мозги, так сказать, только для того, чтобы попытаться приспособить свое видение реального мира таким образом, чтобы оно могло вписаться в уже существующую «линию» партии. Такой военный не способен взглянуть в лицо *новому* — на самом деле, он очень комфортно себя чувствует в старом мире, где ритм жизни похож на колыбельную песню, усыпляющую спокойную совесть ни в чем не повинного человека, которому нет необходимости расти. Террор 11 сентября стал сигналом тревоги для интеллектуалов и для левых. Сначала следует оглянуться назад, на некоторые старые аргументы, которые вновь были поставлены на повестку дня, чтобы разобраться в том, что нового появилось. Самый насущный политический вопрос, который ныне стоит перед левыми, заключается в том, должны ли мы противостоять кому-либо в духе новой «холодной войны», которая заморозит любую возможность политических инноваций, или же понимание того факта, что свободный рынок не в состоянии предотвратить акты террора, должно привести к обновлению политики социал-

¹ Этот тезис более полно рассматривается в книге: *The specter of democracy* — N.Y.: Columbia univ. press, 2002; а также в моей последней книге: *Marx, a l'origine de la pensee critique.* — P.: Michalon, 2001.

демократов. Но такая политика не может просто реагировать на социальные нужды, как это делало старое «государство благосостояния».

Обновленная социал-демократическая политика должна осознать, что объектом атаки террористов стала демократия и что демократия должна не только защищать саму себя, но также перейти в наступление.

Старые аргументы: поворот к «коренным причинам»

Старые аргументы не являются ложными, проблема заключается в том, что они могут быть использованы для критики *любого* действия (или бездействия) Соединенных Штатов. Более того, они не принимают в расчет те аргументы, которые говорят в *пользу* данной акции. В результате старые аргументы оказываются слабыми, потому что они односторонни, основаны на «или/или»; при этом упускается из виду, что политика основывается на суждениях, которые выносятся в ситуациях, не определяющихся рациональным выбором или «игрой с нулевым результатом». Целенаправленность политических суждений не означает, однако, что политика относится к области, где правит моральный релятивизм. Несомненно, существуют определенные ценности и моральные стандарты. Поэтому, например, представители Франкфуртской школы остаются антикапиталистами, даже когда они работают на OSS, передовое подразделение ЦРУ; нацизм был огромным злом и представляет собой непосредственный вызов. Говоря обобщенно, враг моего врага не обязательно мой друг, как полагали многие накануне войны, когда прогрессивные интеллектуалы призывали не критиковать московские процессы, потому что Америка все еще линчевала негров! Этот старый подход остается в силе до сегодняшнего дня.

I. Самым общим из старых аргументов является обращение к «коренным причинам»: да, терроризм — это плохо, но мы должны понимать, что это реакция на что-то намного более серьезное, глубокое и вызывающее к вниманию. По-видимому, террор является выражением этого более глубокого процесса, коренной причины. Эта коренная причина не оправдывает террор, однако делает его понятным; и левые, и их политика оправданы тем, что способны проникать в этот глубинный смысл и выявлять скрытые корни зла, которые затем необходимо искоренить. Этот тезис может быть сформулирован в широком смысле и приспособ-

лен к конкретному языку внешней и внутренней политики — каждый уровень указывает на другие, обещая ключ к пониманию мировой истории.

Самая распространенная форма этого аргумента о «коренной причине» служит для оправдания антикапиталистической политики. Капиталистическая эксплуатация губительна как для традиционных форм жизни, так и для окружающей среды. В своих лучших проявлениях капитализм ведет к свободе торговли, которая, однако, увеличивает разрыв между богатыми и бедными, и в то же время наступление капиталистической культуры ведет к исчезновению самобытных культур. Это правда, но не совсем понятно, как с помощью такого универсального утверждения можно объяснить *данный* конкретный террористический акт. Можно реагировать по-разному на последствия капитализма, который *также* открывает новые социальные и политические возможности, приводит к росту ожиданий, дает новые надежды и создает новые проекты — в отличие от «горючего», антиполитического, нигилистического терроризма.

Один из вариантов аргумента об антикапиталистическом характере коренной причины ставит капитализму в вину различные формы империалистической эксплуатации, в частности, контроль над природными ресурсами, необходимый с момента падения колониальной системы. Это объясняет, например, поддержку Соединенными Штатами коррумпированных арабских нефтяных шейхов, терпимость по отношению к террору режима Путина в Чечне или интервенцию в Афганистан как «действительно» мотивированную нефтяными интересами и проектом строительства нефтепровода. Капиталистический империализм стремится не только к контролю над природными ресурсами, он также монополизирует неприродные ресурсы, такие как патенты, позволяющие продавать лекарства против СПИДа по эксплуататорским ценам. И все эти счета, предъявляемые капитализму, верны, однако они не объясняют *данный* конкретный террористический акт. Почему бы не вернуться к тактике партизанской войны или символически мощным похищениям людей, как в прошлые времена?

Капитализм также можно обвинить в проведении политики политического контроля, который отрицает демократическое самоуправление и права рабочих, одновременно поддерживая коррумпированных олигархов. Хотя эта критика верна и легко иллюстрируется на примере Ближнего Востока, тот факт, что 11 сентября был также днем переворота Пиночета в Чили в 1973 г. и поражения турок у ворот Вены в 1683 г., предполагает необходимость принять в расчет более широкий исторический

контекст, в который включены происходящие события. Поддержанный Соединенными Штатами заговор против Альенде имел место в рамках «холодной войны», когда «враг» был геополитическим действующим лицом, а не просто пассивной жертвой².

Короче говоря, аргумент о «коренной причине» направлен против противостественного неравенства, выражающегося в растущем разрыве между богатыми и бедными странами и регионами (также и против неравенства внутри беднейших регионов). Эксплуатация в международных отношениях соединяется с эксплуатацией собственных рабочих в порочном кругу, который устроен таким образом, чтобы воспроизводить в более широких масштабах все те несправедливости, которые существовали в самом начале капитализма. В современной версии этого аргумента, предлагаемой, например, Акселем Хоннетом, создается асимметричная ситуация, в которой один из участников отрицает право других на «признание», являющееся естественным правом людей и сообществ; радикальная политика (в том числе терроризм?) становится борьбой за признание. Это, однако, не объясняет происхождение терроризма – первоначального греха, который начинает круг.

II. Одна из трудностей, связанных с аргументом о «коренных причинах», заключается в том, что он приписывает всю вину огромным и, по-видимому, безличным силам, на которые отдельные личности не могут оказывать значительное влияние. Исправляя это, модифицированная версия предлагает следующую формулировку: «Террористы могут быть плохими, но мы еще хуже». Мы изначальные грешники, первые террористы, которые держат головорезы у власти, эксплуатируя и унижая всех прочих. Более того, мы делаем это с целью поддержания эгоистического, пропитанного наркотиками, сексуально распущенного общества, которое должно быть здоровым и целостным. Ирония, конечно, состоит в том, что это провозглашает американское религиозное право, и в это же верит бен Ладен³. Левые силы признают, что настоящий грех состоит в том, что капитализм убивает больше людей, чем погибло во Всемирном торговом центре и Пентагоне, и признают то, что мы можем, а следовательно, должны исправлять наши

² Я еще вернусь к «холодной войне» и политике в мире после «холодной войны», так же как и к изменившейся судьбе ислама в современном мире.

³ Эту позицию заняли 12 сентября преподобные Джерри Фолвел и Пэт Робертсон; что касается бен Ладена, то см. дискуссию ниже и работу: Berman P. *Terror and liberalism* // *American prospect* – N.Y., 2001. – Oct. 22. – P. 18–23. Верят ли этому левые? «Левый пуританизм» имеет длинную историю...

собственные ошибки. Тем не менее аргумент о «коренной причине» остается слабым, так как исходит из того, что как только *мы* исцелим себя, у *них* исчезнет повод для обиды, и *все* мы заживем счастливо в мире, не нуждающемся в политике и правосудии.

Вариантом этого утверждения является так называемая теория «удара в спину», часто приписываемая Кэлмеру Джонсону, который осуждает Соединенные Штаты за то, что они имеют дело с «плохими парнями» (или создают их, как было с бен Ладеном), которые затем поворачиваются против нас, когда оказываются затронуты важные для них цели. То есть «11 сентября» является заслуженным, это расплата за безнравственную (или аморальную) поддержку тех злодеев, которые теперь отстаивают свою независимость⁴.

III. Небольшое смещение акцентов в теме «коренной причины» указывает на конкретный политический выбор, который, по общему мнению, вызывает всеобщую ненависть: неограниченная поддержка, якобы предоставляемая Израилю. Ни одно из этих объяснений не выглядит убедительным: иногда обвиняют внутреннее лобби (AIPEC), иногда причина заключается в отказе признать ислам и исламскую цивилизацию, в то время как другие предлагают стратегию в отношении арабского национализма, выраженную формулой «разделяй и властвуй». Ни одно из этих объяснений не является убедительным, учитывая, что Буши (отец и сын) склоняются к проарабской (пронефтяной) ориентации, в то время как их союзники настроены произраильски, и нынешняя администрация Буша — несмотря на свою пассивность (если не сказать хуже) на Ближнем Востоке — признала право палестинцев на государственность.

IV. Последний блок старых аргументов восходит к страху демократических левых, что из-за уникального статуса президента как главнокомандующего исполнительная власть значительно усилится во время войны и что это усиление произойдет за счет ограничения гражданских прав⁵. Это

⁴ Прошло несколько дебатов о том, следует ли конгрессу принять закон о запрете работы ЦРУ с коррумпированными иностранцами, как это было сделано, например, с никарагуанскими контраст или до этого с Норьей в Панаме. Некоторые даже хотели наложить запрет на тайные убийства! Ниже я выдвигаю предположение, что если администрация Буша использует атаки террористов для начала новой «холодной войны», то эти изменения станут вполне вероятными и превратятся в объект серьезной критики.

⁵ Исполнительная власть угрожает также правам конгресса, как отмечает сенатор Роберт С. Берд (Byrd R.C. Why Congress has to ask questions // New York times. — 2002. —

объясняет позицию левых, которые выступали против вступления Соединенных Штатов в обе мировые войны. Можно ли сравнить это с ситуацией в США после событий 11 сентября? Этот вопрос мы рассмотрим в следующем разделе.

Новые вопросы: как вести «войну с терроризмом»

I. Непосредственно после террористических актов и шесть месяцев спустя вопрос о гражданских правах, особенно о правах выходцев с Ближнего Востока, находящихся в тюрьмах без предъявленного обвинения, не был решен. В то же время Буш и Эшкрофт были вынуждены отказаться от практики военных судов, так как процедуры судопроизводства не были проработаны до конца⁶. Случались и эксцессы, в частности с генеральным прокурором Эшкрофтом, чье регулярное присутствие на телевидении было резко сокращено. Подобных эксцессов можно было ожидать от нынешней администрации, склонность которой к секретности и манию контролировать всех и вся (как во внутренней, так и во внешней политике) не следует недооценивать. Больше удивляет тот факт, что борцы за гражданские права, чьи протесты объясняют более осторожные подходы администрации, встали на ее сторону. Расовое разделение рассматривается многими как приемлемое⁷, ведется дискуссия о создании документов по национальной идентичности и о более тесной координации деятельности ФБР, ЦРУ, Иммиграционной службы и местной полиции. Можно ожидать новых политических споров — именно политических, потому что назревшие проблемы уже нельзя разрешить в рамках

March. — N 12). См. ниже способ, который используют республиканцы для критики демократов из-за этой двусмысленности.

⁶ Теперь уже вышедший на пенсию репортер «New York Times» Энтони Льюис касается обеих тем в своей заметке (Lewis A. Taking our liberties // New York times. — 2002. — March, N 9). Прекрасное обобщение законных аспектов вопроса и критику таких либералов, как Лоуренс Трайб, можно найти у Джорджа П. Флетчера (Fletcher G.P. War and the constitution // American prospect — N.Y., 2002. — Jan. 1—14); он указывает, что если захваченные в плен являются военнопленными и имеют права, данные им Женевской декларацией, то они не подлежат суду, если же они обвиняются в гражданских преступлениях, то имеют право на судебный процесс.

⁷ Кстати, люди, которым после 11 сентября были предъявлены обвинения — Моссэй и Ричард Рейд, — оба родились, соответственно, во Франции и Англии!

дискуссии и морально-легального противостояния между либерализмом и коммуитаризмом. Доминированием морально-легальной парадигмы можно объяснить многие из тех зол, которые обличает И.Дж. Дион в книге «Почему американцы ненавидят политику»⁸.

II. Остались ли место и роль противостояния неизменными после террористических актов? После событий 11 сентября определенно появились основания для критики. У каждого будет свой каталог претензий, включающий такие пункты, как, например, очевидное игнорирование правительством готовящихся атак и многочисленные аресты выходцев с Ближнего Востока для того, чтобы продемонстрировать общественному мнению, что правительство всегда стоит на страже общества, сомнительный альянс с русскими, саудовцами, узбеками и пакистанцами, а также и тот факт, что Индия и Израиль используют «войну с терроризмом» для достижения собственных политических целей. Должно ли все это быть просто проглочено, как невкусное лекарство, необходимое для излечения от новой болезни? Некоторые журналисты допускают самоцензуру, другие критикуют правительство за секретность и попытки контролировать прессу⁹. Первые сомнения относительно адекватности ответа Соединенных Штатов исчезли после размеренной подготовки, которая предшествовала военной операции (и хорошо исполненного обращения к Конгрессу 24 сентября) — и даже в большей степени после очевидного быстрого и безболезненного успеха в борьбе против талибов, который положил конец разговорам о «затягивающем болоте», как было с Вьетнамом. В то же время явно неограниченное вовлечение в конфликт таких стран, как Йемен, Филиппины и Грузия — не говоря уже о постоянно звучащих призывах к войне с Ираком (или с Саддамом), — могут привести к возрождению сомнений.

⁸ О книге Диона и работах других критиков см. мою работу: Howard D. Le debat. Politique aux USA, которая была переведена на немецкий язык как «Theorie und Praxis der jungsten amerikanischen Politik» // *Ästhetik u. Kommunikation*. В., 2002. — Jg. 21, Н. 78. — S. 118–124. Высказываются предположения, что в американской конституции необходимо найти место для чего-либо, похожего на «государство исключения» (Arato A. *Minima politica after September 11th* // *Constellations*. — Oxford, 2002. — Vol. 9, N 1 — P. 46–52).

⁹ Бдительность публики и прессы способствовала быстрому исчезновению проекта Пентагона по созданию офиса дезинформации, чтобы обеспечить «корректные оценки» зарубежной прессы. Этот проект официально появился в начале марта 2002 г., а 5 марта он был уже мертв.

Это может привести к ситуации, когда высокий рейтинг у избирателей и военный успех повлекут за собой дальнейший раскол. Несправедливо избранный президент («резидент Белого дома») столкнулся с квазирелигиозным вызовом. «Война» с терроризмом оправдывает любое его действие — в частности, те действия, которые проводят его внутренние союзники, например, снижение налогов, предоставление полномочий для ведения переговоров о соглашениях по свободной торговле, дефицит бюджета, военные расходы... Даже для политиков это слишком большой кусок, чтобы молча проглотить его. Но республиканцы-«патриоты» воспримут в штыки любую критику, что отчетливо проявилось в статье «New York Times» (4 марта 2002 г.): «Дэшли хочет, чтобы президент больше рассказал Конгрессу о своих планах в отношении войны», в которой указывалось на критицизм как на «признак того, что мы теряем единство, что и будет использовано против нас за океаном». Хорошо известно, что отвага политиков зависит от настроения их избирателей.

Несправедливо избранный президент столкнулся с квазирелигиозным вызовом. «Война» с терроризмом оправдывает любое его действие — в частности, те действия, которые проводят его внутренние союзники, например, снижение налогов, предоставление полномочий по ведению переговоров о соглашениях по свободной торговле, дефицит бюджета, военные расходы.

III. В данном контексте новый лик глобализации представляется далеко не таким простым, каким его видели в Сिएтле или Женеве; финансовый капитал и экологические проблемы сливаются в более сложном рисунке ткани человеческого общества. Люди глобальны. «New York Times» в статье «Портреты горя», публиковавшейся ежедневно в течение трех месяцев после атак, показала человеческое лицо глобализации, касающейся всех, невзирая на классы и национальности, в том, что Эли Зарецкий назвал «дереификацией» или гуманизацией широких категорий населения¹⁰. Но террор также глобален, и не только из-за транснациональной деятельности и состава участников. Например, экономическая глобализация означает открытие границ, быструю и своевременную доставку и, таким образом, легкий проход через таможенные потенциальных

¹⁰ См.: Zaretsky E. Trauma and dereification: September 11 and the problem of ontological security // Constellations. — Oxford, 2002. — Vol. 9, N 1. — P. 98–105.

армий массового поражения¹¹. В то же время открытость демократических обществ и защита ими гражданских прав и свобод обеспечивают прикрытие террористам (которых гораздо проще было бы наказать в диктаторских обществах). В этом отношении терроризм — внутренняя проблема демократических обществ, которые сами по себе де-факто глобальны¹².

IV. Является ли война сама по себе глобальным феноменом в настоящее время? Действительно, каково настоящее лицо войны? Можете ли вы вести войну без определенного и объявленного врага? Каковы цели военной кампании после 11 сентября? Вызов заключается в придании политических форм терроризму, который не провозглашает целей и в то же время прячет своих агентов¹³.

1. Первая модель подпитывается опытом деколонизации, когда жестокие освободительные движения не были поставлены вне закона и были предприняты попытки найти точки соприкосновения для ведения переговоров. Но «Аль Каида» не ставит перед собой подобные задачи, как это делал, например, Фронт национального освобождения в Алжире, обсуждавший с Францией условия деколонизации в Эвиане.

2. Недостаток партнеров для переговоров отсылает нас к утверждению о «проигравших государствах». Херфрид Мюнклер¹⁴ утверждает, что современная война все больше приватизируется. Приватизированная война становится самовоспроизводящейся индустрией, поскольку военные чиновники не заинтересованы в ее окончании. Следовательно, необходимо укреплять государства, чтобы ограничить этот самовосстанавливающийся цикл войны. Хотя этот факт подтверждается на примере Сьерра Леоне, Либерии и Конго и, несмотря на быстрое исчезновение, талибским «государством», но соответствует ли это утверждение ситуации с «Аль Каидой»?

3. В поисках адекватного уровня политических действий некоторые предлагают международное вмешательство. Майкл Ховард выступа-

¹¹ См.: Flynn S.E. America the vulnerable // Foreign Affairs — N.Y., 2002. — Vol. 81. — N 1. — P. 60–74.

¹² См.: Mongin O. Sous le choc. Fin de cycle? Changement d'ere? // Esprit. — P., 2001. — Oct. — P. 22–40

¹³ См.: мою первую реакцию на события 11 сентября (Howard D. Krieg oder Politik // Kommune. — Frankfurt a. M., 2001. — Okt. — S. 6–9.

¹⁴ Заметьте, что «проигравшие государства» не идентичны «хитрым государствам», которые становятся проблемой для тех, кто хочет повернуть послесентябрьскую войну против Ирака.

ет против того, чтобы называть терроризм актом войны, предлагая вместо этого провести полицейскую операцию под эгидой ООН, чтобы противостоять преступлению против международного сообщества¹⁵. Но сведение значения атак к простому преступлению (даже если оно направлено против «человечества») означает, что сообщество сможет реагировать только на свершившийся факт, оставаясь незащищенным заранее. Однако ни один политический деятель не согласится принять на себя такой риск.

4. Хотя это и трудно для американского оптимизма, терроризм необходимо понимать как абсолютное зло. Это приведет к инверсии аргумента о «коренной причине» и не дает возможности обезопасить себя от будущих угроз. Единственное преимущество заключается в гигантской цели предложить наиболее полное объяснение: объяснение абсурдом.

5. Эти трудности показывают, что было бы полезно вернуться к старой концепции, которая выпала из поля зрения после того, как сама послужила глобальным объяснением зла. Тоталитаризм не идентичен рухнувшим режимам коммунистов и нацистов, он представляет общую реакцию на столкновение с современностью и демократией, которая не кончилась с их падением¹⁶. Как бы ни интерпретировать исламские корни терроризма — с религиозных¹⁷ или со светских позиций¹⁸, — в основе дей-

¹⁵ См.: Howard M. What's in a name? // Foreign affairs. — N.Y., 2002. — Vol. 81. — N 1. — P. 8—13.

¹⁶ См.: Howard D. The specter of democracy..., особенно главы 8.

¹⁷ См.: Doran M. Understanding the enemy // Foreign affairs — N.Y., 2002. — Vol. 81. — N 1. — P. 22—42. Террористы апеллируют к имаму против местных властей, когда те не соблюдают законы шариата, и таким образом напоминают тех, кто поддержал Мухаммеда во время бегства из Мекки только для того, чтобы сохранить собственные позиции. Таких правителей также рассматривают как политеистов, которые добавляют свои законы к божеским. Эта «Salafiyya» может объединиться с нерелигиозными силами, как было в период, который бен Ладен считает 80 годами унижения (с момента поражения Османской империи, нанесенного «альянсом сионистов и крестоносцев»).

¹⁸ Оливер Монгин представляет следующую версию: за терроризмом, не обязательно религиозным, который спонсирует государство (Сирия, Ливия), пришел терроризм религиозный, который обратился против коррумпированных государств (и потерпел поражение в Египте, а в Алжире был интегрирован). Третьим этапом был не государственный и не антигосударственный терроризм, но терроризм международный, базой которого стала отвергнутая молодежь Европы, которая является продуктом современного общества, но не стремится ни к государственной власти, ни к революции, а использует ислам как инструмент для причинения вреда Западу, частью которого она сама является.

ствий террористов лежит это столкновение. Этот факт *не означает* превращения «войны» с новой тоталитарной угрозой в новую «холодную войну», но помогает объяснить определенные аспекты поведения нового врага — например, необходимость в лидере, созданном с помощью мифа (и который по этой самой причине одновременно и могуществен, и слаб); тот факт, что такому лидеру нужны постоянные победы, своего рода перманентная революция, направленная против полиморфного врага, в результате чего его движение будет постоянно находить нового врага (либеральную демократию, права человека, секуляризм...) — и не сможет поставить такие цели, которые предоставят хотя бы минимальную возможность вести политические переговоры.

Вызов для демократии

I. Начнем с наивного вопроса, которым задаются многие американцы: «Почему они делают это с нами?». Этот вопрос имеет несколько смыслов. Первый — это его абсолютная наивность: американцы не понимают, что они влияют на жизнь других в этом все более взаимозависимом глобальном мире. Потеря невинности может оказаться не таким уж плохим делом — именно поэтому странствующие торговцы «просвещения» называют порнографию «философией» — в частности, после победы в «холодной войне» (т. е. крушения коммунизма) Америка преодолела так называемый «вьетнамский синдром». 11 сентября было жестким заявлением Америке: «Добро пожаловать в мир»; Америка должна научиться отвечать собственным: «Добро пожаловать в мир»¹⁹. Кроме того, наивность выражается в идее, что они не столько атаковали нас, сколько наши демократические ценности. Наивны здесь не ценности, а убеждение, что если они провозглашены универсальными, все обязаны принять их. Урок, который необходимо извлечь из этих атак, заключается в том, что за эти ценности надо бороться, защищать их, что их можно утратить.

Демократия — такой образ жизни, который лишен прежней безусловности и вынужден постоянно вновь подтверждать те ценности, которые им выбраны, и по этой самой причине может делать выбор, который не все одобряют. Таким образом, это плюралистическая форма общества, построенная на толерантности и открытая для критиче-

¹⁹ См.: Howard D. Krieg oder Politik // Kommune. — Frankfurt a. M., 2001. — Okt. — S. 6—9.

ских дискуссий. Возможно, более важно то, что по этой причине демократия представляет собой динамическое общество, которое постоянно изменяется, ставит под вопрос и проверяет каждую ценность, лежащую в его основе.

Как нация, основывающаяся на ценностях, Америка также базируется на свободном выборе граждан принимать эти ценности или нет (отсюда относительная толерантность к иммигрантам). Но смысл этого свободного выбора заключается в том, что те, кто не принимает американские ценности, — грешники, которые должны быть обращены на путь истинный или наказаны. Это, безусловно, отражается на отношении Америки к иностранцам, но применимо и к раскольникам, особенно к левым, которым дан ярлык «неамериканцы». Ответ левых на эти выпады должен показать, что их критика направлена на обвинение Америки в том, что она сама не живет в соответствии со своими ценностями. И одна из этих ценностей, подразумеваемая этой свободой, но часто забываемая, — принцип терпимости и уважения к «непохожести» других²⁰.

II. Этот упор на ценности подчеркивает тот факт, что та демократия, которой брошен вызов, не просто избирательная система или защита либеральных гражданских прав — хотя верно и то, и другое. Демократия — такой образ жизни, который лишен прежней безусловности и вынужден постоянно вновь подтверждать те ценности, которые им выбраны, и по этой самой причине может делать выбор, который не все одобряют. Таким образом, это плюралистическая форма общества, построенная на толерантности и открытая для критических дискуссий. Возможно, более важно то, что по этой причине демократия представляет собой динамическое общество, которое постоянно изменяется, ставит под вопрос и проверяет каждую ценность, лежащую в его основе. Как заметил Пол Берман во время дискуссии на тему «Террор и либерализм»²¹, то, что Буш называет «первой войной XXI века», во многом напоминает великие войны XX в., которые были направлены против либеральных демократий и велись милитаристскими движениями и государствами, пытающимися вернуться к единству, чистоте и определенности, постоянно подрываемым динамизмом и прогрессом демократических обществ. Эти современные фундаментализмы были настолько могущественны, что даже в

²⁰ См.: Howard D. Der echte Americanismus entsteht in America selbst // Kommune. — Frankfurt a. M., 2002. — Jan. — S. 10–11.

²¹ American prospect. — N.Y., 2002. — Oct. 22.

демократических обществах всегда находились граждане (как слева, так и справа), которые сомневались в необходимости и жизнеспособности демократичных демократий, а также не спешили защищать подобные демократии.

III. Где же в таком случае место критически настроенного интеллектуала в демократическом обществе? Это проблема «полупустого стакана», с которой я начал дискуссию. Этот пункт может быть проиллюстрирован столкновением между американской риторикой о многополярности и однополярной действительностью. Критик может объявить риторику просто уловкой, для того чтобы сохранить американскую гегемонию (которая существует)²². Или критик может утверждать, что это дань, которую зло платит добродетели, и ее надо рассматривать как первый шаг на пути к усилению того, что Дэвид Хелд называет глобальным гражданским обществом, или, как предлагает Роберт Блэкберн, это первые шаги не только на пути к реформированию ООН, но и на пути к тому, что Джонатан Шелл называет «неоконченным двадцатым веком», в частности проблема оружия массового уничтожения²³. То, что это не просто теоретические вопросы, становится очевидно, когда мы возвращаемся к конкретному политическому выбору, перед которым стоят ныне американские левые, а им пока нечего сказать о ситуации, сложившейся после 11 сентября.

Необходимость постоянной активизации демократии

I. Обещание «долгой войны с терроризмом», которая будет вестись на нескольких фронтах одновременно, любым оружием, в том числе интеллектуальным (или «идеологическим»), вызывает к тому, что для многих чиновников из администрации Буша представляется добрыми старыми временами «холодной войны», когда был четко определенный враг (которого не всегда было легко идентифицировать, так как следовало опасаться предательства, но предполагаемое присутствие которого оп-

²² См., например, работы Б.Барбера, который критикует псевдомногосторонность, сторонники которой желают создавать «коалиции» (для собственных нужд), отрицая в то же время политические альянсы, призванные скреплять эти коалиции (Berlin journal, 2001. — Nr.3 — Autumn).

²³ См.: Blackburn B. The imperial presidency, the war on terrorism, and the revolutions of modernity // Constellations. — Oxford, 2002. — Vol. 9. — N 1. — P. 3–34; Held D. Violence, law, and justice in a global age // Constellations. — Oxford, 2002. — Vol. 9. — N 1. — P. 74–88.

равдывало любые действия). Этот ментальный мир гарантировал политическую поддержку народа правительствам, которые могли обличать критиков как нарушителей императива «единство во время войны».

Но прежде чем разоблачить эти манипуляции перед общественным мнением, следует отметить, что старый взгляд времен «холодной войны» был близок критикам и даже удобен: это мир, где демистификация, критика идеологии и недремлющее око, ищущее наживу, весьма полезны для разгадывания маневров противника. Эта конгруэнтность левых и правых возникает оттого, что никто не воспринимает всерьез автономию (и неопределенность) демократической политики. В результате распространяется *антиполитика*, которая в случае с «полупустым стаканом» политики левых приводит к выводу, что сама политическая система коррумпирована и построена таким образом, чтобы не допустить даже небольших перемен. Это может дать толчок обиженному антидемократическому популизму, который может даже оправдывать терроризм, обращаясь к тому, что Робин Блэкберн — считающий социалистическую критику антисемитизма «социализмом дураков» — называет «антиимпериализмом дураков»²⁴. Точка зрения Блэкберна хорошо представлена: поддержка терроризма любого вида никогда не помогала левым.

Ценности общества могут вступить в конфликт с правом на свободу выбора. Этот конфликт не философический спор либеральных прав с общественными ценностями; это больше выражение динамики, которая типична для современного демократического общества, — динамики, которую нельзя сводить к моральному выбору.

II. Сентябрьские атаки можно рассматривать как знак конца различных видов экономической антиполитики: версия правых, популяризованная Рейганом и Тэтчер, исходила из того, что при поощрении развития капиталистического общества (по их расчетам, саморегулирующегося) роль государства должна быть минимальной. Но это же все равно, что совершить глупость передачи охраны аэропортов в руки частных авиакомпаний; самоотверженное поведение пожарных и полиции, которое способствовало преодолению стереотипного представления о государственных служащих как слишком снисходительных к самим себе, и признание того, что, нравится это или нет, Америка является частью глобально взаимозависимого мира, поддерживает надежду на возрождение социал-демократии. На самом деле, опросы показывают, что впер-

²⁴ См.: Blackburn B. Op. cit.

вые с 1970-х годов большинство американцев доверяют Вашингтону. Это делает возможным социальную политику «полуполного стакана»²⁵. Но демократический компонент, который не следует отождествлять с политической партией, носящей это имя, все еще не определен.

III. Нельзя забывать об избирательной политике, но она не является в демократической политике главной. Последние исследования фокус-групп Стэнли Б. Гринбергом показали возможность победы демократической партии на основе четырех стратегических пунктов²⁶.

1. Новая гордость при национальном единстве преодолела «вьетнамский синдром», и это означает, что вопрос национальной безопасности теперь не причинит вреда демократам, которые уже не рассматриваются как антипатриоты.

2. Из этого вытекает новое чувство общности, предполагающее обязанность помогать другим, и то, что личные желания менее важны, чем общественное благополучие. То есть демократы смогут осмеять определение патриотизма Буша как потребительское – поэтому Буш в настоящее время поддерживает отечественный клинтоновский Корпус мира (переименованный типично по-американски в Корпус свободы, который он разоблачал во время избирательной кампании)²⁷.

3. Серьезность частных и общественных целей после шока 11 сентября означает, что снижение налогов может быть не таким уж важным (вот почему Буш отказался от нового снижения налогов в мартовском номере «Economic recovery bill» за 2002 г.).

4. Наконец, фундаментализм террористов демонстрирует импорт свободы выбора и работает против республиканского права и его обращения к религиозным ценностям, которые являются нетерпимыми и догматичными.

IV. Демократы могут прийти к власти и принести с собой жизненно необходимые социальные реформы (здравоохранения, расширения прав рабочих) и политику по защите окружающей среды. Попробуем разобраться, что же имеется в виду под демократией. Четыре пункта Стэнли Гринберга иллюстрируют изменившееся отношение американцев к ценностям, кото-

²⁵ Следствием противостояния морально-легальных парадигм коммунитаризма и либерализма стало, в том числе, и ограничение политических дискуссий.

²⁶ Результаты Гринберга обобщены в: American prospect. – N.Y., 2001. – Dec. 17.

²⁷ См., например: Bush rallies volunteers for his new corps // New York times. – N.Y., 2002 – March, 13, где рассматривается, как эта инициатива теперь пересекается с актуальной темой борьбы против терроризма.

рые являются фундаментом демократического общества. Но ценности общества могут вступить в конфликт с правом на свободу выбора. Такой конфликт не философский спор либеральных прав с общественными ценностями; скорее, он выражает динамику, которая типична для современного демократического общества, — динамику, которую нельзя сводить к моральному выбору. В свою очередь, при этом предполагается, что необходимость поддерживать гражданские свободы, даже для защиты общества, не может быть сведена к моральной/легальной версии выбора. Это именно та ниша, которую могут занять демократические левые критики, не настаивающие, что «стакан наполняется», но и не показывающие в аскетическом порыве «полупустой стакан».

В период прошлой «холодной войны» левые могли только реагировать (поскольку едва ли могли защитить реально существующий социализм); и, поскольку они находились в обороне, они разоблачали «полуполный стакан». Новая «холодная война» против терроризма имеет иную структуру: левые не только могут выступать против терроризма (и его коренных причин), но и утверждать, что корни терроризма (как у него дома, так и за границей) лежат в его антидемократических ценностях и что это угроза демократии, против которой нужно бороться, включая угрозу, которая исходит от «коренных причин» терроризма, хотя кажется слишком простой для объяснения террористических атак. Чему террористические атаки должны были научить левых (как и критика тоталитаризма должна была этому научить), так это тому, что угрозу для существующего порядка (беспорядка) представляет демократия, внутренне противоречивая политическая динамика которой должна постоянно восполняться, чтобы ее критическая природа не превратилась в фатальную слабость. Этот же урок подразумевает, что левые не должны считать своим успехом — например, возобновление доверия в государстве, контролируемом Демократической партией, — то, что они остаются верны себе до конца, но должны в большей степени способствовать тому, чтобы демократическое общество стало более активным и самокритичным. Даже тот стакан, который уже наполняется, все равно остается частично пустым; критика не должна ни разоружаться, ни играть роль придворного шута.

Перевод Екатерины Верещагиной

**Д. МИЛИБЕНД
БУДУЩЕЕ НОВЫХ ЛЕЙБОРИСТОВ:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ**

D. MILIBAND

**The future of New Labour: a view from inside // Intern. Politik
u. Gesellschaft. — Bonn, 2002. — N 3. — S. 15–25.**

По иронии современной политики, британская Лейбористская партия — одна из наименее успешных социал-демократических партий XX в. в Западной Европе — в начале XXI в. вдруг стала выглядеть одной из самых успешных. В то время как в Италии, Дании и Франции социал-демократические правительства были вынуждены уйти в отставку, а в Германии социал-демократам пришлось вступить в жесткую предвыборную борьбу, Лейбористская партия как будто бросила вызов законам политического тяготения.

В данной статье я попытаюсь объяснить динамику политического господства «новых лейбористов» в современной Британии, проанализировать достижения работы ее правительства, выявив его сильные, слабые стороны, а также брошенные им вызовы; высказать в порядке гипотезы предположения относительно следующих шагов партии до окончания срока действия этого парламента и в начале работы вновь избранного; и, наконец, предложить читателям некоторые заключения о значении опыта лейбористов для других левых партий Европы.

Пять стратегических целей

В 1992 г. во время выборов аналитики задавались вопросом, означало ли поражение на выборах «последний шанс для лейбористов». Изменения классового состава, расхождения в политических предпочтениях мужчин и женщин, избирательная система — все, казалось бы, указывало на незыблемость гегемонии консерваторов. Однако десять лет спустя люди задаются такими же вопросами, но уже говорят о господстве лейбористов и спрашивают, так ли бесповоротен упадок консерваторов. Разумеется, две произошедшие в этом веке одна за другой убедительные победы на выборах могут затмить приход к власти Тэтчер, Эттли или Болдуина. Единственную тонкую параллель можно провести с господством консерваторов в период Гладстона.

После смерти в 1994 г. Джона Смита Тони Блэр, Гордон Браун и их соратники выдвигали очень простые аргументы. Они были уверены, что экономические и социальные реформы влекут за собой невозможность победы лейбористов и что проблемы Британии нельзя решить проверенными и испытанными методами послевоенной социал-демократии — с помощью счастливого синтеза кейнсианского общества благосостояния. Они руководствовались пятью стратегическими амбициями, каждая из которых имела свое политическое измерение, но относилась к существенному вопросу британской политики 90-х годов.

1. Лейбористам необходимо поддерживать основные социал-демократические ценности, предлагая при этом новые средства для их достижения. Прежде всего, это означает пересмотр роли государства в современной социал-демократической политике.

2. Опираясь на историю прогрессивной мысли в Британии, лейбористы должны развивать концепцию «либерального социализма», предполагающего социал-демократическую приверженность социальной справедливости, достижимой через коллективные действия, дополняемой приверженностью индивидуальной свободе в рыночной экономике.

3. Лейбористам следует сочетать разные идеи для формирования благосостояния — идеи «политики производства» с приверженностью справедливым результатам, т.е. с «политикой распределения».

4. Лейбористам необходимо овладеть сферами права, порядка и обороны и четко и последовательно определить свои подходы в этих областях политики.

5. Лейбористам нужно вступить в контакт со складывающимися в Британии динамичными направлениями общественной мысли, от коммунизма до сторонников реформы государства и движений защитников окружающей среды.

Помимо счастливого стечения обстоятельств и улыбки судьбы, которые помогли лейбористам добиться успеха, партия преуспела за последние пять лет благодаря тому, что связывала эти цели с последовательным изложением своих программ. В тех случаях, когда им приходилось выдерживать трудную борьбу, это происходило из-за того, что они не могли решить одну или более из описанных выше головоломных задач. На каждом этапе пребывания в оппозиции до прихода к власти в 1997 г., а потом будучи правящей партией, лейбористы старались заново сформулировать, какой политический выбор стоит перед Британией и перед их избирателями.

Незаконченная повестка дня

Ведущие политики до 1997 г. обращали внимание на перемены, которые могут быть губительными, и стремились сделать доверие населения фундаментом правящей Лейбористской партии, а также средством решения коллективных проблем. Подводя итоги пять лет спустя, мы можем в значительной степени объяснить, почему в прошлом году (2001) электорат решил наделить лейбористское правительство мандатом доверия на продолжение его политики.

1. В экономике Британия достигла устойчивого роста на фоне неопределенной, если не сказать неблагоприятной, международной экономической обстановки. Уровень занятости возрос на 1 млн. человек, а в округах с самыми высокими показателями безработицы, таких, как Соут-Шилдс, безработица сократилась примерно на треть; среди молодежи, которая находится в центре внимания программы нового курса правительства, — на 60%. Низкие процентные ставки и надежное управление экономикой — жизненный фундамент политической поддержки лейбористов.

2. В социальной политике правительство предприняло ряд мер для существенного увеличения доходов многодетных семей, малообеспеченных пенсионеров, низкооплачиваемых работников и начало серьезную длительную борьбу против социальной изоляции. Впервые в западной экономике семьи с детьми, пенсионеры и низкооплачиваемые

рабочие были охвачены системой налоговых льгот и страховых пособий. Аргумент, что социальные права должны соответствовать возлагаемой на их носителей ответственности, лишил остроты нападки консерваторов в адрес получателей помощи и открыл возможности для проявления особой щедрости нуждающимся гражданам.

3. После того как налоговая политика и расходы подверглись корректировкам на последней сессии парламента, финансы страны находятся в благополучном состоянии, и правительство может гордиться резким повышением расходов на медицину и образование, причем впервые за последние 30 лет доходы государственного сектора превышают доходы частного. Эти достижения удачно сочетаются с программами реформ, что позволяет обеспечить повышение продуктивности частного сектора благодаря лучшему использованию капитала, подбору специалистов в рабочих бригадах, более эффективным мерам по отчетности и передаче полномочий непосредственным исполнителям.

4. Согласно самым надежным источникам, отмечается падение показателей преступности на 22% — а преступность была одним из самых жгучих вопросов, волновавших избирателей-лейбористов. Однако рост уличной преступности (например, участились кражи мобильных телефонов на улицах) усиливает страх перед преступниками. В моем собственном избирательном округе небольшое количество зафиксированных здесь случаев вандализма порождает такое же чувство беспокойства, как и серьезные преступления, особенно среди пожилых граждан.

5. Что касается политической реформы, лейбористы предприняли ряд важных изменений, однако эти изменения не удовлетворили тех, кто верит, что институциональный склероз подпитывает структурные проблемы, переживаемые британской экономикой и обществом. Существует также много вопросов по отношению к местным властям, которые нуждаются в ответах, — об этом я скажу ниже.

6. В сфере внешней политики правительство придерживается последовательной философии соблюдения международных обязательств, прежде всего в Европе, а также и за ее пределами. Мы считаем, что взаимозависимость — определяющая черта современных международных отношений, и необходимым ответом на проблемы, которые не могут быть решены в одиночку одной страной, является ответ международного сообщества.

Далеко не все обстоит хорошо, и все еще многое следует поправить. Однако Манифест 1997 г. провозгласил «начало, а не революцию».

Именно этот подход с самого начала вызывал оживленные споры в Лейбористской партии и среди британских левых. Споры шли о том, были ли относительно осторожные обещания Тони Блэра первым этапом, задуманным, чтобы вселить доверие к политике лейбористов, и знаком долгосрочной приверженности прогрессивным целям и средствам, за которыми последовали бы более радикальные реформы, или же это был разрыв с самими целями партии. Правительство всегда утверждало, что последующие реформы должны базироваться на солидных основаниях экономического благосостояния, мягкого перераспределения, конституционной реформы. Со дня выборов правительство готово добиваться нового консенсуса по вопросам налоговой и бюджетной политики, аспектам социальной политики, а также по вопросам отношений с Европой.

Это существенный момент, поскольку самое трудное испытание для любой политической партии — не то, насколько она способна решить политические проблемы, но насколько ей удастся сместить политический центр тяжести в свою сторону. Иными словами, успех в перетягивании каната — а политика в том и состоит — наступает тогда, когда вам удастся привлечь на свою сторону ваших противников. В политике «центр-площадка» не дается изначально, она формируется в ходе самой политики и борьбы участников; и только определившись с «центром-площадкой», прогрессивная партия может совершить культурный переворот, необходимый для устойчивого и успешного периода пребывания у власти.

Если верить этому тесту, для оптимизма есть достаточно оснований. Были возобновлены дебаты по вопросам налоговой и расходной политики, которые стали причиной падения прошлого лейбористского правительства в 70-е годы. Экономическая компетентность и показатели реформ по предоставлению услуг позволяют сделать вывод, что в итоге вы получаете именно то, за что платите. В 1997 и 2001 гг. правительство пообещало повысить долю расходов на образование в структуре национального дохода. Теперь оно устроило национальные дебаты по вопросу о целесообразности дальнейшего повышения налогов для увеличения расходов на здравоохранение, хотя инвестиции в здравоохранение и образование в Британии — самые быстрорастущие в Европе. Полагаю, что это достаточное свидетельство доверия правительству, нужное для признания необходимости привлечения дальнейших ресурсов ради удовлетворения потребностей и ожиданий, которое позволит продолжать этот путь реформ.

Между тем другие аспекты программы лейбористов уже сейчас становятся признанной частью политического ландшафта. Деволюция, «Акт о правах человека и свободе информации» становятся неотъемлемой частью политической жизни. Даже в связи с обвинениями в расовой и национальной розни Консервативная партия проявила достаточную проницательность, чтобы дистанцироваться от ксенофобии, которой была отмечена ее предыдущая предвыборная кампания.

Возможно, в связи с происходящей в Великобритании истерией СМИ более важно то, что по крупным вопросам, имеющим жизненно важное значение для людей, правительство в своей политике основывается на достижениях первого срока своего правления, идя по пути реформ. Новые идеи, служащие продолжением реформ первого срока лейбористского правительства, выдвигаются в медицине, образовании, борьбе с преступностью, промышленности, экономике и даже в отсталой транспортной политике. Однако остается немало слабых мест, и впереди — ряд серьезных вызовов. Планирование в данных вопросах никогда не может быть преждевременным — таков главный урок и для Британии, и для зарубежных стран.

Вызовы будущего: социальная мобильность, производительность труда, децентрализация, безопасность

В последние четыре года правительство серьезно работало над составлением обязывающего документа, в котором были бы адекватно определены ценности и цели современной социал-демократии. Послевоенный ревизионизм в Британии, как и в Германии, выдвинул на первый план этическую ценность равенства, противопоставив его инструментальной ценности общественной собственности. Новая статья IV, принятая в 1995 г., гласит, что «власть, богатства и возможности должны находиться в руках многих, а не избранных». Однако говорить о приверженности равенству как таковому — значит недостаточно точно охарактеризовать деятельность правительства, которое стремится к устойчивому развитию, сохранению окружающей среды, общественной безопасности и большей индивидуальной свободе. Отсюда дебаты о «третьем пути» британских левых.

Во-первых, следует отметить, что «третий путь» в основном определяется в смысле отрицания существующего, а не в позитивном смысле,

т.е. не как модификация нового правоконсервативного курса, но и не как путь традиционной социал-демократии. А на самом деле все очень просто — речь идет о развитии гражданских и социальных институтов, представляющих возможности и безопасность в изменяющемся мире всем людям, а не только избранным. Чтобы разъяснить это, правительству следует найти убедительные аргументы.

Во-вторых, оценку правительствам часто дают, судя по тому, какие институты они оставили в качестве своего наследия. В Британии крупными достижениями левых являются Национальная служба здравоохранения и Открытый университет. Нынешнее правительство лейбористов может гордиться важным продвижением вперед в создании Шотландского парламента и Ассамблеи в Уэльсе. В сфере здравоохранения оно организовало первую в мире круглосуточную линию скорой помощи, принимающую вызовы как по телефону, так и по Интернету (NHS Direct). Создан и Новый промышленный университет, предлагающий по Интернету программу обучения для взрослых слушателей. В области социального обеспечения создана группа Налоговые льготы для рабочих семей, которая к данному времени уже имеет в числе своих реальных клиентов 2,5 млн. человек. Однако эти инициативы пока еще не завоевали народного признания как самые успешные институциональные нововведения. В мире политики, где голосование ныне определяется не столько классовой принадлежностью и традицией, сколько образом жизни, правительство должно опираться в своей политике на доступные и эффективные институциональные формы.

В-третьих, вопреки бешеному стремлению газетчиков зафиксировать случаи кумовства и карьеризма правительство не превратило «новых лейбористов» в вездесущее движение. Очень многие полагают, что правительство лучше, чем его альтернативы — тред-юнионы, сегменты бизнеса, неправительственные организации, местное управление. Однако оно и не представляет собой столь сплоченное социальное движение, каким стали самые успешные правящие социал-демократические партии. В то же время коалиция, ориентированная на изменения, пользующаяся поддержкой в гражданском обществе, академических кругах и средствах массовой информации, также является предпосылкой долгосрочного политического правления.

Ключом для этого могут стать скорее перемены в самой партии, а не в правительстве. Машину партии лейбористов, созданную для подъема в гору, необходимо заново смоделировать. С моей точки зрения, это

означает обратить ветви исполнительной власти в поборников реформ на местах и обновления, которые работали бы в условиях все более плюралистичного местного климата с другими местными институтами. Иными словами, нам следует построить на местах машину, способную выигрывать кампании — как ради более доступной системы здравоохранения, экономической перестройки, новых приоритетов в образовании, так и просто ради победы на выборах. Только так правительство сможет совмещать дисциплину, необходимую для политики на любом уровне, с гибкостью и диалогом, которых так настойчиво требуют граждане, не говоря уже о СМИ. Внимательные журналисты признают, что эта задача — вызов как для них самих, так и для политиков, поскольку опыт свидетельствует, что люди слишком разумны, чтобы принимать сенсации в СМИ за чистую монету.

На самом деле лейбористы смогут сохранить свой высокий рейтинг только в том случае, если сумеют предвидеть перемены в экономике и обществе, не занимая выжидательную позицию, чтобы отреагировать на них, когда они уже произойдут.

Все социалистические и социал-демократические партии ставят равенство в центр своих программ. В Британии шел спор о равновесии равенства возможностей и равенства результатов — несмотря на то, что и то, и другое тесно связаны между собой. Но равенство и неравенство — вопрос первостепенной важности для современной политики. Несмотря на пять лет правления лейбористов, Британия остается страной, разделенной барьерами классовой дифференциации, уходящей в глубь веков и сохраняющейся на протяжении поколений. Так что относительная социальная мобильность — шанс сына или дочери водопроводчика стать врачом, который был бы равен шансу сына или дочери врача стать бухгалтером, — за эти 100 лет осталась по сути неизменной. В прошлом году из выходцев двух низших классов студентами университетов стали лишь 800 человек, и это по всей Британии. В Южном Тинсаиде, моем родном городе, лишь 17% 18-летних юношей и девушек стали студентами.

Во-первых, вызов, перед которым стоят лейбористы, состоит не только в том, чтобы стать партией, которая как-то решит проблему существующего социального неравенства, но партией социальной мобильности. Это одна из причин, по которой лейбористы продолжают придавать такую важность проблеме образования в своей программе и воззваниях. Все помнят, как в 1996 г. Тони Блэр среди трех своих главных приоритетов назвал образование, образование и еще раз образование. В двух

предвыборных манифестах образование было приоритетом № 1. Следует придерживаться этого курса как мотора социально-экономического развития и считать тему образования ключевым средством мобилизации избирателей. В будущем мы должны предоставить людям больше возможностей для успешного развития своего потенциала — с помощью политики в области образования, предоставления налоговых льгот и проведения соответствующей социальной политики. Однажды, во время одного благотворительного мероприятия в моем избирательном округе, мне пришла мысль, как мы сможем пересмотреть свой подход. Чтобы стимулировать мобильность, надо помочь людям сделать карьеру, а не просто получить рабочие места. Для этого необходимо расширить радиус действия служб занятости, чтобы они обеспечивали людям реальную работу, а не только проводили социальную работу среди безработных.

Во-вторых, Британия все еще остается страной с низкими темпами роста производства. Пока еще мы не почувствовали настоящего эффекта успешного макроэкономического режима, а данные о темпах производства свидетельствуют, что Британия сильно отстает от Франции и Германии, не говоря уже о США. Для нашей экономики характерна несбалансированность как между регионами, так и между секторами. Это и должно стать главным предметом заботы на будущее. Лейбористы должны помочь каждому региону страны развивать промышленную стратегию, которая соответствовала бы его потребностям и потенциалу; а также стимулировать наиболее продвинутые в регионах сектора экономики, чтобы мы смогли поддерживать ускоренное развитие тех отраслей, в которых мы опережаем другие страны мира, от фармацевтической промышленности до средств массовой информации. Я думаю, что становится все труднее говорить о сравнительных преимуществах наций; промышленной политикой следует управлять на региональном уровне.

В-третьих, бичом Британии остается централизация и слабое местное управление, несмотря на успешно проводимую деволюцию. Особенно остро эта проблема стоит в Англии. Город, который я представляю в парламенте, связан партнерскими отношениями с Вупперталем (ФРГ), население которого составляет примерно 300 тыс. жителей, что в два раза больше, чем в моем городе. Сравнение между соответствующими полномочиями и бюджетами также поучительно. Несправедливо, чтобы в одном городе избирали мэра, а в другом — нет. Германская система позволила создать реальную динамику экономического и социального развития на местном уровне. Южный Тинсайд имеет богатую традицию

производства услуг, но теперь ему брошен вызов — возглавить коммунальное сообщество. Этот вызов мы уже наблюдали на германской политической сцене.

Наконец, любая левая партия должна живо откликаться на незащищенность людей. И дело тут не только в отсутствии гарантий занятости, о чем говорил Роберт Райх в первые годы администрации Клинтона. В Великобритании существуют районы, где много рабочих мест, и районы, где их не хватает. Однако незащищенность как таковая страшнее проблем экономики. Незащищенность влечет за собой проблемы преступности, общественных служб, финансов, идентичности и внешней политики. Вы беззащитны, если боитесь выйти из дома. Если вы считаете, что местная больница плоха, то вы не защищены от болезней. Если вас беспокоит, кто управляет пенсионным фондом, которому вверена выплата ваших пенсий, то вы беззащитны. Вы беззащитны, если полагаете, что антитеррористические меры недействительны. Эти проблемы складываются во взрывоопасную смесь, которую эксплуатируют правые партии в Италии и Австрии. Левые должны выработать свою позицию по решению этих проблем.

Следует честно смотреть в лицо этим предстоящим вызовам. Ревизионизм никогда не прекратится — таков вечный принцип ревизионизма со времен Эдуарда Бернштейна. Всегда найдутся вершины, которые еще предстоит покорить.

Три главных ориентира

Каким будет ответ новых лейбористов? Вызов, брошенный им, принципиален — они должны сохранить и обновить свою политическую программу. Было бы легко сказать, что «победная» формула, выработанная в конце 80-х годов, нам вполне подходит и ее следует придерживаться. Но «новым лейбористам» следует определиться позитивно, а не негативно — по вопросу, за что они выступают, а не против чего. А это гораздо более трудная задача, поскольку современный консерватизм так многолик. Но правительствам, находящимся у власти, следует вновь и вновь отчетливо определять свою идентичность, иначе за них это сделают их оппоненты или события.

В Соединенном Королевстве структура представительства является результатом избирательной системы. В остальной части Европы, где благодаря более пропорциональной системе голосования складывается и

более многогранная политическая палитра, динамика будет иной. Однако левоцентристские партии сталкиваются с общими вызовами.

Соединить политику с ценностями

Следует помнить, что на выборах побеждают с помощью темы, а не политики, в чем на свою беду убедился Альберт Гор. Темы без политики оторваны от реальности, но политика сама по себе скучна. Два ключевых вопроса политической стратегии — о ком мы заботимся и как мы сможем установить связь с этими людьми. Нам следует обеспечить, чтобы наши ценности служили локомотивом нашей политики, чтобы мы оставались правительством, а не администрацией — разница в том, что в первом случае политиков избирают, а во втором гражданским чиновникам позволяют управлять страной. Ценности — это плодоносная почва, на которой основывается политика. Нам следует устанавливать четкие цели на основе четких ценностей. Цели подобны высоким деревьям, возвышающимся над окружающим ландшафтом. Только там политика находит свое место — это ветви, невидимые на расстоянии, но раскидистые и прижимающиеся друг к другу.

Например, наши ценности гласят, что право на работу является основанием для включения в социальную и экономическую жизнь общества. С этим связана другая цель — чтобы любой человек, работающий на полную ставку, мог содержать свою семью. Только на этой основе цель интегрирования системы налогов и дополнительных льгот в качестве поощрения за работу может стать внятной и четкой. Лейбористам следует прояснить эти связи, чтобы среди грома и молний политических кампаний партия сохранила смысл своей деятельности и свое предназначение.

Вписываясь в динамичные социальные течения

Лейбористы должны согласовывать свою политику с изменением ситуации в Британии. Нам следует приспособиться к возникновению нового политического ландшафта, фоном которого является новая обретенная память, а на переднем плане — быстрые социальные перемены. Наша задача — вписаться в эти новые формирующиеся течения британской жизни и черпать из них силы. Эта стратегия не лишена рисков. Здесь важно не пасть жертвой собственных представлений и не упустить

из виду того, что пожилые люди, более уверенные в своих политических убеждениях, придут на выборы с гораздо большей вероятностью. Однако для прогрессивной партии жизненно важно учитывать динамичные общественные течения.

Я убежден, что в Великобритании эти живые течения формируют-ся вокруг вопросов, в которых ценности тесно связаны с идеалами. Это политика в области окружающей среды, где правительство добилось значительных достижений, но не нашло способов заявить о них. Следующая фаза реформ в этой сфере потребует принятия трудных решений. Принятие мер относительно эффективности использования энергии способно в любом случае обеспечить популярность правительства. Это также касается и борьбы с глобальной бедностью, где вклад Британии в международную коалицию общепризнан. Помимо этого, существуют также более прозаические тенденции, которые могут со временем стать более важными.

1. Все большую часть общества составляют пожилые люди, и в связи с проблемой пенсий об этом говорят часто, но на самом деле возрастающая группа «активно стареющих», т.е. работающих пенсионеров, остается ресурсом нашего сообщества, многие из них готовы продолжать работать. Я уверен, что они станут еще более политически активной группой населения, и нам следует поддерживать их.

2. Местная идентичность и локальность — крайне важные темы для мира, в котором люди чувствуют себя лишенными полномочий международными силами. Это одна из причин, по которой я выступаю за возрождение местного управления в Великобритании, однако повестка дня включает вопросы собственности и контроля над местными общественными службами, а также вовлечение сообщества в местное экономическое и социальное обновление.

3. Поскольку нам удалось довести занятость в Великобритании до рекордного уровня, возникли споры о качестве рабочей силы и регулировании рабочего времени. Эта программа пока еще не дошла до сознания избирателей, но я уверен, что еще дойдет. Маловероятно, что нашим ответом будет 35-часовая рабочая неделя, особенно учитывая нашу традицию неполной занятости, но сокращение рабочего времени — это тенденция, затрагивающая все больше и больше семей.

Международное измерение политики

Обращаясь к гражданам с последовательной программой, имеющей прямое отношение к их жизненным приоритетам, национальные правительства должны формулировать приоритеты не только во внутренней, но и во внешней политике. В Великобритании характерной чертой правительства является приверженность, во-первых, инвестициям и реформе с целью модернизации общественных служб и, во-вторых, задаче играть лидирующую роль в конструировании Европейского Союза с целью решения проблем наднационального характера. Премьер-министр заявил, что международные задачи теперь стали задачами внутренними, — таково последствие глобализации. Это имеет глубокий смысл для политики социал-демократов.

В счастливые мирные дни послевоенного государства благосостояния власть социал-демократов опиралась на национальное государство, сравнительно однородную базу рабочего класса и благоприятную международную обстановку. Каждое из этих оснований теперь расшатано. В последние 10 лет мы начали восстанавливать способность государства действовать в качестве полномочного органа, а не только в качестве «рулевого» (provider), управляющего политическими процессами. Мы примирились с тем, что изменился состав нашей классовой базы. Однако международное положение и требование международного политического лидерства — это новое измерение.

Я не думаю, что мы сейчас находимся на пороге создания государства «Европа» или государства «Европейский Союз». Однако мы расширяем и углубляем уникальный гибрид, каковым является ЕС, — отчасти межгосударственное, отчасти наднациональное объединение. Нам следует регулировать его деятельность так, чтобы он представлял собой подлинную ценность, но мы не можем делать вид, что его нет, и отвергать его. Слишком многое в нашем будущем зависит от наших совместных действий, поскольку Европейский Союз не должен только тешить себя тем, что способен предотвращать войну, но также обязан способствовать построению процветающего мира. Социал-демократам следует найти путь, как внести свой особый вклад в дебаты о будущем Европы с тем, чтобы укрепить свои программы внутривнутриполитических реформ.

Значение идей

Когда я в 1994 г. вступил в команду лейбористов, в период, когда партия находилась в оппозиции, мы были бунтовщиками. Сегодня, стоя у кормила власти, мы должны сохранить мятежный дух, постоянно пересматривая свои позиции и двигаясь вперед, поддерживая политическое ускорение. Топтаться на месте бессмысленно, ибо политика не терпит пустоты, а в мире постоянно действующих, многообразных средств массовой информации это утверждение еще более справедливо, чем где бы то ни было. Когда наступает день выборов, всегда кажется, что реформа имеет какие-то недостатки, что она либо слишком стремительна, либо чересчур радикальна. А если нам не удастся заполнить этот вакуум, это сделает оппозиция.

Отсюда, с учетом восторженного одобрения четыре года назад организации и профессионализма медиакампании «новых лейбористов», следует, быть может, неожиданный вывод, что идеи ныне более важны, чем когда-либо. Несмотря на трудности современной политики, упрощенческую природу современных СМИ, фрагментированные национальные дебаты, именно идеи имеют ключевое значение, ибо, когда их нет в ходе предвыборных кампаний, критики просто рвут эти кампании на части. Обещать успеха я не могу, поскольку события могут сложиться против идей, но без идей нет надежды на успех.

Перевод Константина Челлини

Р.В.Костюк

ЛЕВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

21 апреля 2002 г. левое движение не только во Франции, но, пожалуй, и во всей Европе пережило мощный шок, вызванный результатами первого тура президентских выборов во Франции. Прорыв во второй тур лидера крайне правых Ж.-М. Лё Пена не позволил премьер-министру Лионелю Жоспену побороться за президентское кресло с главой государства Жаком Шираком и вместе с тем положил конец существованию правительства, считавшегося к весне 2002 г. самым левым в рамках Европейского Союза (ЕС).

Многие политологи и аналитики во Франции, равно как и за ее пределами, назвали неудачу Л. Жоспена и левых в целом и большой сенсацией, и неожиданностью. Как отмечалось в одной из статей, опубликованной весной 2002 г. журналистом, симпатизирующим левому движению, «в новейшей истории французской левой еще не было более странного и в известной степени несправедливого поражения» (1). На самом деле, если объективно взглянуть на результаты социально-экономической деятельности левого коалиционного кабинета Л. Жоспена (к моменту президентских выборов в его состав входили члены Французской социалистической партии – ФСП, Французской компартии – ФКП, Левой радикальной партии – ЛРП и Зеленых), то можно с уверенностью сказать, что они были гораздо эффективнее по сравнению с предыдущими периодами (1981–1986 и 1988–1993 гг.) нахождения социалистов у власти. Об этом, кстати, свидетельствуют различные опросы общественного мнения, появившиеся весной и летом 2002 г. во французских газетах и журналах. Избиратели не только левых, но и правых взглядов отмечали, что кабинет Л.Жоспена сделал для французов гораздо больше хорошего, чем правительства Л.Фабиуса и М.Рокара,

работавшие в эпоху президентства Ф.Миттерана. О чем же конкретно идет речь?

Во-первых, находившимся с 1997 г. у власти социалистам и их союзникам удалось за 5 лет добиться сокращения уровня безработицы с 12 до 9% трудоспособного населения, создав при этом около 900 тыс. новых рабочих мест (2). Важно то, что новые рабочие места были созданы как в общественном, так и в частном секторах экономики. Особую заботу уделяло левое правительство созданию новых рабочих мест для молодых людей и лиц, находящихся в статусе безработных долгие годы (3). Именно во Франции впервые было объявлено о переходе к 35-часовой рабочей неделе без сокращения заработной платы трудящимся общественного и частного секторов. Эта мера однозначно свидетельствовала о том, что левое правительство направляет свои усилия на дальнейшее развитие прогрессивного социального законодательства. Об этом же свидетельствовали и другие социальные реформы левого парламентского большинства: внедрение всеобщего жилищного и медицинского страхования, развитие на государственном уровне системы профессиональной переподготовки кадров, совершенствование системы социальной защиты населения, продвижение принципов равенства полов в экономике и политике, всемерная поддержка высшего и среднего образования (4).

Энергичная политика правительства Л.Жоспена, проводившаяся на фоне благоприятной экономической конъюнктуры, позволила Франции на рубеже веков поддерживать стабильный экономический рост (2,5–3% в год), что дало возможность не только сократить безработицу, но и поднять средний уровень благосостояния в обществе, снизив при этом количество бедных (5). Левому правительству удалось также добиться некоторой модернизации дорогостоящей системы пенсионного обеспечения. Конечно, нельзя утверждать, что во Франции в последние годы все население стало вдруг жить намного лучше, чем, скажем, в начале 90-х годов, но очевидно то, что при правительстве Л.Жоспена «среднестатистический француз» объективно почувствовал улучшение собственного материального положения и конкретное увеличение «часов досуга». На время деятельности левого кабинета Л.Жоспена приходится новый этап децентрализации французского общества, вызвавший в целом положительный отклик у граждан. Еще больше расширились права регионов и департаментов в области образования и исследований, ведения городского хозяйства. Во многом благодаря твердой позиции прави-

тельства во Франции был с успехом проведен референдум о переходе с 7-летнего срока президентского мандата на 5-летний срок. Л.Жоспен запустил «матиньонский процесс», целью которого является полное восстановление спокойствия на Корсике и достижение компромисса с умеренными сепаратистскими силами, действующими на этом острове.

Наконец, правительство немало сделало для придания процессу европейской интеграции более социального и демократического характера. Именно благодаря деятельности кабинета Л.Жоспена с 1997 г. страны – члены ЕС начали координировать свою политику по борьбе с безработицей и неравенством (6). Благодаря курсу левого правительства Франция на рубеже веков в целом успешно перешла с франка на евро. Голос Франции все более веско звучал в том, что касалось борьбы за демократическую переориентацию европейской интеграции, приближение простых европейцев к центрам принятия решений в Евросоюзе. Несмотря на то что согласно французской Конституции именно президент отвечает за проведение внешней политики, кабинет Л.Жоспена не раз самостоятельно выступал с внешнеполитическими инициативами, направленными на придание международным отношениям более справедливого и уравновешенного характера.

Однако, несмотря на различные материальные успехи в социальной и экономической области, левые силы в 2002 г. проиграли последовательно на президентских и парламентских выборах. Для этого существует ряд объяснений объективного и субъективного плана. Назовем основные причины. Сами ведущие левые политики после поражения на президентских выборах признавали, что мало-помалу в общественном мнении приоритетом № 1 сделалась проблема отсутствия безопасности (7). В 90-е годы во Французской Республике резко возросло количество краж, грабежей, тяжких преступлений, вообще правонарушений против общества и личности. Но для правительства до последних дней его существования главной заботой по-прежнему было сокращение безработицы. В результате такая «питательная» в электоральном плане тема, как рост преступности, была отдана на откуп правым или крайне правым, которые с успехом для себя и с ущербом для левых сил «раскрутили» ее в предвыборный период. Кроме того, как справедливо отметила одна из лидеров ФСП М.Обри, далеко не все слои французских трудящихся почувствовали на практике улучшение своего положения за годы нахождения кабинета Л. Жоспена у власти (8).

Многие французские левые политики справедливо полагают, что неудача левых сил на выборах в 2002 г. была обусловлена не в последнюю очередь таким феноменом, как разрыв связей с народными слоями (значительная часть безработных и рабочих голосовали на президентских выборах не за кандидатов ФСП, ФКП и других левых партий, а за Ж.-М. Лё Пена). Как отметил видный левый политик сенатор А. Вебер, левые «так и не сумели дать убедительный ответ на процесс нестабильности, от которого страдают в последние 15 лет работающие по найму» (9).

Часть аналитиков полагают также, что одной из причин провала левых сил явилось то обстоятельство, что далеко не всегда одобренные Национальным Собранием законы «на все 100%» проводились в жизнь, и их исполнение на практике вносило существенные изменения в повседневную жизнь обыкновенных французов. Так, например, внедрение в жизнь 35-часовой рабочей недели проходило в различных отраслях экономики не синхронно и в итоге привело к неравноценным последствиям для работников мелких, средних и крупных предприятий и учреждений.

Следует сказать и о том, что традиционные глубокие и принципиальные разногласия между ведущими левыми партиями по вопросам европейской интеграции (об отношении к Амстердамскому и Ниццкому договорам, особенностям военно-политического партнерства западноевропейских стран, к валютно-финансовому сотрудничеству в рамках Евросоюза, необходимости эволюции ЕС в направлении федерации и т.д.) помешали французским левым выступить с ясным проектом по Европе, способным воодушевить избирателей (10).

Важной причиной общей неудачи левых сил стала их раздробленность на президентских выборах. Чрезмерная уверенность Л.Жоспена в собственных силах и в будущей победе привела к тому, что в первом туре друг с другом соревновались пять кандидатов, представлявших различные фланги парламентского большинства. Добавим к этому, что немало левых избирателей на сей раз отдали голоса за крайне левых (троцкистских) политиков. К тому же многие граждане левых взглядов, у которых от обилия «своих» кандидатов голова шла кругом, попросту отказались принимать участие в голосовании, пополнив ряды абсентеистов, число которых растет во Франции от выборов к выборам. Все вместе левые и крайне левые силы на президентских и парламентских выборах получили около 40%. В 2002 г. этого явно не хватило для успеха. Вновь сработал принцип «политического маятника», который регулярно с 1981 г. на каж-

дых следующих парламентских выборах приводит к власти оппозиционный лагерь.

Все партии «множественной левой» пострадали от выборов 2002 г. и ныне ищут пути к обновлению и усилению собственных позиций. Достаточно болезненными оказались результаты выборов для ведущей левой партии Франции — ФСП: лидер французской социал-демократии Л.Жоспен, набрав лишь 16,2% голосов, не сумел попасть во второй тур президентских выборов, что заставило его заявить об уходе из политики, явно ослабив партию перед парламентскими выборами. А в июне на выборах в Национальное Собрание ФСП нашла в себе силы (во многом благодаря фактору «полезного голосования»), собрав вместе с ЛРП 25,3% голосов и проведя в парламент 141 представителя, минимизировать поражение и подтвердить статус ведущей левой партии (11). Однако поражение есть поражение. Тем более что по сравнению с выборами 1997 г. социалисты потеряли более 100 парламентских мест. Своих мандатов лишились, в частности, такие известные деятели ФСП, как бывший председатель нижней палаты парламента Р. Форни, экс-министры М. Обри, Ж. Ланг, П. Московичи.

К чести лидеров социалистической партии, они не стали перекладывать основную ответственность за неудачу ни на плечи Л. Жоспена, ни на своих разнородных партнеров по прошлой коалиции (хотя те вели себя во время предвыборной кампании по отношению к ФСП не всегда лояльно). Как отметил в июле первый секретарь ФСП Ф.Олланд, «именно мы несем ответственность за поражения на выборах» (12). Руководство ФСП призвало активистов партии поскорее забыть горечь неудачи и начать выработку наступательной тактики по отношению к политике праволиберального правительства Ж.-П. Раффарена, утвердившегося во Франции после парламентских выборов.

Французские социалисты, прекрасно понимая, что они остаются ведущей оппозиционной силой в стране, отдают себе отчет в том, что от их линии поведения зависит будущее всего левого движения во Франции. Сразу же после июньских выборов лидеры ФСП призвали своих союзников к обновлению и «новому измерению» левого движения, к достижению более тесного партнерства между всеми частями «парламентской левой», а также к усилению взаимодействия оппозиционных партий с профсоюзами и массовыми общественными организациями. С точки зрения руководства ФСП, фундаментом для партнерства левых сил должны

стать неприятие правительственного курса и способность к выдвижению позитивных политических и экономических инициатив.

Практически сразу после образования правоцентристского правительства во главе с Ж.-П. Раффареном, соратником триумфально переизбранного президента Ж.Ширака (следует отметить, что во имя республиканских ценностей практически все левые партии Франции приняли нелегкое для себя решение перед вторым туром президентских выборов призвать граждан голосовать за действующего президента, чтобы нанести как можно более тяжелое поражение ультраправым силам), социалисты заявили о своей последовательной и принципиальной оппозиции политике исполнительной власти. Как отметил Ф.Олланд сразу после окончания парламентских выборов, «отныне социалисты являются главной оппозиционной силой...» (13).

Состоявшийся в конце августа в Ла-Рошеле традиционный «Летний университет» ФСП был во многом посвящен не только анализу причин неудачи левых сил на выборах, но и оценке первых шагов правого правительства в социальной и экономической сферах. Выступавшие на форуме руководители партии, принадлежавшие к разным течениям в ФСП, дружно отмечали, что за формальными призывами правительства к модернизации и открытости скрывается четко координируемый с патронатом курс на неолиберальные преобразования. Многие позитивные завоевания прежнего большинства оказываются при этом под угрозой. Как отмечалось во многих выступлениях на «Летнем университете», либеральный крен в сфере экономической политики кабинета Ж.-П. Раффарена чем-то напоминает стратегию М. Тэтчер и Р. Рейгана (14).

Что же конкретно не устраивает социалистов, да и их партнеров по левому лагерю, в правительственной политике? С точки зрения социалистической партии, правительство приняло явно антисоциальную ориентацию. Это проистекает, в частности, из того, что конкретными действиями власти «разрушают целостность Закона о переходе на 35-часовую рабочую неделю, позволяя предпринимателям вводить дополнительные рабочие часы» (15). Кроме того, исполнительная власть, с точки зрения левых политиков, не намерена всерьез заботиться о качественном улучшении положения малоквалифицированных работников, безработных и лиц, получающих минимальную зарплату. ФСП обвиняет власти также и в том, что у правительства отсутствует целостная стратегия в деле дальнейшей борьбы с безработицей.

Социалисты однозначно осудили курс правительства на «открытие капитала» секторов, представляющих жизненно важный интерес. Не отвергая необходимость конкуренции в экономике, ФСП в то же время жестко осуждает планы «реструктуризации» (фактически речь ведется о частичной приватизации) газовой и электрической промышленности, транспортной сферы и почтовой службы.

Социалисты и их союзники занимают отрицательную позицию в отношении правительственной политики в области образования. Принятые кабинетом Ж.-П. Раффарена бюджетные положения привели к ликвидации в сфере образования более 25 тыс. рабочих мест. Как утверждают социалисты, теперь образование и воспитание перестали считаться государственными приоритетами (16).

Руководители ФСП и иных левых партий выражают недовольство в связи с планами правительства в отношении сферы юстиции и безопасности. Не выступая принципиально против заметного увеличения средств на нужды Министерства внутренних дел, левые силы Франции полагают, что «козлами отпущения» правительственной политики безопасности реально служат представители бедных слоев и иммигранты и что в действительности усиление репрессивных механизмов при невнимательности к преодолению социальных истоков преступности не приведет к качественному сокращению числа правонарушений.

Позитивные предложения ФСП базируются на принятом партией еще в конце 2001 г. новом программном документе — проекте «Жить лучше, жить вместе». Руководство ФСП после поражения на выборах официально подтвердило, что сформулированные в проекте инициативы в целом сохраняют для социалистов свою актуальность.

В государственно-политическом плане ФСП предлагает подтвердить традиционные «республиканские миссии». Социалисты предлагают развивать политику децентрализации, не ставя в то же время под сомнение целостность Республики и принцип субсидиарности. ФСП ратует за демократизацию политических институтов, в частности, за усиление роли парламента в политической жизни стран, реформу способа избрания Сената, сокращение некоторых «чрезмерных» президентских прерогатив (17). Социалисты предлагают ускорить и облегчить процесс получения иммигрантами французского гражданства.

Большое место в своей политической стратегии ФСП отводит социальным аспектам. Как отметил недавно Ф.Олланд, ФСП остается партией социальных реформ (18). Французские социалисты отстаивают

необходимость дальнейшего увеличения прав профсоюзных организаций и представителей наемных трудящихся на предприятиях (особенно частных), усиления роли властей различного уровня в переговорном процессе социальных партнеров. Социалисты настаивают на сохранении активной государственной политики по преодолению безработицы.

Исходя из известной формулы Л. Жоспена «мы за рыночную экономику, но против рыночного общества», нынешние лидеры ФСП пытаются примирить реалии экономической жизни страны с нормами социальной и экономической демократии. ФСП высказывается в пользу модернизации и успешного развития национализированных секторов экономики, предлагая оформить как можно быстрее особые европейские общественные службы. Социалисты высказываются за облегчение налогов — в первую очередь в интересах низкооплачиваемых слоев. Особое внимание государство, с точки зрения руководителей ФСП, должно уделять модернизации сельского хозяйства и развитию высоких технологий (19). Размышляя о такой важной теме, как безопасность, французские социалисты убеждены, что в данном вопросе необходимо, начиная с детских учреждений, предупреждать правонарушения, более эффективно помогать родителям в воспитании трудных детей и усилить карательные меры против рецидивистов.

Интересны предложения, исходящие от ФСП, в отношении евростроительства. В настоящее время, когда полным ходом идет работа над выработкой конституционного акта ЕС и реформой коммунитарных институтов, социалисты, оставаясь последовательными европеистами, предлагают двигаться к «федерации европейских государстваций». Активно поддерживая процесс расширения ЕС на Восток, лидеры ФСП в то же время опасаются, что европейской интеграции грозит «поглощение» со стороны стихийной либеральной глобализации. ФСП предлагает демократизировать ход евростроительства, построить подлинно демократическую Европу, внутри которой будут развиваться социальные законы, тогда как Европейская комиссия и коммунитарный Совет министров станут более зависимыми в своей деятельности от Европарламента и рядовых европейцев (20).

Наличие общей партийной платформы не ослабило, однако, накал фракционной борьбы внутри ФСП. Если Л. Жоспену, начиная с середины 90-х годов удавалось своим личным авторитетом и гибкой манерой поведения сдерживать традиционную для социалистов Франции «внутрисемейную борьбу», то после его ухода из большой политики идейно-

политическая конфронтация в ФСП резко усиливается (21). Ф.Олланд не пользуется в партийных рядах таким же огромным и непрекращаемым авторитетом, каким обладал в прежние годы Л.Жоспен. Желание нынешнего первого секретаря ФСП протянуть руку и левым, и правым социалистам, оставаясь при этом как бы «над схваткой», пока что не приносит ему желаемого результата. Уже очевидно, что говорить о монолитности рядов ФСП не приходится. На правом фланге выделяются группы и клубы, ведомые экс-министрами Л.Фабиусом (сейчас этот известный политик занимает в иерархии руководства ФСП второй пост) и Д.Строс-Каном. Оба названных политика являются горячими сторонниками процессов «обновления» ФСП, что подразумевает некоторую деидеологизацию партийного лексикона и более явный поворот в сторону средних слоев. На левом фланге ФСП доминирует провозглашенное Ж.-Л. Меленшоном и А. Эмманюэли течение «Новый мир», активно критикующее Ф.Олланда за «заигрывание с социал-либерализмом» и нежелание идти навстречу массовому социальному движению (22). Бурлит ситуация и в центре ФСП, где далеко не все политики (М.Обри, А.Монтебур) готовы тесно сотрудничать с Ф.Олландом.

Возможно, ясный ответ на вопрос о том, какое именно направление в партии окажется в большинстве, даст предстоящий в первой половине 2003 г. внеочередной съезд социалистической партии. В любом случае, судя по всему, серьезный раскол социалистическому движению не грозит. Ни одно из течений партии в нем просто не заинтересовано.

Представляется, что избежать мощного потрясения в рядах ФСП поможет высокая степень внутрипартийной демократии. Имеющая в своем активе около 120 тыс. членов ФСП на фоне социал-демократических партий стран — членов ЕС выглядит достаточно демократично. К примеру, любой важнейший документ, прежде чем он будет утвержден руководством ФСП, выносится на обсуждение всех членов партии и на ратификацию посредством партийного референдума. В ФСП существуют различные клубы и течения, они имеют свои печатные органы и представительства в департаментах. Еще со времен Ф. Миттерана за партийными меньшинствами закреплено право на представительство в руководящих органах ФСП — в соответствии с их влиянием в партии (оно выясняется в ходе голосования партийцев за тот или иной проект основной резолюции очередного съезда ФСП).

Вполне демократична и схема избрания партийных руководителей различных уровней. Кандидатура первого секретаря партии обязательно

утверждается всеобщим голосованием активистов. В департаментах перед съездом ФСП происходят регулярные прямые выборы местных первых секретарей федераций (отделений) партии. Даже идейные противники ФСП отмечают, что функционирование партии отвечает основным требованиям внутрипартийной демократии (23). Конечно, лидеры ФСП отдают себе отчет, что далеко не все в партии идет хорошо. Так, в партийных референдумах принимают участие, как правило, не более 60% членов ФСП. По подсчетам партийных социологов, в связи с засильем в рядах партии большого числа всевозможных депутатов и чиновников всего лишь 12% членской базы ФСП можно классифицировать как подлинных активистов (24). Впрочем, думается, в дальнейшем можно рассчитывать на реальное увеличение численности социалистической партии.

Заметным образом в последние годы модернизировались и демократизировались внутрипартийные структуры и второй по значению левой партии Франции — ФКП. Однако сегодня очевидно, что выбранная преемником Ж.Марше Робером Ю стратегия «мутации» компартии не оправдала надежд партийного руководства. Некогда мощная и влиятельная политическая сила, ФКП понесла в период выборных баталий 2002 г. тяжелые поражения, свидетельствующие о продолжении кризиса этой партии. На президентских выборах в апреле Робер Ю получил самый низкий в истории партии на выборах национального уровня результат — 3,4%, пропустив вперед многих левых и крайне левых политиков. На парламентских выборах в июне ФКП хоть и сохранила за собой статус второй по влиянию левой партии страны, но за ее кандидатов отдали голоса лишь 4,9% избирателей, что позволило коммунистам провести в Национальное Собрание только 21 депутата — почти вдвое меньше, чем пять лет назад (25).

ФКП продолжает играть заметную роль в профсоюзном движении, ее позиции выглядят убедительными во многих общественных организациях. В идеологическом плане начиная с середины 90-х годов лидеры партии стараются придать «абсолютно новую форму французскому коммунизму» — с тем, чтобы окончательно отвергнуть не оправдавшую себя модель «реального социализма» (26). Сегодня ФКП отнюдь не настроена против рыночной экономики, в программе партии не найти упоминания о необходимости широкомасштабной национализации или о революционной борьбе с институтами V Республики. Гораздо более гибкой стала и концепция ФКП в отношении европейского объединения. В

то же время после неудачи на выборах тон выступлений руководителей партии стал более радикальным. Они утверждают, что коммунистическая партия будет твердо противостоять новому неолиберальному наступлению на общественный сектор, 35-часовую рабочую неделю, социальные права работающих по найму. ФКП по-прежнему требует радикальной демократизации государственных институтов, выступает за перераспределение полномочий от президента к правительству и за усиление прерогатив законодательной власти. В отличие от социалистов ФКП довольно критично относится к перспективе федерализации Евросоюза (27).

Многие политологи, признавая, что ФКП, по-видимому, еще длительное время сохранится в качестве неотъемлемой части французского политического ландшафта, убеждены, что ныне она испытывает острый «кризис идентичности». Действительно, судя по опросам общественного мнения, на выборах 2002 г. значительная часть традиционных избирателей ФКП отвернулась от нее. После отказа от норм демократического централизма, с одной стороны, ФКП стала более свободной партией, но с другой — в партии стала ослабевать дисциплина. Робер Ю и его коллеги желали бы, чтобы в будущем ФКП представляла собой широкую социально-политическую ассоциацию антилиберальной ориентации, но этот выбор нравится далеко не всем коммунистам. Левые течения партии («Коммунистическая левая», «Коммунистическая координация»), ориентирующиеся на личность бывшего секретаря ЦК ФКП, парламентария М.Гремеца, ратуют за возвращение к истокам классовой партии и отвергают тактику единства левых сил ценой отказа коммунистов от их традиционных постулатов. На умеренном фланге ФКП стоят «рефондаторы» («новые основатели»), возглавляемые членом руководства партии мэром Сен-Дени Ф.Браузеком; они предлагают образовать на базе ФКП вначале «полюс радикальности» (с включением туда умеренных троцкистов и левых экологов), а затем приступить к созданию новой недогматичной левой партии (28). При этом «рефондаторы» остаются убежденными сторонниками сохранения союзнических отношений с социалистами.

В преддверии очередного съезда ФКП (он пройдет в 2003 г.) Робер Ю, взяв на себя ответственность за поражение на выборах, заявил о своей отставке с поста председателя партии. В этих условиях лидерские функции будет выполнять экс-министр Ж.-М. Бюффе, представляющая «левый центр» коммунистического движения. Она выступает за под-

тверждение специфической «коммунистической идентификации», но при этом не хочет разрыва партнерских отношений с ФСП.

Пожалуй, еще более сложное положение (по сравнению с ФСП и ФКП) внутри партии наблюдается у Зеленых. Это плюралистическое по своему составу движение партийного типа четко присоединилось к левому движению Франции в середине 90-х годов, когда лидером Зеленых стала Д. Вуанэ. Именно она на посту министра окружающей среды и обустройства территорий представляла свою организацию в кабинете Л. Жоспена. Зеленые, будучи ведущей политической организацией в экологическом движении Франции, последовательно выступают за «новый тип общественных отношений», базирующийся на уважении природного равновесия, защите окружающей среды, отказе от «продуктивизма», расширении норм политической и социальной демократии (29). Французские экологисты отстаивают необходимость дальнейшей децентрализации Французской Республики, ратуя при этом за продвижение к подлинному федерализму на европейском уровне. Особым «коньком» Зеленых во Франции, как и их собратьев повсюду в Западной Европе, считается борьба за повсеместное соблюдение прав человека и последовательная защита прав иммигрантов (30).

В отличие от социалистов и коммунистов, электоральная база экологов — в первую очередь городские средние слои и интеллектуальная среда (речь идет, как правило, о лицах среднего и отчасти молодого возраста). Можно с уверенностью сказать, что во второй половине 90-х годов оформился специфичный «зеленый» электорат, о чем свидетельствовал рост голосов за движение на муниципальных, региональных и европейских выборах. Однако неудача 2002 г. сказалась на всех, кто входил в парламентскую левую, и Зеленые не оказались исключением. На президентских выборах кандидат Зеленых Н. Мамер показал в целом достойный результат (5,3%), на выборах в парламент кандидаты Зеленых набрали 4,4%, что позволяет рассматривать экологов как третью по популярности левую партию страны. Но в итоге Зеленым в Национальном Собрании партии удалось в 2002 г. сохранить лишь три депутатских места (31).

Очевидно, что рядовые члены Зеленых ожидали от итогов выборов куда большего эффекта. Почти сразу же после перехода в оппозицию в организации начались жесткие споры о роли и месте экологов в политической жизни Франции. Д. Вуанэ была вынуждена объявить об отставке с поста национального секретаря движения. В то же время она

предложила соратникам обдумать возможность объединения в среднесрочной перспективе с другими левореформистскими партиями, в первую очередь, с социалистами. Впрочем, эту точку зрения поддерживают сегодня не более 30% членов организации.

Состоявшаяся в середине декабря 2002 г. конференция Зеленых обозначила победу «автономистски» настроенных экологов — сторонников парламентария Н. Мамера и экс-министра Г. Эске. Эти политики подвергают критике конкретный правительственный эксперимент. Они не ставят под сомнение необходимость нахождения Зеленых в левом спектре, но принципиально отвергают мысль о перспективной интеграции в крупную левую партию. Большинство нынешних лидеров движения настаивают на том, что Зеленые должны сделаться «решительно новаторской партией», способной оформить в левом движении «сильный экологический полюс» (32). О степени «конфронтации идей» у экологов свидетельствует то, что на упомянутой конференции выдвигалось 6 проектов основной резолюции. Это говорит не только о присущем партии плюрализме, но и об отсутствии подлинного концептуального единства в рядах экологов.

Гораздо более едиными выглядят левые радикалы. ЛРП — традиционный союзник социалистов, начиная с 70-х годов продолжает оставаться не очень крупной, но влиятельной левой партией. В 1997—2002 гг. левые радикалы являлись, пожалуй, самой лояльной по отношению к ФСП партией парламентского большинства. На выборах разного уровня они неизменно выступали в связке с ФСП в ранге младшего партнера. Однако в 2002 г. социалистам не удалось убедить своих союзников отказаться от выдвижения на президентских выборах собственной кандидатуры. Как оказалось впоследствии, кандидат ЛРП К. Тобира, набрав всего 2,3%, объективно отобрала эти два с небольшим процента у Л. Жоспена, что помешало ему выйти во второй тур. Впрочем, уже на парламентских выборах левые радикалы шли в тесном блоке с ФСП, что дало им возможность провести в парламент 7 представителей (33).

Как показывают различные опросы общественного мнения, у левых радикалов практически отсутствует собственный широкий электорат в национальном масштабе; их позиции сильны лишь в ряде традиционных «радикальных» департаментов, тогда как в целом по Франции можно говорить о рейтинге ЛРП в 1—2% (34). По всем фундаментальным вопросам политической, экономической и социальной жизни, по внешней политике большинство левых радикалов разделяют позиции социа-

листической партии. Л. Жоспен и Ф. Олланд не раз подчеркивали, что у ФСП нет более близкого партнера, чем ЛРП.

В своей сегодняшней политической стратегии левые радикалы отдают приоритет проблемам децентрализации, защиты светского характера образования и федеративного устройства «единой Европы» в будущем. Кроме этого, в политических установках ЛРП можно встретить немало общегуманистических, правозащитных и экологических лозунгов и призывов.

После неудачи левых сил на парламентских выборах руководство ЛРП во главе с депутатом Ж.-М. Байле выступило с несколькими предложениями по укреплению единства французской левой. Сам Ж.-М. Байле известен как сторонник создания единой партии (разумеется, с участием социалистов), которая, с его точки зрения, будет в состоянии «представить гуманистическое, новаторское, народное, светское и европейское видение будущего Франции...» (35). Можно утверждать, что на прошедшем осенью 2002 г. в Тулузе съезде ЛРП большинство делегатов поддержали точку зрения своего лидера и одобрили курс на еще более тесное сотрудничество с социалистической партией.

После выборов в Национальное Собрание парламентского представительства лишилось левопатриотическое направление. Это направление неразрывно связано с именем Ж.-П. Шевенмана, одного из создателей «новой» социалистической партии в начале 70-х годов. Этот яркий и самобытный политик на протяжении 70-х — начала 90-х годов возглавлял левое крыло ФСП, неоднократно входил в состав правительства. После тяжелого поражения ФСП на парламентских выборах 1993 г., обвинив руководство партии в отказе от подлинно левых ценностей и в переходе на социал-либеральные позиции, а также отказавшись разделить с большинством социалистов их «европейский выбор», Ж.-П. Шевенман и несколько тысяч его сторонников покинули ФСП, провозгласив создание небольшого «Движения граждан» (ДГ). С тех пор ДГ стало олицетворять внутри левого движения своеобразное социал-патриотическое направление, которое стремилось «соединить национальное и социальное, республику и социализм» (36).

В последние годы ДГ, то вставая на путь сближения с ФСП, то, наоборот, отдаляясь от социалистов, выступало за более активную социальную политику (в том, что касалось роста общественных расходов), укрепление общественных секторов экономики, усиление позиций Франции на международной арене. В кабинете Л. Жоспена движение пред-

ставлял Ж.-П. Шевенман, занимавший важный пост главы МВД. Но в августе 2000 г. он ушел в отставку в знак несогласия с «матиньонским процессом», в котором лидеры ДГ увидели угрозу целостности унитарной республики. Хотя ДГ осталось в левом парламентском большинстве, но с лета 2000 г. оно все больше отдалялось от «команды Жоспена», подвергая критике социальную, экономическую и европейскую политику Совета министров.

Во время президентской кампании кандидат ДГ Ж.-П. Шевенман выступил с лозунгом «ни вправо, ни влево, Республика выше», призывая французских патриотов объединиться и во имя «общественного блага» отказаться от узкопартийных разборок (37). На деле Ж.-П. Шевенману удалось, помимо ДГ, привлечь на свою сторону лишь небольшую часть диссидентов из ФКП и ряд правопатриотических политиков. В конечном счете Ж.-П. Шевенман получил на президентских выборах 5,3% — гораздо меньше, чем он сам рассчитывал. Поскольку в ходе президентской гонки лидеры ДГ занимали по отношению к ФСП конфронтационную позицию, социалисты отказались от сотрудничества с левыми патриотами на летних парламентских выборах. На них созданный на базе самораспустившегося к лету ДГ «Республиканский полюс» набрал лишь 1,2%, а все «гражданские» парламентарии, в том числе Ж.-П. Шевенман, проиграли в своих округах (38). Таким образом, левопатриотический спектр лишился парламентского представительства. Его электоральная и социальная база довольно узка, это показали парламентские выборы. В то же время после их завершения из рядов «Республиканского полюса» то и дело поступают обращения к ФСП и ФКП сигналы с предложением о кооперации в противостоянии кабинету Раффарена.

Наконец, говоря о современных левых во Франции, нельзя не упомянуть крайне левый (или троцкистский) полюс. Дело в том, что из всех современных западноевропейских стран именно во Франции политические позиции троцкистов выглядят наиболее весомо. Крайне левые (в первую очередь ортодоксальная «Рабочая борьба» — РБ и более умеренная «Революционная коммунистическая лига» — РКЛ) представлены в органах власти на муниципальном, департаментском и региональном уровнях. Их представителей в силу существующей во Франции мажоритарной системы выборов нет в парламенте, зато несколько французских троцкистов заседают в Европарламенте. В 1997–2002 гг. крайне левые находились в жесткой оппозиции курсу Л. Жоспена, упрекая его кабинет

в потворстве крупному капиталу, европейской бюрократии и «слабой» социальной политике (39).

Радикальная риторика и активная деятельность крайне левых в общественных организациях и антиглобалистском движении принесла свои плоды. На президентских выборах немало традиционных избирателей левых партий (даже ФСП) отдали свои голоса за кандидатов-троцкистов. Впервые в истории два из трех крайне левых кандидата обошли по числу собранных голосов представителя ФКП: А.Лагийе (РБ) набрала 5,7% (кстати, второй после Л.Жоспена показатель среди всех левых), а О. Безансено (РКЛ) — 4,3% (40). Разумеется, в том, что крайне левые собрали более 10% голосов, «виноват» фактор «протестного голосования». Уже на выборах в Национальное Собрание, когда возобладали метод «полезного голосования», все троцкисты в совокупности получили менее 3% голосов. Но очевидно, что сегодня и РБ, и РКЛ находятся на подъеме, и «парламентская левая» просто не может не считаться с этими организациями и, тем более, с их многочисленными сторонниками и избирателями.

Можно со всей очевидностью констатировать, что 2002 г. был в истории французского левого движения довольно несчастлив. Двойное поражение сначала на президентских, затем на парламентских выборах отбросило левые силы в оппозицию, ослабило политическое влияние парламентских левых партий. Результаты выборов 2002 г., противоречивые с точки зрения расстановки сил в левом лагере, дают основания говорить о следующем. Именно ФСП остается главной силой левого спектра, ни одна из менее влиятельных партий не имеет возможности в краткосрочной перспективе оспорить гегемонию ФСП в левом движении. В то же время социалисты сами по себе не имеют в настоящее время достаточных ресурсов, чтобы самостоятельно, без помощи партнеров по левому лагерю осуществить возвращение к власти. В обществе существует весьма серьезный социальный и электоральный потенциал у более радикальных, чем ФСП, партий, что заставляет социалистов продолжать стратегию, направленную на единство левых сил.

Опыт совместной деятельности левых партий в правительстве в последние пять лет показал, что именно во Франции степень единения разных отрядов левого движения несоизмеримо выше, чем в иных западноевропейских странах. На муниципальных, департаментских и региональных выборах левые организации выдвигают единые списки. На последних парламентских выборах во многих округах левые сумели выста-

вить общих кандидатов. Однако во время президентской кампании плюрализм возобладал, что в итоге дорого стоило всей французской левой. Можно говорить о том, что в последние годы позиции ведущих левых партий Франции по различным аспектам социальной, экономической и внешней политики сблизились. В то же время левое движение Франции продолжает оставаться разнородным. По-видимому, потребуется еще немало времени, прежде чем во Французской Республике левые сумеют преодолеть внутренние трудности и добьются более значительного успеха своих сил.

А.ХЕМЕРИЙК
ВНУТРЕННЯЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

A. HEMERIJCK

The self-transformation of the European social model(s) // Intern. Politik u. Gesellschaft. — Bonn, 2002. — № 2. — S. 39—

66.

Процессы глобализации, высветившие острое противоречие между неолиберальной моделью глобального общества, основанной на информационных технологиях и свободном движении капиталов, с одной стороны, и необходимостью обеспечить социальную защищенность и базовые права населения — с другой, ставят перед правительствами многих стран немало острых проблем. Одна из них — это проблема адаптации созданной в послевоенной Европе социальной модели к реалиям постиндустриального общества с его рыночной конкуренцией, предъявляющего крайне высокие требования к уровню квалификации рабочей силы, а также к бюджетной дисциплине. Этот вопрос находится в центре внимания статьи нидерландского экономиста Антона Хемерийка. Хемерийк считает, что европейское общество благосостояния остро нуждается в реформах. Усиление международной конкуренции, старение населения, деиндустриализация, изменение гендерных ролей на рынках труда и в домашних хозяйствах, введение новых технологий — все эти факторы накладывают суровые ограничения на программы государства благосостояния, рассчитанные на предшествующую эпоху.

По мнению Хемерийка, все европейские государства благосостояния обладают тремя отличительными характеристиками. Первая — объединяющая их приверженность социальной справедливости. В большинстве стран реформистская фразеология усвоила дух приверженности солидарности, придающий людям уверенность, что в случае неудачи в карьере общество их не оставит. Надежды на всеобщую занятость, всеобщий доступ к здравоохранению и образованию, социальное страхование по болезни, нетрудоспособности, безработице и по старости, а также минимальные ресурсы социальной помощи для борьбы с бедностью и ограничения социальной исключенности — таков набор социальных гарантий, общепризнанных европейским сообществом, а также государственным учреждениями и программами.

Вторая особенность — на когнитивном уровне европейская социальная модель базируется на признании того, что *«социальная справедливость может способствовать экономической эффективности и прогрессу»* (с.39). Европейская политическая элита возражает против неолиберального постулата о несовместимости экономической эффективности и социальной справедливости и утверждает, что социальная политика является важным фактором экономического регулирования. «Перед лицом рыночных кризисов государство благосостояния способно защитить от социальных рисков, которые частное страхование не может покрыть в достаточной мере», — утверждает Хемерийк вслед за британским экспертом Н. Барром¹. Государство способно также ограничить экономическую нестабильность, усилить адаптационный потенциал и устойчивость экономики к рискам, а также улучшить ее инвестиционные возможности. Кроме того, высокий уровень затрат на социальную защиту в государствах ЕС (28%) обеспечивает эффективную роль государства в предотвращении циклических кризисов.

Третья особенность европейской социальной модели — высокая степень организации интересов и всесторонние переговоры между правительством и социальными партнерами в случае конфликтов по вопросам экономической и социальной политики. В отличие от Северной Америки в Европе отмечается большая стабильность производственных отношений, большинство рабочих охвачены коллективными соглашениями, в которых оговорены условия труда, защита занятости и жизненного уров-

¹ Barr N. The Welfare State as Piggy Bank. Information, Risk, Uncertainty, and the Role of the State. — Oxford, 2001.

ния. Эти отношения, указывает автор, наполнены духом социального партнерства, важным составляющим элементом которого является доверие.

В 70-е годы в Европе происходил пересмотр социальной политики, сформировавшейся после окончания Второй мировой войны. Угроза стагфляции заставила произвести коррекцию политики, основой которой стали макроэкономическое управление и переговоры о размерах заработной платы с целью предотвратить галопирующую инфляцию. С середины 80-х годов в политике занятости наметился сдвиг в сторону приоритета предложения; ради сдерживания открытой безработицы работодатели пошли на снижение пенсионного возраста. Политические последствия этих мер сказались спустя годы, в начале 90-х годов, когда Европейский валютный союз ограничил финансирование дефицита и долга, а в Маастрихтском договоре были предусмотрены меры по сдерживанию расходов в связи с пересмотром политики на рынке труда.

Автор убежден, что перспектива радикального реформирования европейского государства благосостояния исключена. Он напоминает, что в «неолиберальные 80-е годы» атака на социально ориентированные общества оказалась безуспешной, а в 90-е годы рост разочарования граждан в неолиберальных рецептах заставил пересмотреть неолиберальную политику правительств. Протест избирателей против несоразмерностей в оплате труда и нарастания бедности свидетельствовал о приверженности населения государству благосостояния и в конечном итоге способствовал приходу к власти в большинстве европейских стран социал-демократических партий. В целом европейские государства благосостояния, основанные на принципах социальной справедливости как источнике экономической конкурентоспособности, укорененной в политических институтах, благоприятствующих согласованным реформам, «доказали свою заботу о населении в большей степени, чем это признавали за ними аналитики», — отмечает Хемерийк (с.41).

В ходе пересмотра социальной политики и политики занятости, продиктованного необходимостью привести их в соответствие с новыми политическими, экономическими и демографическими реальностями, начался процесс обновления политики, который, как указывает автор, доказал состоятельность нормативных, когнитивных и институциональных принципов, лежащих в основе европейской социальной модели. Корректировка социальной политики определялась не только наследием ранее проводившегося курса и институциональными структурами по приня-

тию решений, но также способностью политиков к инновациям с использованием доступных им нормативных, когнитивных и институциональных ресурсов.

Три модели государства благосостояния

Хемерийк считает, что хотя в Европе уже сейчас существует 15 различных государств благосостояния, не говоря пока о 10 странах-кандидатах, однако нет единой «европейской социальной модели», на основе которой страны — члены ЕС могли бы объединиться в ближайшие десятилетия. Таким образом, «проблема состоит не столько в подчинении внутренней политики директивам ЕС, сколько в усвоении принципа совместной политики и сотрудничества» (с.41). В соответствии с институциональными атрибутами и спецификой социального устройства, Хемерийк выделяет три основные модели государства благосостояния: скандинавскую, англосаксонскую и континентальную.

Скандинавская модель, по мнению Хемерийка, отличаются всеобщее участие в национальных социальных программах всех граждан страны, высокие коэффициенты воспроизводства населения, заложенные в безвозмездных социальных выплатах, широкий спектр социальных служб (помимо здравоохранения и образования); семейная политика, поощряющая равенство полов и интеграцию женщин в рынок труда, упор на программы повышения квалификации и переквалификации, корпоративные производственные отношения с переговорами на высшем уровне, а также высокая степень участия трудящихся в переговорах с предпринимателями о заключении коллективных договоров (с.42).

Англосаксонская модель характеризуется тенденцией к целенаправленным, обусловленным потребностями социальным субсидиям, заложенными в системе трансфертов низкими коэффициентами воспроизводства населения; слабым развитием системы общественных социальных услуг вне сфер здравоохранения и образования, слабой службой помощи семьям; низким уровнем защиты занятости (в основном мероприятия в области занятости сводятся к соблюдению справедливых трудовых соглашений); отсутствием активной политики на рынке труда, в системе профессионального обучения и образования; отсутствием координации в производственных отношениях при относительно сильных тред-юнионах; децентрализованными переговорами об уровне заработ-

ной платы; недостаточным охватом работающих по найму системой переговоров при заключении коллективных договоров.

Модель континентальной Европы, испытывавшей на себе в ходе истории влияние этатистских, корпоративистских и семейных традиций, отличаются зависимое от занятости социальное страхование; крайне несправедливый уровень распределения компенсационных выплат, сочетающих высокий пенсионный возраст с весьма умеренным уровнем обеспечения дохода (например, пособия по безработице в Италии); зависимость доходов от объемов отчислений. Ей также присущи весьма скромный уровень развития общественных социальных служб (помимо базовых служб здравоохранения и образования); пассивная семейная политика, основанная в утвердившейся здесь модели семьи с единственным кормильцем-мужчиной; в целом высокий уровень защиты занятости в сочетании с пассивной политикой на рынке труда, но всеобъемлющей системой профессиональной переподготовки и повышения квалификации (особенно это характерно для Германии, Австрии и Нидерландов); сильное социальное партнерство, простирающееся и на управление социальным страхованием, а также скоординированные производственные отношения с преобладанием отраслевых переговоров об уровне заработной платы.

Хемерийк связывает различия в трех моделях социальной политики с эффективностью политики занятости, развитием сервиса, дифференциацией доходов и структур налогообложения (с.42—43). Скандинавские страны в вопросах занятости опережают англосаксонскую и континентальную модели. В Ирландии и Великобритании существует достаточный уровень занятости при относительно низких его показателях в государственном секторе. В континентальной Европе наблюдается смешанная картина — в северо-западной части континента (Австрия, Бельгия, Франция, Нидерланды, Люксембург, Германия) уровень занятости выше среднего, а в средиземноморских странах (за исключением Португалии) — низкий. По уровню социальных расходов наибольшую щедрость проявляют скандинавы, им уступают жители континентальной Европы, а самыми скупыми оказываются британцы.

Хемерийк прослеживает зависимость между налоговой и социальной политикой. В Скандинавских странах высокий уровень перераспределения доходов и занятости обеспечивается самой высокой в Европе шкалой налогообложения (Дания, Швеция). Государства благосостояния, придерживающиеся среднего уровня налогов (континентальные) и

ниже среднего (южные), имеют самые плохие показатели занятости и перераспределения доходов. Однако, отмечает автор, на континенте это обусловлено не уровнем налогообложения, а сильной зависимостью от взносов в фонды социального страхования.

Характеризуя структуру занятости населения Европы, Хемерийк отмечает следующие тенденции. 40% европейских безработных не заняты уже более 1 года. Рост занятости связан с уровнем квалификации: более квалифицированные работники выигрывают, менее квалифицированные проигрывают — либо в зарплате, либо в нахождении рабочих мест. Падение уровня занятости в большинстве европейских стран (кроме Ирландии и Нидерландов) отмечается уже с середины 70-х годов — прежде всего в самых незащищенных отраслях (сельское хозяйство, горное дело, обрабатывающая промышленность). В наиболее защищенных отраслях, напротив, существуют хорошие перспективы для расширения занятости — в розничной и оптовой торговле, ресторанах и отелях, сфере индивидуальных, частных и общественных услуг. Старение населения способствует росту спроса на услуги в сфере здравоохранения, ухода за больными и индустрии отдыха и развлечений.

Процессы деиндустриализации, рост сферы услуг, а также фискальные ограничения со стороны Европейского валютного союза — такова «трилемма», которая, по мнению автора, заставляет страны всех трех социальных моделей искать свои пути социального развития.

Скандинавские страны имеют самые дорогостоящие системы социального обеспечения, но при этом лучше других адаптированы к требованиям постиндустриального общества (они ориентированы на сферу услуг, предотвращают социальную исключенность и обеспечивают заботу о социально уязвимых категориях населения — женщинах и детях). Проблемы, существующие в этих странах, связаны с высоким уровнем мобильности капиталов, фискальными и бюджетными ограничениями, обусловленными старением населения и процессами европейской валютной интеграции, а также усилением сопротивления налоговой политике. Чтобы компенсировать потери в занятости в общественном секторе, по мнению автора, необходимо увеличить занятость в частном секторе. Перед Скандинавскими странами встает тяжелый выбор — либо либерализовать сферу частных услуг, что приведет к увеличению неравенства в уровне доходов, либо продолжать придерживаться концепции равенства в оплате труда, что в условиях бюджетных ограничений может привести к росту безработицы.

Англосаксонский «ответ» на «трилемму» представляет собой отказ от эгалитарных целей ради создания рабочих мест и бюджетных ограничений. «Новые лейбористы» отвергают принцип равенства доходов, реализуемый через перераспределение на моральных основаниях, и предлагают взамен стимулирование доходов через создание рабочих мест. Стратегия консервативного регулирования, принятая в Великобритании, способствует увеличению числа низкооплачиваемых рабочих мест и разрыву в уровне заработной платы. В результате происходит поляризация в уровне доходов, сопровождающаяся неравноправным доступом к системе социального страхования. Автор критикует систему профессионального обучения в Британии за неспособность «подготовить высокопрофессиональную рабочую силу» (с.47).

Дефицит квалифицированных кадров, низкая заработная плата и бедность — таковы, по мнению Хемерийка, причины возникновения циклических социальных проблем и маргинализации уязвимых групп населения, поражающие британскую экономику (с.47).

Уязвимость большинства континентальных государств благосостояния Хемерийк связывает прежде всего с «хронической неспособностью стимулировать рост занятости». Стагнация занятости в этих странах объясняется тем, что финансирование социального страхования поступает из заработной платы граждан, и, следовательно, складывается сложное соотношение инвестиций, производительности труда, предложения рабочей силы и затрат на заработную плату. Хемерийк полагает, что ключом к решению этой проблемы является стратегия поощрения международной конкурентоспособности посредством сочетания раннего ухода на пенсию и обеспечения роста производительности труда рабочих через систему высококачественного профессионального обучения и образования. Существенным недостатком этой стратегии, по мнению Хемерийка, является резкое увеличение налогового давления на труд, заставляющего работающих финансировать все большую массу пенсионеров. Хемерийк называет эту проблему континента «ловушкой бездеятельности» (inactivity trap), при которой «добродетельный круг роста производительности труда сопровождается порочным кругом роста затрат на заработную плату и ухода из состава рабочей силы менее квалифицированных рабочих. Отсюда требования дальнейшего повышения производительности и нового витка сокращения рабочей силы путем поощрения субсидируемого раннего выхода на пенсию» (с. 48). Эта ситуация увеличивает раскол на работающих и безработных, а также социальную ис-

ключенность, достигающую особенно высокого уровня в странах Южной Европы, где рынки труда подвержены чрезмерному регулированию.

Вызов, предъявляемый бурным развитием сферы услуг, действует как ограничитель социальной политики, однако опыт таких стран, как Дания и Нидерланды, по мнению автора, свидетельствует о возможности расширения занятости в этой сфере при соблюдении принципа равенства в оплате труда и фискальных ограничений (с.48).

Ограниченные нововведения в государстве благосостояния

Опыт Нидерландов в 70-е годы и Италии в 80-е годы по преодолению экономического и политического кризисов свидетельствует о том, что подобные потрясения могут стимулировать политику реформ, хотя, безусловно, не являются достаточным условием для преобразований. Хемерийк подчеркивает, что возможности для проведения ограниченных преобразований определяются политическими силами и институциональными факторами. Если в условиях мажоритарной британской политической системы мандат на проведение реформ получают однопартийные правительства, то германская и голландская демократии, основанные на пропорциональном представительстве с избранием нескольких депутатов от одного округа и формированием коалиционного правительства, тяготеют к медленной, постепенной модели реформ. Это связано с необходимостью переговоров со многими действующими лицами, имеющими право вето (с.49).

Политические институты могут как расширять, так и ограничивать выбор способов принятия политических решений. Примером первого случая являются страны так называемой «ассоциированной демократии» (Австрия, Скандинавские страны), культивирующей согласительный принцип принятия решений. В качестве примера ограничивающей государственной системы автор приводит французскую, где в условиях раскола рабочего движения и слабости союзов предпринимателей прижился «конфронтационный стиль в контролируемой государством системе производственных отношений» (с.49). Власти предпринимают фундаментальную смену парадигмы политики в том случае, если в результате преобразований не удастся достичь реального равновесия. Об этом свидетельствует опыт реформ в Ирландии, где сначала была принята бри-

танская стратегия радикального дерегулирования рынка труда, а после того, как она оказалась не в состоянии противостоять падению промышленного производства, ирландские политики перешли к модели всеохватывающих социальных договоров (с.50).

Хемерийк обращает внимание на противоречие, возникающее между требованиями бюджетной дисциплины, налагаемыми Экономическим и Валютным союзами стран ЕС, и гонкой за снижение налогов, толкающей страны к сокращению налогового бремени ради привлечения иностранного капитала в экономику. Казалось бы, в условиях роста безработицы, увеличения числа бедных, роста затрат на пенсионное обеспечение и здравоохранение можно было бы ожидать повышения уровня налогообложения. Вместо этого в течение 80-х годов, отмечает Хемерийк, большинство государств благосостояния прибегали к дефицитной бюджетной политике.

Ситуация бюджетного дефицита, однако, не заставила политиков разработать стратегию непопулярных реформ по свертыванию социальных программ. Напротив, маастрихтские критерии ЕВС стимулировали политику национальных социальных договоров, призванных обеспечить устойчивость государства благосостояния. Первыми на этот путь встали Нидерланды («Соглашение Вассенара» 1982 г., договор о «Новом курсе» 1992 г. и «Соглашение о гибкости заработной платы» 1996 г.). За ними последовали Дания, которая ввела менее формализованную систему ограничения уровня заработной платы в рамках зоны датской марки в 1987 г., Ирландия (был принят ряд мероприятий от трехсторонних соглашений в 1987 г. до соглашения «Партнерство 2000»), а также Финляндия («Пакт стабильности» 1991 г.), Италия («Национальное соглашение» 1992 г.), Португалия (ряд соглашений в 90-е годы), Испания («Толедский пакт» 1996 г. и «Пакт о стабильной занятости и переговорах об уровне заработной платы» 1997 г.), Италия, Греция (с.51).

В то же время в современной социальной политике происходит заметный сдвиг в пользу приоритета рыночного предложения; максимизация занятости признается предпочтительнее стимулов к преждевременному уходу с работы. Это отражается и в новом нормативном словаре, в котором укореняются такие понятия, как «возможность трудоустройства» (employability), «обучение в течение всей жизни», «активизация», «вовлечение», «требование доходности работы» и «социальные гарантии для работы». Во всех странах приоритетным становится повышение квалификации и уровня подготовки кадров (причем особенно ост-

по эта проблема стоит для работников с низкой квалификацией, частично занятых и пожилых работников), однако, по наблюдению автора, в обществе пока не достигнут консенсус по вопросу о том, что человек должен продолжать повышать свою квалификацию на протяжении всей жизни. Поэтому в 90-е годы ряд правительств европейских стран открыли программы по «стимулированию», в основе которых лежат взаимные обязательства государства и наемных работников. Согласно критериям программы, получатели пособий обязуются пойти на курсы переподготовки или согласиться на временное трудоустройство, а государство со своей стороны обязуется обеспечить возможность их оптимального трудоустройства (с.52). Высоко оцененная Европейской комиссией как «лучшая практика» в Европе, политика «стимулирования» занятости в Дании имела успех благодаря сочетанию успешной стратегии занятости и щедрой системы социальных выплат. В этой стране удалось установить новую институциональную связь между социальным обеспечением и политикой занятости, между государственным и частным секторами. Основные направления проведенных там реформ, по оценке Хемерийка, включают либерализацию системы государственной службы занятости, расширение координации социальной защиты и системы трудоустройства, а также введение системы региональных пактов занятости в качестве ответной меры на экономические проблемы регионов (с.52, 54).

Повышение спроса на низкоквалифицированную рабочую силу путем предоставления субсидий — такова практика, принятая в Великобритании и Ирландии. В этих странах существует система обусловленных занятостью льгот и индивидуальных налоговых скидок для низкооплачиваемых рабочих, в то время как на континенте предпочитают сокращать взносы на социальное страхование (Франция, Бельгия, Германия, Нидерланды, Испания и Португалия). Впрочем, такой путь таит в себе опасность перехода предпринимателей на систему кратковременного найма ради получения государственных субсидий, в результате которого низкоквалифицированные рабочие будут вынуждены постоянно довольствоваться низкой заработной платой, а предприниматели в условиях сокращения взносов в фонды социального страхования потеряют стимул к повышению квалификации рабочей силы. Сокращение фиксированных затрат на рабочую силу, с одной стороны, и целевые субсидии, стимулирующие занятость, с другой стороны, — таковы, по мнению автора, два пути поощрения к созданию рабочих мест.

С точки зрения А.Хемерийка, новая политическая обстановка требует большей гибкости рынка рабочей силы, включая модели занятости, заработной платы, рабочего времени. Чтобы политика занятости стала эффективной, она должна примирить гибкость с минимальными рисками. По мнению автора, эти две цели не противоречат друг другу: напротив, гибкость рынка рабочей силы может усиливаться, дополняемая сильными социальными гарантиями (с.53). В Нидерландах это равновесие достигается в соответствии с парадигмой «десегментации рынка рабочей силы» (ослабление защиты основной рабочей силы через либерализацию практики увольнений занятых на полную ставку работников, что происходит параллельно с усилением защиты «периферийной» рабочей силы — временных, трудоустроенных на условиях неполного рабочего дня работников). Автор не исключает перспектив распространения подобной практики и в странах Южной Европы: проведенные в Италии и Испании реформы поощряют краткосрочный найм и найм на условиях неполного рабочего дня, снижая при этом издержки на увольнение занятых на условиях длительного контракта. Законодательное установление минимального уровня заработной платы открывает перспективы для вышеописанной «десегментации» рабочей силы в Великобритании.

В статье указывается, что десегментация связана с феминизацией рынка рабочей силы: именно на женщин приходится большая часть прироста числа рабочих мест. Низкие темпы прироста рождаемости в большинстве европейских стран вместе с тем выдвигают на первый план требование реформирования служб ухода за малолетними детьми, которые могли бы освободить женщин от необходимости тратить на них большую часть своего времени и дать им возможность работать. В Нидерландах службы, обеспечивающие уход за детьми, существуют при организациях, где работают их родители. Будучи не всегда государственными, тем не менее они, как правило, предоставляют свои услуги высококвалифицированным или занятым на условиях полного рабочего дня работникам (с. 55). В Великобритании Национальная стратегия по уходу за детьми предусматривает повсеместное создание таких служб. Работники, получающие налоговые скидки для работающих семей, имеют право на списание 70% их затрат по уходу за детьми. В Скандинавских странах предусматривается программа предоставления отпусков родителям-мужчинам, поощряющая их к большему участию в уходе за детьми. В Великобритании консервативное правительство Тэтчер упразднило отпуск для отцов, установленный согласно директиве 1984 г. Европейского

Союза; однако правительство лейбористов в своем Плане национального действия (National action plan) распространило систему отпусков на получающих низкую заработную плату женщин-матерей. В большинстве континентальных стран, как правило, предусмотрен отпуск для матерей по уходу за ребенком, отпуска для отцов обеспечиваются весьма скромными суммами. Возвращаясь на работу после отпуска по уходу за детьми, в ряде стран женщины теряют в заработной плате, что может отпугнуть тех из них, кто ориентирован на карьеру, однако некоторые страны гарантируют возвращение на работу после ухода за ребенком.

Во многих европейских странах организация гибкого рабочего дня для женщин признается важным условием совмещения ухода за детьми с работой. В Скандинавских странах численность занятых на условиях неполного рабочего дня за последние годы держится на прежнем уровне и даже имеет тенденцию к сокращению, что связано с развитой практикой совмещения работы и семейной жизни. Всплеск числа трудоустроенных на условиях неполного рабочего дня женщин в Нидерландах объясняется «дружественным к женщинам» подходом в вопросах занятости (работницы на условиях частичной занятости получают право на такое же социальное страхование, переподготовку, оплачиваемый отпуск, субсидии по уходу за детьми, как и занятые на условиях полного рабочего дня). В Великобритании и Ирландии такой всплеск, по мнению автора, обусловлен дерегулированием рынка, проведенным в 80-е годы. Для низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работниц частичная занятость является стратегией выживания.

Политика «десегментации» рынка труда требует также универсализации системы пенсионных выплат — уравнивания в правах на пенсию мужчин и женщин, а также нейтральной с точки зрения полового признака системы налогообложения. Некоторые страны вслед за скандинавской традицией стали облегчать доступ к пенсионному обеспечению занятым на условиях неполного рабочего дня и временной занятости.

Автор отмечает, что намеченная ЕС цель довести занятость женщин к 2010 г. до уровня 60% создает давление на правительства европейских государств, подталкивая их к развитию благоприятствующей женщинам политики. Это давление особенно сказывается в странах континентальной Европы и на Британских островах, где система отпусков и обеспечения по уходу за детьми сильно уступает скандинавской модели. В этой связи данным странам автор предлагает заимствовать скандинав-

ский опыт, в качестве наиболее удачного его варианта советуя «датскую модель» (с.57).

Пенсионная реформа

Во всех западноевропейских странах, пишет Хемерийк, достигнут консенсус о необходимости реформирования пенсионной системы параллельно реформам политики занятости. При этом автор подчеркивает, что достижение устойчивого уровня пенсий окажется невозможным без повышения уровня занятости среди женщин и пожилых работников. Другим важным обстоятельством для повышения финансовой свободы правительств является необходимость выплатить государственный долг к 2030 г. — к тому времени, когда большая часть нынешнего трудоспособного населения достигнет пенсионного возраста. В пенсионной политике предлагается сочетание гарантий пожилым людям с большей гибкостью и стратегией «активного старения». По мнению автора, усилить финансовую устойчивость и высвободить дополнительные фонды на нужды стареющего населения можно будет, выплатив в ближайшие 20 лет государственный долг и проценты по нему (с.58). Ряд стран (Нидерланды, Франция, Бельгия, Ирландия, Португалия) пошли по пути создания пенсионных резервных фондов для поддержания соответствующего уровня пенсионного обеспечения, когда поколение «бэби-бума» достигнет пенсионного возраста. Под давлением законодательства ЕС многие страны приняли меры с целью уравнивать пенсионный возраст мужчин и женщин.

Индексация пенсий представляет собой серьезную финансовую проблему во многих странах — из-за повышения нагрузки на национальные бюджеты. В Швеции по новым правилам предусмотрено, что если обязательства государства по пенсиям превышают доходы пенсионного фонда, то индексация пенсий будет задерживаться до тех пор, пока равновесие не будет восстановлено. В Австрии и Германии теперь индексируют не зарплату до вычетов налогов, а суммы чистой зарплаты; во Франции произошел переход с индексации пенсий на индексацию зарплаты, учитывающую динамику цен. В странах Южной Европы ограничения идут параллельно с повышением уровня минимальных пенсионных выплат. В Италии и Швеции проводится реформа в направлении перехо-

да на накопительную систему пенсионных выплат. По мнению автора, сроки ее проведения позволяют молодежи подготовиться к снижению уровня государственных пенсий, открыв счета в частных пенсионных фондах, предлагающих альтернативные схемы, однако переход на данную систему будет более жизнеспособным, если работникам будут предоставлены определенные стимулы (с.59). Чтобы прерванный стаж из-за ухода за детьми не препятствовал родителям получить право на пенсию, правительства Австрии, Бельгии, Франции и Германии добавляют к их стажу годы, компенсирующие перерыв в работе. Правительство Нидерландов предусматривает доступ к пенсионному обеспечению и страховому здравоохранению для работающих на основе частичной и временной занятости.

В центре политики «активного старения» лежит принцип сочетания работы и отдыха как средства удержать пожилых людей в составе рабочей силы. Среди мер, стимулирующих занятость пожилых людей, автор выделяет налоговые льготы для тех пожилых людей, которые остаются полностью или частично занятыми (Дания), схему постепенного сокращения количества рабочих часов в обмен на соответствующую долю пенсии до достижения пенсионного возраста (Бельгия); однако в большинстве стран, по его мнению, правительства воздерживаются от мер по повышению занятости пожилых людей и по противодействию дискриминации их предпринимателями из-за возрастного ценза.

«С политической точки зрения осуществимость пенсионной реформы в значительной мере определяется институциональными возможностями гарантировать консенсус основных политических партий и/ или правительства и социальных партнеров (в особенности профсоюзов). Проведение радикальных реформ практически невозможно без широкой общественной поддержки», — таков основной вывод Хемерийка о перспективах реформ в этой сфере (с.59). Иллюстрируя свой тезис, автор напоминает, что в Швеции пенсионная реформа была начата благодаря политическому консенсусу социал-демократических и буржуазных партий, в Италии обязательным условием перехода на систему пенсионных взносов является согласие профсоюзов, а торможение реформы во Франции обусловлено отсутствием сотрудничества основных политических партий и социальных партнеров (с.59–60).

Углублять социальное измерение Европы, координируя политику

В последнее десятилетие в Европейском Союзе наблюдалась явная конвергенция политики занятости и социальной политики: все страны — члены ЕС выступают за повышение уровня занятости, содействие социальной включенности, инвестиции в производительность труда и повышение квалификации будущих работников, а также за стимулирование инноваций в развитие конкурентоспособной экономики, основанной на знании. В Договоре о Европейском Союзе (гл. XI, ст.136) выделяются общие цели социальной политики: «Содействие высокому уровню занятости, повышению жизненного уровня населения и улучшению условий труда, достаточная социальная защита, социальный диалог, развитие человеческого капитала и борьба против социальной исключенности» (с.60). Данная формулировка отражает общую обеспокоенность рисками социальной поляризации, с которыми сталкиваются государства Европейского Союза, комментирует Хемерийк. Кроме того, он указывает, что ускорение экономической интеграции без достижения какого-либо существенного социального прогресса может поставить ЕС перед серьезными проблемами легитимности.

Особое место Хемерийк уделяет проблеме соотношения национального и наднационального измерений европейской социальной политики: основной ареной проведения социальных реформ остается национальное государство, но осуществляемые им реформы подвергаются все более активному наднациональному регулированию со стороны Европейского валютного союза, Еврокомиссии и других органов ЕС (с.60).

В 80-е годы приоритет цели формирования общего рынка, устранения ограничений в торговле и диспропорций конкуренции в европейской интеграции потребовал инициатив в политике занятости и социальной политике, которые позволили бы «скорректировать рынок». Позитивным прорывом в этой сфере автор называет включение Хартии занятости в Амстердамский договор (1997), предполагающую координацию политики странами-членами согласно единой стратегии, определяемой Советом ЕС. Данное соглашение стало возможно благодаря политике левоцентристских партий, пришедших к власти на волне выборов во Франции, Италии, Великобритании и Германии во второй половине 90-х годов.

Важным поворотом в формировании европейской социальной политики и политики занятости стал Лиссабонский саммит, на котором были приняты обязательства повысить суммарный уровень занятости в ЕС до 70% (среди женщин до 60%) к 2010 г., содействовать повышению квалификации работников на протяжении всей их жизни и увеличению занятости в сфере услуг. В качестве мер социальной защиты саммит выработал метод открытой координации новых политических инициатив по борьбе с бедностью, противодействию социальной исключенности и модернизации системы социальной защиты. Автор указывает, что в период председательства Швеции в ЕС, предложившей к 2010 г. достичь 50%-ной занятости среди рабочих от 55 до 64 лет, пенсионная реформа стала частью повестки дня ЕС.

Повторяя свой тезис, высказанный выше, Хемерийк подчеркивает, что в 15 странах — членах ЕС, а также 10 странах — кандидатах на вступление в единую Европу, разумеется, не может существовать единой «европейской социальной модели», которая объединила бы все страны — члены ЕС в ближайшие десятилетия. Успех социальной политики каждой из стран зависит не от выполнения ими директив ЕС, а от обмена политическим и практическим опытом со всеми остальными странами Союза и от заимствований из зарубежного опыта моделей, которые могут способствовать решению собственных социальных проблем с учетом специфики развития национальной экономики. Отправной точкой к общеевропейской координации социальной политики стало введение Европейской стратегии занятости, в которой предложен Открытый метод координации (ОМК). Он предусматривает уважение национальной специфики внутренней политики стран-участниц при согласовании общих для всех директив и заимствований из «лучшего практического опыта» других стран.

Как объясняет автор, выбор политики будет осуществляться все же на национальном уровне, но проводить ее страна больше не будет в одиночку. Некоторые проблемы социальной политики определяются как предметы общей заботы. Время от времени на уровне ЕС эти проблемы и пути их решения будут обсуждаться и оцениваться при участии правительств всех стран-членов. К сильным сторонам ОМК автор относит то, что он облегчает политику в тех областях, где компетенция ЕС довольно слаба, а регулирование недопустимо или лишено смысла. Консультативный характер дискуссий позволит деполитизировать обсуждаемые вопросы и избежать одномерности рекомендаций, которой грешили ОЭСР

и МВФ (с. 62). Если ОМК окажется успешным, то он повысит легитимность ЕС как социального союза, утверждает Хемерийк. Однако предлагаемый метод имеет и ряд слабых моментов: он слишком зависим от степени, в какой политики той или иной страны осознают себя проводниками согласованной политики ЕС; кроме того, существуют опасения, что «мягкая» координация политики, лишенная механизма реальных санкций, полностью заменит «жесткое» законодательство и что при отсутствии этих санкций все попытки координации окажутся тщетными. Наконец, возникает вопрос о том, в какой мере ОМК может быть применим в связи с предстоящей интеграцией в ЕС стран Центральной и Восточной Европы (с. 62).

Заключение

Хемерийк приходит к заключению, что предложенная им в статье классификация типов социальных моделей, которая исходит из географических и культурно-исторических критериев, объединяющих европейские государства и экономики, представляется достаточно обоснованной и логичной; в то же время следует признать, что континентальная модель оказывается наименее однородной из всех трех, поскольку ее северо-западный и средиземноморский варианты существенно отличаются друг от друга. Подводя итоги своему анализу европейских социальных моделей, Хемерийк характеризует реформы систем государства благосостояния, проводившиеся в 90-е годы в Западной Европе, как особый, иногда успешный опыт, который позволяет оценить тип этих реформ как типично «европейский» и весьма динамичный. Философская основа этого процесса — приверженность ценностям солидарности и справедливости, убежденность, что социальная защита усиливает экономическую эффективность, а также ориентация на согласованные, а не навязываемые свыше преобразования. В 90-е годы обоснование реформ поменялось: если прежде главным критерием была социальная справедливость как таковая, то ныне подчеркивается «двойная связь» между социальной сплоченностью и экономической конкурентоспособностью.

Европейские реформы в социальной сфере также характеризует метод проб и ошибок: попытки реформирования в одном секторе подчас порождают проблемы в другом, отсюда императив постоянного изучения и обмена опытом в социальной политике в рамках единой Европы. В качестве общей рекомендации для реформ в социальной сфере и занятости

автор предлагает сочетать гибкость рыночных методов (синтез управления рынком и либеральных мер) с программами социальной защиты.

Хемерийк воздает должное левоцентристским правительствам европейских стран, которые сделали одним из главных приоритетов вопросы социальной политики и занятости, однако напоминает, что во многих странах, управляемых коалиционными правительствами, реформы становятся возможны только после длительных переговоров между партиями и социальными партнерами; тем более затруднен этот консультативный процесс на уровне структур ЕС. Выявление «узких мест» во внутренней политике отдельных европейских государств, равно как и инноваций в их социальной политике и политике занятости, в свою очередь, находит отражение в повестке дня наднациональных органов ЕС. Такие общие для многих стран проблемы, как высокий уровень безработицы, положение низкооплачиваемых категорий граждан, пенсионная реформа, требуют единой стратегии реформ. Таким образом, единая Европа получает социальное измерение и становится социально ориентированной, заключает Антон Хемерийк.

Перевод Константина Челлини

II. РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ:
50 ЛЕТ В ПОЛИТИКЕ.**

Встреча лидера СДПР со студентами МГУ //
Социал-демократ. — М., 2002. — N 9. — С. 1—4.

Открывая встречу со студентами МГУ на тему «50 лет в политике», состоявшуюся 16 октября, лидер СДПР М.С.Горбачёв сказал:

«Перед вами человек, которому есть что вспомнить, тем более, если он претендует на то, чтобы выступить на тему “50 лет в политике”. В марте 2002 г. исполнилось 50 лет, как я вступил в КПСС. А кандидатом в члены партии я стал в 10 классе в 50-м году. И поступал в университет кандидатом в члены партии. Видите, я человек активный. Я возглавлял школьную комсомольскую организацию, потом пять лет — в комсомоле МГУ. Затем еще семь лет освобожденной комсомольской работы. В эти годы мне приходит первая мысль, что надо из политики как-то уходить. Я трижды пытался уйти.

Более того, уже будучи секретарем Ставропольского горкома партии, написал диссертацию, сдал кандидатский минимум, и диссертация уже должна была пойти на обсуждение. Но в этот раз меня избрали секретарем крайкома партии — в 68-м году. И я должен был прекратить завершение научной работы. Мною было принято решение остаться на партийной работе.

Чтобы закончить хронологию, скажу, что в 78-м году я оказался в Секретариате ЦК КПСС и ведал аграрными делами. Семь лет я прора-

ботал в Политбюро до избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС — с Брежневым, Андроповым, Черненко. Такая длинная история партийной карьеры. Я скажу, что она была успешной по всем критериям. И тем не менее я должен быть откровенным и должен сказать, что ведь многое пришлось пережить и перегнуть, прежде чем прийти к тем выводам, которые легли в основу политики перестройки и стратегии перестройки.

Когда я говорю о политической карьере, то вряд ли она состоялась бы в таком виде, если бы не обучение в МГУ и то, что дал университет. Может быть, больше всего я обязан университету. Так что вы имейте это в виду, если хотите сделать успешную карьеру, не забывайте. Студенческие годы бурные. Я все пережил, знаю, что мы делали. Но вы далеко продвинулись вперед, у нас наркотиков не было, а у вас теперь есть. (Смех.) Так что вы новые высоты берете, но с этой высоты можно скатиться куда-то по лестнице жизни. Так что имейте в виду: тормоза держите.

Я — человек, который родился и прожил основную свою жизнь в XX веке. Век потрясающий! 90% всех открытий за всю человеческую историю приходится на этот век. Все самые кровавые войны приходятся на XX век. Гибли миллионы людей. Войну я всю видел — и фронт, и отступление, и наступление, и оккупацию (я жил на оккупированной территории). Это те самые ключевые моменты, которые оказали огромное влияние на всех нас. Мы — дети войны, это особого рода дети в том смысле, что детства не было. Пришлось пережить и увидеть очень многое, голодать. Надо было просто выживать.

После университета я оказался в своей родной губернии, в ставропольской провинции. Меня пригласили на беседу в крайком и назначили заместителем заведующего отделом. Так я попал непосредственно уже на освобожденную работу, связанную с молодежной политикой. Я очень дорожу тем, что мне семь лет пришлось работать с молодежью в те времена. Это было время после XX съезда партии, время низвержения культа личности. Особое было время. Вся страна, весь мир пережили потрясения.

С этого именно и начинается длительный процесс моего осмысления жизненной линии. Я отношусь к поколению «шестидесятников». Оно, собственно, было замешено на идеях XX съезда партии. И оно немало сделало для того, чтобы на основе этих идей продвигать процессы демократизации и свободы.

Однако скоро и это улеглось. Поскольку в брежневские времена (я хорошо знал Леонида Ильича) ситуация выглядела так, что мы получили под его руководством, по сути дела, неосталинизм. Это было здание с демократическим декором, с развешенными правильными лозунгами, но на самом деле это был тотальный контроль за всем, продолжалось сохранение тотального режима, монополии партии на власть. Истинная власть находилась в партийных органах. Избирали советы, избирали верховные советы, но все решения (чтобы вы знали) принимались в партийных органах на местах — в райкомах, горкомах партии, краевом комитете на бюро. А здесь наверху, все, что делалось в Совете министров, — ни одно решение не выходило без утверждения на Политбюро. Центром власти были Политбюро и Центральный Комитет, который олицетворял представительство местных партийных органов.

Таковой была система власти. В этой системе работать непросто. Кое-кто говорит: вот сейчас бы к этой системе вернуться и навести порядок, сделать как надо — и все бы было хорошо. Я должен сказать, что это большое заблуждение.

Самым старшим из вас, наверное, 22 года? Вы, собственно, всего этого не знаете. Вы только изучаете те или иные дисциплины, литературу читаете. Хотя должен заметить: сейчас в книгах многое так описывается (например, то, что происходило с моим личным участием), что нельзя сказать, что это соответствует действительности. Поэтому вы будьте осторожными и умными: не берите все на веру. Я такие книги перестал читать, потому что это бесполезно. Идут мифы, идет безответственное оболванивание (при Советской власти было ответственное оболванивание, а тут — безответственное). Часто строят содержание книги на сплетнях, на том, кто что сказал. Серьезная работа только началась в наших научных центрах и в институтах Академии наук. Нам многое предстоит сделать для того, чтобы понять правду и по-настоящему осмыслить свою историю.

Недавно взял почитать некоторые учебники по истории для школьников. Был доволен: все-таки восемь строк уделили Перестройке (Смех.), все остальное написали люди, которые, в общем-то, мало что знают, работают не для выяснения истины, а под себя. Хотя это тоже не новость.

Однако вернемся к моей биографии. Во время работы секретарем крайкома партии мне удалось и многое сделать по продвижению новых методов хозяйствования. Я называю это малой перестройкой. Однако

часто новации, которые возникали, подавлялись бюрократией. Ведь в стране тогда, по-моему, около 200 министерств было. Вы знаете, что и сейчас, чтобы заняться малым и средним бизнесом, надо пройти муки ада и дороги, не мощенные ничем. Я думаю, что президент, регулярно встречаясь с представителями малого и среднего бизнеса, все-таки хочет издать такой закон, который бы развязал руки инициативным людям.

Я думаю, если мы этого не сделаем, то у нас прогресса, экономического роста не будет. Большой бизнес уже свои пределы, плацдармы захватил, хотя и действует больше в своих офшорах. Застряли где-то, по меньшей мере, полтриллиона долларов, а мы с вами ищем инвестиции.

Линия на поддержку малого и среднего бизнеса сегодня может быть ключевым вопросом, чтобы действительно был экономический рост. Тогда появятся доходы, появятся рабочие места и все остальное. У нас сегодня, по сути дела, нет внутреннего рынка. Он весь замешан на импорте. У нас нет покупательного спроса, который бы стимулировал производство. Поэтому ситуация у нас сейчас сложнейшая. В те времена эти попытки заинтересовать людей, дать стимул упирались в бюрократию, и сегодня они упираются в ту же бюрократию. Уже сейчас больше бюрократов, чем было в СССР. Чтобы нам построить дом для Фонда, надо было провести 273 согласования... На согласованиях и пасется бюрократия. Отсюда вырастает и коррупция. В середине 70-х годов мы оказались в такой ситуации, когда темпы нашего развития начали снижаться, и мы начали снова отставать. И отставать начали после того, как развитые страны в 70-е годы осуществили структурную перестройку, вышли на новые технологии, уже открыли новую эпоху. В результате у нас производительность труда по сравнению с ними выглядела так: в промышленности они опережали наш уровень производительности в 3,5 раза, а в аграрном секторе — в 5 раз.

Мы проигрывали исторически. Машина Советского Союза не могла реагировать на вызовы научно-технической революции. Во всех развитых странах были мощные сборочные конвейеры, минимум 60% валового внутреннего продукта создавалось малым и средним бизнесом. А у нас неповоротливость наших предприятий, которые мы настроили, привела к тому, что начала буксовать вся экономика.

Вопрос стоял о том, что мы теряем позиции. В крутые времена, когда срабатывала еще мобилизационная модель, этот режим и эта система срабатывали. Но в нормальных условиях, когда уже встали новые проблемы, связанные с научно-технической революцией, переходом в

эпоху новых технологий, это все начало буксовать. Тогда по поручению Андропова молодые люди начали готовить свои соображения.

Когда мы попробовали использовать сильные позиции КПСС и через ее деятельность продвинуть эти новые идеи, на это ушло три года, вплоть до 88-го года. Отсюда и вытекала необходимость ускорения. Эти годы нам показали, что без того, чтобы мы через демократию не начали решать кадровые проблемы, не выдвинули людей, которые разделяют эти новые подходы, через перестройку жизни, ничего не получится. Мы не сможем избавиться от номенклатуры другими методами. Было бы неправильно делать разгон всех и вся. Тот, кто может работать, — пусть доказывает, что он может работать, но через демократию.

Однако и номенклатура начала объединяться, а после выборов 1989 г. пошли просто организационные объединения. В результате этого вокруг меня начались процессы брожения (даже среди тех, кто в первые годы поддерживал, и основательно поддерживал), которые привели к тому, что начали готовиться попытки сместить с поста Президента в конце 1990 г. Помнится, Сажи Умалатова выполняла ударную роль. Затем апрельский Пленум 1991 г., когда я подал в отставку. Нынешний губернатор Нижнего Новгорода говорит, например, что ему было поручение обеспечить согласие и поддержку командующих военными округами, чтобы избавиться от Генсека.

Это тормозило процесс разработки и принятия решений до невозможности. Просто страна задышалась в этом застое и в невозможности реализовать свои планы. Много надо было сделать и в экономике, и в Союзе. И это поняли, решив выйти через трудности к этим процессам к осени 1991 г., но тут ГКЧПисты пошли, организовали путч. Потом — Беловежье и развал Союза... В январе 1992 г. Борис Николаевич Ельцин, обращаясь к народу, говорил, что, мол, потерпите, сейчас будет спад до июня, потом начнется подъем, и с ноября пойдем, и через три-четыре года Россия будет в числе трех-четырех самых развитых государств. Потрясающе!

Только Никита Михалков правильно объяснил все происходящее. Он говорил, что мы же ведь народ фольклорный: по щучьему велению, по моему хотению; скатерть-самобранка — махнул и есть, через колено, и все пошло. (Смех.)

Я думаю, что наследство Президенту Путину досталось очень тяжелое. Вы, молодые люди, должны это знать, на дворе уже XXI век, вам

вместе со страной придется делать выбор и брать на свои плечи ответственность.

Политику, которую Президент предлагает сегодня, мы ценим. И в своей Социал-демократической партии ее поддерживаем. Она все-таки проводится в интересах большинства. Если эту линию он будет продолжать, — а я думаю, что он вынужден будет представить стране проект на будущее, потому что впереди и думские, и президентские выборы, — то тогда, полагаю, мы сможем еще выбраться из тяжелого кризиса на дорогу солидного развития. Спасибо». (Аплодисменты.)

Вопрос. Каково Ваше отношение к вопросу о продаже земли?

М.С.Горбачёв. Я считаю, что вопрос о продаже земли нужно рассматривать с двух позиций, по крайней мере. Первая: то, что идет под жилье, под предприятия — то, что не относится к сельскохозяйственному делу, и то, что не относится к государственному фонду... Я думаю, что в этом случае надо давать возможность покупать ее, ибо вопрос о земле — это часто вопрос о бизнесе, об инициативном бизнесе. Это очень важно.

Что касается земель (пашен, сельхозугодий), то мы не должны допускать в этом деле суеты. Наверное, мы придем к тому, что мы будем иметь частную собственность довольно распространенную, но, по-моему, это дело будущее.

Вопрос. Как Вы думаете, сможет ли Владимир Владимирович со своей командой выправить экономическое положение в стране?

М.С.Горбачёв. Я думаю, что эта команда нуждается в серьезном подкреплении. У него люди многие из той эпохи, и они, я думаю, тормозят. (Смех. Аплодисменты.)... Я думаю, что перетряски не будет, но нужное обновление будет идти для того, чтобы было эффективным управление страной.

Вопрос. Что Вы думаете о будущем России? Каковы пути ее развития?

М.С.Горбачёв. Я такого мнения. Стратегия, в рамках которой мы жили десять лет и которая привела к известным результатам, ошибочна. Она вытесняла нормальную роль государства в смысле регулирования экономики. Поэтому если эта концепция будет продолжена, то мы обречены быть сырьевым придатком со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я думаю, что это любую страну не устроит, особенно нас.

Вопрос. Ваше видение будущего России, Ваши перспективы в политике?

М.С.Горбачёв. Мои перспективы в политике, я думаю, связаны с созданием Социал-демократической партии. Это то, что нужно России больше всего, ибо мы видим крайности. Нас замордовали — страну, и виновникам это нравится. Они уже приспособились. Во время выборов они обливают грязью друг друга. Потом в Думе там договариваются. А нам нужен такой парламент, который бы действительно представлял интересы большинства.

Мы сейчас готовим Политическое заявление социал-демократии. И это будет наше предложение выхода из тупика.

Если кого-то из вас интересует, ждем для встречи, для разговора. Наши единомышленники в возрасте до 30 лет — а таких у нас 25%, партия наша очень молодая, — имеет как бы свою молодежную секцию со своими собраниями, со своими съездами и обсуждением проблем.

Вопрос. Как Вы думаете, почему Россия не может договориться с Белоруссией?

М.С.Горбачёв. Как человек, который сражался «до последнего патрона» за сохранение Союза, я сейчас, вообще говоря, думаю, что создание Союзного государства преждевременно. А вот идея объединения союзных государств актуальна. Это значит — сохраняется независимая республика, государство. А тот проект, который предлагают, мол, давайте Белоруссию сделаем Мордовией и т.д., это, знаете, обижает народ. Больше того, такое решение проблемы вообще исключило бы присоединение к этому Союзу любых других суверенных республик. В этом я уверен.

Поэтому надо начинать с объединения, интеграции в сфере экономики, денежных позиций, финансов, экономического, финансового пространства (культурное есть) и двигаться. Создавать наднациональные структуры, которые бы решали вопросы.

Вопрос. Михаил Сергеевич, как Вы относитесь к жестким мерам в полемике? Насколько жесткими они могут быть?

М.С.Горбачёв. Я думаю, мы не должны надеяться, что нас спасет очередной авторитарный режим. Это иллюзия. Но не избежать нам в отдельных случаях и каких-то авторитарных методов. Но самое главное — не перейти черту и не допустить создания нового авторитаризма.

Я думаю, что у Президента Путина — я могу за это достоверно ручаться — позиции именно такие. Больше всего ему противно то, что его пытаются обвинить в намерении создать авторитарный режим типа ста-

линистского. Нет. Но в то же время в ряде случаев будут, я уверен, приниматься и авторитарные методы.

Вопрос. Какие основные цели и задачи вашей партии?

М.С.Горбачёв. Мы — те, кто предлагает движение общества, которое бы исключало и возврат к прошлому, и разгул, беспредел радикального либерализма.

Вопрос. Как Вы относитесь к бесконтрольной безграничной политической гегемонии США сегодня в мире, к ситуации вокруг Ирака?

М.С.Горбачёв. Все-таки нельзя говорить, что США могут сегодня бесконтрольно действовать, и они это уже чувствуют. И, вообще говоря, станцию однополюсного мира мы уже проехали. Никто не может справиться с управлением мира — даже группа влиятельных стран, даже «восьмерка» ...

Это те проблемы, которыми я сейчас очень много занимаюсь. Я считаю, что современная мировая политика отстает. Она не вооружает ни политиков, ни гражданские институты знанием сегодняшних процессов, развитием этих процессов и в будущем. И сейчас откликнулись уже более 40 человек на мое предложение создать форум мировой политики. Согласились и президент Бразилии Кардозу, и Клинтон. Согласились Соареш, Ярузельский, Андреотти, Примаков, Назарбаев... Мы учредим этот форум в будущем феврале.

Мы считаем, что проблема в том, что политики, которые жили, формировались и действовали в XX веке, сегодня оказались не готовыми к тому, чтобы предложить политику, адекватную вызовам сегодняшнего времени.

Вопрос. Какие качества, по Вашему мнению, необходимы, чтобы сделать карьеру в будущем в политике?

М.С.Горбачёв. Много качеств. Нужно, во-первых, родиться все-таки с задатками заводицы, если вы на лидерство претендуете. А если вы стремитесь работать в органах управления, то нужны уже другие качества. Там нужно быть хорошим профессионалом, корпеть, и тогда будет возможность добиться успеха.

Что касается политики, то здесь многое зависит от природы, от образования.

Вопрос. Когда Вы снимались в рекламном ролике, не возникло ли чувства, что Вы унизили не только себя, но и всю Россию?

М.С.Горбачёв. Я должен сказать, что Россия так прореагировала, что ролик через два дня убрали. А почему? Многие ведь говорили: молодец Горбачёв, они его загоняют в угол, а он все равно уходит...

А знаете, почему я пошел в эту рекламу? Потому что был дефолт. А у нас построены стены, крыша, здание Фонда строилось. Все полетело. Обесценились все деньги, которые были. Больше того, появились долги. Надо было найти кредиторов. И я взялся за эту рекламу.. Если бы я назвал вам цифру, вы сказали бы: правильно сделал. (Аплодисменты.)

Не думаю, что я кого-то унизил. Я там ни одного слова не сказал. Внучка — главное действующее лицо. Сейчас она уже выросла. И спрашивает: а когда еще такое будет? Это человек уже современный.

Вопрос. Ваше мнение по поводу нынешнего и потенциального места России в мире.

М.С.Горбачёв. Я думаю, многим за рубежом нравится, что такой гигант, как Россия, сегодня в таком полупридушенном положении. Я чувствую и вижу, как и в ЕС, и в Европе, и в Америке хотят, чтобы подольше мы застряли в Чечне, чтобы нас можно было пинать. Это не удастся. Потому что такова наша закваска. Вспомните, из каких перипетий мы выходили. Выберемся и на сей раз.

Я думаю, что с приходом Путина начался процесс консолидации, стабилизации. Вообще, нам надо преодолеть раскол. Ненависть в обществе страшная, зависть страшная. Надо улучшить жизнь, тогда не будет зависти. Мы в документах Социал-демократической партии записываем: нам нужно социальное партнерство.

Можно понять, почему люди сегодня поддерживают президента. Скорее всего потому, что есть надежда. Это главный его ресурс. Предложи он сейчас любое мнение, мне кажется, люди поддержат его. Раз он говорит, значит, так.

А какова роль России? Все равно она будет великой страной.

Вопрос. Каковы были цели введения сухого закона? Не считаете ли Вы нужным введение его сейчас?

М.С.Горбачёв. Точно. Я считаю. Кстати, мы сухой закон не вводили. Царь ввел сухой закон, когда в России потребляли 2,8 литра спирта в расчете на год, включая и детей. Мы вводили наши меры, которые означали новую культуру потребления качественных напитков — безалкогольных или малоалкогольных и т.д. И это тогда, когда мы потребляли 10,5 литра спирта. По ведру даже на грудного ребенка! А сейчас — 14,5

литра. Мне говорят, что официальные, но закрытые данные — 17 литров. То есть это вообще трагедия.

У многих такое мнение: пришел Горбачёв и с бухты-барахты решил заняться антиалкогольной проблемой. Нет. К этому долго шли, и все были уверены, что такие меры нужны. Я и сейчас считаю, что они были нужны. Но какие последствия вызвала антиалкогольная программа? Разве в ней было предписано вырубать виноградники, демонтировать пивзаводы? Ведь оборудование, которое было закуплено, пустили на металлолом. Людей поставили в очереди...

Вместе с тем в результате той кампании мы миллионы жизней сохранили, была самая большая продолжительность жизни за всю историю страны (не только за годы Советской власти, а вообще за все годы), возросла рождаемость. Жены были довольны. Мужчины увидели своих детей, они уже выросли. Это вообще был огромный срез. Объем перемен, который мы наметили, был огромен. Но тут Егор Кузьмич (Лигачев. — Ред.), он мне много попортил, с Михаилом Соломенцевым поработали. С народом так нельзя.

Вопрос. Если не секрет, что Вы подарили на юбилей президенту?

М.С.Горбачёв. Написал поздравительное письмо. По-моему, весьма содержательное. И картину...

Вопрос. Когда будет революция?

М.С.Горбачёв. По-моему, ушла. Но то, что будет проходить, революционно по глубине преобразований, по характеру. Но не по форме революции.

Вопрос. Если бы Вы вернулись на 15 лет назад, что бы Вы изменили?

М.С.Горбачёв. Стратегия и выбор остались бы те же. Мы опоздали с реформированием Советского Союза. Мы опоздали с реформированием партии, которая из инициатора превратилась в главный тормоз перестройки. Мы могли бы решить проблемы организации труда. Почему у нас вся страна оказалась в очередях? Потому что зарплаты увеличились, а производство товаров отставало.

Вопрос. Вы очень популярны в Америке. Как Вы относитесь к этой стране?

М.С.Горбачёв. Я отношусь к Америке с большим вниманием, с большим интересом. Мне нравятся американцы. А политика американская, я считаю, нуждается в такой же перестройке, как и наша. Они думают, что нам надо перестраиваться. Но им тоже надо перестраиваться.

Тем не менее Америка — великая страна, там очень много людей, которые придерживаются разных позиций. И мне думается, что нам надо все делать для того, чтобы поддерживать равноправное сотрудничество. Я за такой подход.

Вопрос. Вы сейчас живете за границей, в Сан-Франциско, если не ошибаюсь. Почему Вы решили покинуть Родину?

М.С.Горбачёв. Ну что за чушь собачья! Я только перепись прошел. Никто никогда в нашей семье не жил и не живет за границей. Теперь остались я, Ирина, ее дочери учатся (старшая в МГИМО, младшая заканчивает 11-й класс). Ирина работает президентом в Фонде. Нам приходится ездить. Ведь Фонд не финансируется. Поэтому мы должны и со спонсорами иметь дело. Проводим огромную работу. Но ведем так дела, что к нам есть интерес. Участвуя в реализации этих проектов, мы решаем вопросы финансирования.

Для того чтобы только содержать Фонд (а ведь еще и мероприятия надо проводить и прочее), мне нужно 750 тыс. долл. в год. Поэтому у меня такой сон короткий.

Вопрос. Ваше отношение к Борису Николаевичу Ельцину и к Путину.

М.С.Горбачёв. Совершенно разное. Это отношение на уровне политического анализа. Я думаю, Ельцин мог бы много хорошего сделать. Но с ним невозможно было договориться. Вы все считаете, что он сильный. А он такой, что им манипулировали многие. Было так, что мы часов пять говорим, договариваемся. Все. Он уходит. Бурбулис и его окружение начинают обрабатывать его, и он все договоренности дезавуирует...

Непредсказуемый человек. И это вообще-то опасно.

Вопрос. Как, на Ваш взгляд, следует ли развивать сырьевые монополии?

М.С.Горбачёв. Ко всем монополиям один подход нельзя применить. Мне думается, роль государства в руководстве этими монополиями, в регулировании их деятельности не должна быть ослаблена. Однако следует поднять конкурентоспособность между составными частями монополий. Я думаю, что спешить с этим сейчас не следует.

Вопрос. Как Вы рассматриваете опыт КНР в экономике? Без демократии, но с экономическим ростом.

М.С.Горбачёв. Вы знаете, почему книжки мои 10 лет не выпускались, теперь вышли там? Потому что для них во весь рост встал вопрос о демократии и о политической реформе. Не может развиваться организм однобо-

ко. Одно дело — у них крестьянская страна, и они дали возможность через крестьянство быстро решить эту проблему. Это имело огромное значение. Мелкий бизнес — это имело значение. Но к крупному бизнесу когда они подошли, как решали эти проблемы? У них ведь 170 млн. безработных. Если модернизировать с применением новейших технологий тяжелую промышленность, которая у них есть (многое там нами построено), то может добавиться еще 100 млн. По китайским масштабам это не так уж страшно, но тем не менее много.

Поэтому в Китае надо реформы проводить по-китайски, в России — по-русски. У немцев — по-немецки. В Америке — по-американски.

Вопрос. Михаил Сергеевич, на каком ряду Вы сидели на лекциях?

М.С.Горбачёв. Подальше.

Вопрос. Били по тоталитаризму, а попали по России. Или это одно и то же?

М.С.Горбачёв. Хороший вопрос. Обычно говорят, что каждый народ имеет ту власть и тот строй, которые он заслуживает. Ведь что сделал Сталин с нами, предал забвению последние работы Ленина, все то, что было связано с нэпом, с частной торговлей, с мелкой кустарной промышленностью, с трестами и с тем, что охватывает новую экономическую политику. Посмотрите, какой взрыв был. За какие-то пять-шесть лет мы достигли уровня 13-го года. Сталин, споткнувшись на своих хлебозаготовках в 27-м году, похоронил нэп, навязал коллективизацию. На последнем, XIX съезде Сталин сказал крестьянам: «Мы мужику дали землю на вечное пользование. Мужик — наш вечный должник». И вся вам политика.

Я паспорта не имел, по бумажке выехал учиться. На каждое дерево налог, вырубил все сады. Держишь ли ты хозяйство или нет, — 20 кг мяса должен государству сдать, 120 л молока сдать. Расплата по трудодням. Вроде бы правильно, что оплата по результатам. Но надо же крестьянину дать возможность иметь в распоряжении свои ресурсы. Вот такая аграрная политика была — простая и ясная.

Вопросы. Мы с Вами. Как Ваше здоровье? Какие планы? Как Вы относитесь к состоянию российской культуры?

М.С.Горбачёв. Переживаю. Я человек, который не приходит в дрожь перед новациями, которые разделяет вся молодежь мира. Я же езжу по всему миру и вижу все это. Ваше поколение так много должно переосмыслить, перемолоть, передумать, что ему некогда, и надо обра-

сывать с себя эти перегрузки. Наверное, многое от этого идет. Хотя там есть много того, что антикультурой называется.

Все, что мы думаем сделать и достичь, без сохранения культуры и наращивания культурного потенциала нам будет не под силу.

Вопрос. Как Вы относитесь к экономической политике настоящего президента?

М.С.Горбачёв. Я думаю, он ее формулирует. Что касается политики государства, федерации, распределения полномочий, судебной реформы, — это все процессы, которые он разворачивает, очень нужны. Без этого думать о стабильной, благоустроенной, новой России невозможно.

Что касается экономической политики, то нужно сделать выбор стратегический: куда же мы идем, на что мы опираемся? На сырьевые отрасли или мы используем наши интеллектуальный и научный потенциалы?

Стенограмма встречи публикуется в сокращении.

К.А. Титов

**МЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ
СВОЮ СИЛУ И МЕСТО
В ПОЛИТИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ РОССИИ**

Беседа главного редактора газеты «Новая жизнь»

**Б.Ф.Славина с Председателем СДПР, губернатором Самар-
ской области К.А. Титовым //**

Новая жизнь. — М., 2002. — N 8. — С. 4—5.

Б.Ф. Славин. Константин Алексеевич, в газету приходят письма читателей с просьбой подробнее рассказать о Председателе СДПР, его взглядах и практической деятельности. На протяжении последних десяти лет Вы участвовали в различных организациях и движениях, сегодня возглавляете Социал-демократическую партию. Как вы объясняете эволюцию своих политических взглядов и предпочтений?

К.А. Титов. Начнем с того, что я более двадцати лет был членом Коммунистической партии Советского Союза. Если учесть, что уже в середине 80-х годов назрело реформирование КПСС и начали говорить о бесклассовом характере партии, отказе от идеи диктатуры пролетариата и других чертах, присущих современной социал-демократии, то я уже тогда считал себя социал-демократом. Исходя из этого, когда началась полномасштабная Августовская революция, я ее спокойно воспринял. Конечно, я тогда не думал, что эта революция может осуществить идеи социал-демократии, своеобразный «третий путь» в развитии страны, но считал, что она будет нормальной общедемократической революцией. Я

исходил из этого, когда Борис Николаевич назначил меня руководителем администрации Самарской области. Если вспомнить мои первые публикации, например статью «В реформах есть место каждому», то они очень близки идеям современной социал-демократии.

Поскольку у власти стояли либералы, я стихийно работал с ними. Стихийно потому, что я был тогда активным членом «Российского движения демократических реформ», которое возглавляли Виктор Афанасьев, Гавриил Попов и другие деятели социал-демократической ориентации.

Потом наступило разобочение. Все решили пойти в ДВР. Я подумал, что ничего здесь плохого нет. Если мы внимательно посмотрим на программу ДВР, как и современного СПС, то в принципе у них многое совпадало с идеей «третьего пути», провозглашенного европейской социал-демократией в Манифесте Блэра — Шрёдера. Вся беда в том, что они не выполняли свои же программные обязательства по социальной составляющей. Поэтому когда Черномырдин мне предложил (я считал, что человек, который долгое время проработал в аппарате Центрального Комитета КПСС, будет непосредственно решать социальные задачи), то я, конечно, принял решение войти в «Наш дом — Россия». Однако когда мы с Шохиным (его в правительство Гайдара рекомендовали социал-демократы) убедились, что опять слова расходятся с делами, опять социальные программы не реализуются, мы спокойно из этого движения вышли. Как вы знаете, я пытался также организовать движение «Голос России».

Б.Ф.Славин. Я помню, Вы тогда приезжали к Святославу Федорову с предложением о сотрудничестве.

К.А.Титов. Да, мы с Федоровым хотели объединиться. Вы присутствовали при переговорах. К сожалению, объединения не получилось. Не наша вина. Люди работали энергично, но без денег создать движение трудно, а денег не дали.

В этой ситуации я пошел на союз с СПС, хотя и продолжал пропагандировать идеологию «третьего пути» на выборах. Думаю, что внес немалый вклад в их успех на выборах.

Б.Ф.Славин. Может быть, Вы стали просто жертвой СПС-овской вывески?

К.А.Титов. Не знаю. Когда встал вопрос о выборах в президенты, многие демократические силы и партии поддержали меня как кандидата, а СПС отказался поддерживать, мотивируя тем, что я как бы не член их

движения. Отказались: теперь пусть думают о следующем своем кандидате. Я желаю им успеха.

Тем не менее, сознавая, что разобщенность в политике ничего хорошего не дает, я начал контакты с самой крупной и авторитетной социал-демократической партией, возглавляемой М.С.Горбачёвым. Меня многие от этого отговаривали, но я считаю, что такой союз необходим. У нас часто недооценивают то, что сделал в истории Михаил Сергеевич Горбачёв. Ведь он в принципе дал нам свободу. Не было бы гласности, не было бы свободы.

Б.Ф.Славин На Западе это уже давно признали и левые, и правые, и социалисты, и либералы.

К.С.Титов. Подумайте только: человек имел абсолютную власть, абсолютно все, и он поступился этим ради того, чтобы в России начались демократические процессы и демократические преобразования. Я его роль в истории оцениваю очень высоко. Считаю, мы правильно поступили, объединив усилия Горбачёва, Титова, Гавриила Попова и всех остальных товарищей, которые сегодня с нами.

Б.Ф.Славин Константин Алексеевич, Вы ездили в Санкт-Петербург в Дом Плеханова. Это было случайностью или нет?

К.А.Титов. Я ездил не случайно. Я должен откровенно сказать, что в знании теории социал-демократического движения у меня есть пробелы. Я хотел познакомиться с элитой, которая изучает труды Плеханова и чтит его имя. Я хотел побыть в этой атмосфере, почувствовать ее. Хотел также посмотреть фильм о похоронах Плеханова, потому что только там его возможно посмотреть. Я знаю от Гавриила Харитоновича Попова и Михаила Сергеевича Горбачёва, что создается Фонд Плеханова. Я лично считаю, что идейной базой этого Фонда могли бы стать библиотека и архивы, сосредоточенные в Санкт-Петербургском Доме Плеханова.

Люди, работающие там, мне понравились. Они очень много знают о жизни и творчестве Плеханова. Я думаю, они будут востребованы социал-демократическим движением.

Я еще раз поеду в Санкт-Петербург и обязательно буду разговаривать с губернатором Санкт-Петербурга А. Яковлевым о том, что было бы неплохо начать сотрудничество Дома Плеханова и Фонда Плеханова.

Б.Ф.Славин. Ваша позиция мне импонирует, потому что левая общественная мысль у нас после крушения КПСС оказалась в загоне. Имя Плеханова, по сути дела, основателя российской социал-демократии,

почти не встречается в центральной печати, хотя его труды оказали и продолжают оказывать свое влияние на многих людей.

Однако вернемся из истории в современность. Насколько я знаю, вы профессиональный экономист. Как же губернатор Титов реализует на практике свои экономические и социал-демократические взгляды?

К.А.Титов. Этот вопрос задают часто. И мне есть что сказать по этому поводу. В нашей области проживают 3,3 миллиона человек. Она богата природой и талантами. Вот, посмотрите, на стенах висят картины наших самарских художников. Видите — замечательные картины.

Б.Ф.Славин. На самом деле, картины хорошие. Однако о Самарской области говорят много и разное. Одни утверждают, что это образец неолиберального подхода к экономике. Другие, напротив, — что это полигон социал-демократии. Что же на самом деле реализовано в Вашей области?

К.А.Титов. Я хотел бы заметить, что чисто неолиберального подхода к экономике нигде в мире нет. Нам еще нужно сегодня очень внимательно посмотреть на опыт других стран, как они шли к экономическому подъему, к социальному развитию. Посмотрите, сегодня и страны СНГ, и Китай внимательно изучают недостатки и прорехи наших радикальных реформ, а мы — почему-то такие гордые, китайские реформы не изучаем, совсем не знаем казахстанского опыта, а ведь там есть чему поучиться.

Как губернатор области могу сказать, что мне приходится все время проходить между идеями Кейнса и Хайека, как между Сциллой и Харибдой. Я очень четко понимаю, что если предприятие нормально работает, я не должен туда вмешиваться. Тем более говорить, что и куда ему надо продавать, по каким ценам и т.д. Я должен создавать условия для работы этого предприятия и других, чтобы они не упали. Если предприятие не работает, я должен стимулировать рынок для того, чтобы это предприятие заработало. В соответствии с этими правилами я и действую. Я в то же время прекрасно понимаю, что квартиры в кредит — это замечательная позиция для развития строительного комплекса, стройиндустрии, металлопроизводства и машиностроения. Я также уверен, что строительство дорог — это не только освобождение России от вечной ее беды, но и стимул для развития всей области.

Б.Ф.Славин. Говорят, что Вы выполнили на 100% областную дорожную программу?

К.А.Титов. С 1992 по 2002 г. мы должны были построить 2100 км асфальтированных дорог, а сделали больше: закончили программу к кон-

цу 2000 г. Причем сделали асфальтированные дороги европейского класса, а не так, как некоторые — построят грунтовые дороги и кричат, что сделали настоящие дороги. В итоге у нас все населенные пункты соединены дорогами с твердым асфальтированным покрытием. Это одна позиция.

Вторая позиция — я понимаю, что подъем сельского хозяйства невозможен без серьезных эффективных вложений в него труда и капитала и без поддержки государства. Но поддержка государства должна быть грамотной. Не дотации на продовольствие, а платить надо людям, возбуждая потребительский спрос. Вы знаете, что очень долгое время у нас ставки работников бюджетной сферы были значительно ниже, чем в среднем по стране. Это самая низкооплачиваемая категория людей — работники образования, здравоохранения, социальной сферы, культуры.

Б.Ф.Славин. Весь средний класс.

К.А.Титов. Средний класс мы просто обескровили. Поэтому в области мы начали с увеличения ставок этой категории людей. Были увеличены доплаты пенсионерам. Если помните, то я первым ввел коэффициент 0,7. Я выплачивал его из бюджета области. Я мог бы пустить эти деньги на дотации продуктов питания, но тогда бы этим пользовались и те, кто большую зарплату получает, и те, кто маленькую. Тогда и у предприятий сельскохозяйственного профиля пропадает стимул к наращиванию производства. После кризиса 98-го года мы начали осуществлять полномасштабную программу в сельском хозяйстве. И сегодня она дает результаты. В 2002 г. не было ни капли дождя. Тем не менее урожай зерновых, овощей, надов получили больше, чем в прошлом году.

Б.Ф.Славин. За счет чего же?

К.А.Титов. За счет влагосберегающей технологии, дающей гарантированные урожаи. Но этой технологии надо было людей научить, надо было все опробовать. Это все было сделано.

И не только это. Если бы я занимался только производством, то школы бы разваливались, больницы закрывались, социальные учреждения не работали. Выбрали бы меня тогда люди в 96-м году? Никогда! Основная моя позиция была — не дотации, а четкая адресная политика. Если плохо учителям, есть Указ Президента № 1 (Указ Президента Бориса Ельцина), давайте будем его выполнять по этапам.

Б.Ф.Славин. Все говорят, что по стране он так и не был выполнен.

К.А.Титов. Мы сначала довели зарплату учителям до средней по области, затем до средней по отраслям. Конечно, до средней по промышленности нам тягаться трудно. В Америке — там понятно, а у нас трудно.

Б.Ф.Славин. Правильно ли я Вас понимаю: Вы стимулируете платежеспособный спрос населения?

К.А.Титов. 100%.

Б.Ф.Славин. Вы выступаете против прогрессивного налога, насколько я знаю?

К.А.Титов. Напротив, я выступаю за прогрессивный налог.

Б.Ф.Славин Каким же он должен быть?

К.А.Титов. Во-первых, для определенной категории людей должна быть нулевая ставка.

Б.Ф.Славин. Что это такое?

К.А.Титов. Определенная категория людей в соответствии со своей зарплатой не должна платить подоходный налог вообще.

Б.Ф.Славин Какая эта категория людей?

К.А.Титов. Те, у кого зарплата сегодня не обеспечивает прожиточный минимум. А если вы хотите с него подоходный налог получать, то тогда или снижайте прожиточный минимум или повышайте зарплату. Наша государственная политика должна быть направлена на это.

Следующий момент. Если люди перешагнули в средний класс, тогда они платят 10—12%. Это во всем мире так. Доходы семьи, допустим, превышают прожиточный минимум в два-три-четыре раза. Вот они платят 12%. И есть категория людей богатых — они платят 20—25%. Когда начиналась налоговая реформа, я разговаривал с олигархами, банкирами, крупными предпринимателями. Я говорю им: скажите, сколько вы готовы платить подоходный налог? Отвечают: 20% будем платить.

Что мы теперь получили? Мы получили с вами одинаковый маленький подоходный налог для всех. Это благо для богатых. Для бедных мы получили только повышение налога.

Б.Ф.Славин Правильно ли я Вас понимаю, Вы предлагаете прогрессивный налог с учетом величины доходов у разных категорий людей?

К.А.Титов. Да, наряду с этим надо искать выход по линии снижения социального налога на зарплату. Как только мы начинаем налогом облагать зарплату, она уходит в тень.

Б.Ф.Славин. А как Вы относитесь к идее снятия налога вообще, на пять-десять лет, для тех, кто начинает новое дело?

К.А.Титов. Я занимался проблемой малого предпринимательства, малого бизнеса и считаю, что там налоговые льготы должны быть. Я считаю, что должно быть минимизировано влияние чиновников на малый и средний бизнес. Мы очень долго шли с вами к тому, чтобы приучить людей платить налоги. Совсем их отменять нельзя. Нужно сделать их разумными для малого предпринимательства и бизнеса. Если человек сегодня имеет, допустим, торговую точку, пусть заплатит налог с площади торгового зала.

В то же время надо малый бизнес включать в систему государственного заказа. В Америке ни один крупный предприниматель не выиграет тендер на производство боевой машины или ракетносителя или еще чего-нибудь, если у него в смежниках не будет 20% малого бизнеса.

Б.Ф.Славин. Мы немного отвлеклись от социальной темы: малый бизнес — это все-таки производство.

К.А.Титов. Если говорить о социальной сфере, то у нас была большая проблема: детская беспризорность и безнадзорность, приюты и детские дома для детей. Когда я объехал детские дома в Самаре (это было десять лет назад, в 1992 г.), я увидел, что на содержание одного ребенка тратится примерно 5 тыс. рублей. Но условия их жизни страшные.

Б.Ф.Славин. Пять тысяч в месяц?

К.А.Титов. Да. Я принял волевое решение. Доплачивать тем родителям или взрослым людям, которые взяли ребенка на воспитание.

Б.Ф.Славин. Какой результат?

К.А.Титов. Замечательный. Большое количество детских домов закрыли. Дети — в семьях, и для учителей решены тысячи проблем воспитания.

Б.Ф.Славин. Мы раньше исходили из догмы, что общественное воспитание лучше, чем семейное, но практика показала, что это далеко не так.

К.А.Титов. Вы правы.

Б.Ф.Славин. Я слышал, что Вы строите хосписы, занимаетесь престарелыми и больными людьми.

К.А.Титов. Я хосписы не строю. Хосписы — это частное дело, это строит частный бизнес. Я это приветствую. А для престарелых строим дома и реабилитационные центры. Мы считаем, что в каждом районном центре, в каждом муниципалитете или в районном большом муниципалитете такие центры должны быть. Они — дневного и стационарного пре-

бывания. Люди приходят туда, общаются, занимаются интересными для себя делами: кто какие-то поделки делает, кто-то рисует, кто-то поет в самодеятельности. Вместе отмечают праздники. Здесь же медосмотр, здесь же тренажерный зал и т.д. Я считаю, что это мировая практика. Это не Титов придумал, просто я внимательно изучал, как это делается в других странах для граждан, которые вышли на пенсию.

Б.Ф.Славин. Константин Алексеевич, насколько я понимаю, хорошее дело в отдельно взятом регионе, даже в таком, как Самарская область, не решит проблем всей России. Думаю, Вас волнуют проблемы всей страны, если Вы взялись за создание Социал-демократической партии.

К.А.Титов. Если в начале 90-х годов Самара по уровню социального обеспечения, социально-экономического развития была в четвертом и пятом десятке по всем показателям, то сегодня Самара занимает третье место после Москвы и Санкт-Петербурга. Я думаю, что после запуска некоторых производств и решения некоторых проблем я выйду на второе место после Москвы. Поэтому, конечно, хочется поделиться опытом, хочется реализовать его в России. Один из инструментариев этого — это приход к власти с помощью партии. Если есть партия, то есть и люди, разделяющие мои взгляды.

Б.Ф.Славин. Некоторые считают, что левоцентристская социал-демократическая идеология вообще не приживется в России — стране крайностей, стране белых и красных.

К.А.Титов. Это говорят наши с вами враги. Это говорят те, у которых программы по сути своей социал-демократические, но они боятся это сказать. Про СПС мы уже с Вами говорили. И о коммунистах можно то же сказать. Я готов с Зюгановым садиться за стол и спокойно говорить: Геннадий Андреевич, Вы говорите, что вы — Коммунистическая партия Российской Федерации, тогда где у вас позиция диктатуры пролетариата, куда вы запрятали Манифест Коммунистической партии?

Почему вы говорите о плюрализме собственности? Тогда откровенно скажите, что вы на меньшевистской или социал-демократической платформе. Давайте так: если вы — коммунисты, то меняйте свою программу; если вы — не коммунисты, называйтесь социал-демократами. Но тогда не надо фраз об «антинародном режиме», о «свержении строя» и т.п. Это разрушительная позиция, это крайность.

Б.Ф.Славин. Даже Путин называет Россию социал-демократической страной.

К.А.Титов. На днях я присутствовал на заседании Президиума Госсовета, посвященном проблеме наркотиков в России. Мне понравилась позиция Президента. Он четко понимает, что можно сделать сейчас и что нельзя. Я сказал, что, может быть, буду в диссонансе с выступающими, но считаю, что мы сегодня должны создать отдельную независимую структуру власти, подчиненную, может быть, только премьеру или Президенту, структуру по борьбе с наркотиками.

Б.Ф.Славин. Млечин на ТВЦ Вашу точку зрения разделяет.

К.А.Титов. Путин говорит: Константин Алексеевич, вы понимаете, что я обеими руками «за». Но нет соответствующей инфраструктуры. Надо сначала выделить подобную структуру в МВД, а потом на следующем этапе сделать ее самостоятельной. И я согласился с его взвешенной позицией.

Б.Ф.Славин. Константин Алексеевич, не противоречит ли обилие наркоманов в Самарской области той социальной политике, о которой Вы рассказали?

К.А.Титов. Нисколько. Ведь нам очень часто говорили, что наркотики — это удел социально незащищенных, беднейших и т.д. слоев населения. А беднейшими, социально незащищенными люди становятся, начиная приобретать и употреблять наркотики. Ведь посмотрите, какой высокий уровень наркомании в Соединенных Штатах, в Голландии — в странах не бедных. Сегодня, если проследить географию России, мы увидим, что в регионах с высоким уровнем зарплаты, с высоким прожиточным минимумом и с высокой доходностью потребление наркотиков выше. Это первый момент.

Второй момент. Товар устремляется туда, где за него могут хорошо заплатить. Самара оказалась на пути наркоторговцев из Азии в Европу. Из Азии идут конопля, героин из маковой соломки и все остальное, а из Европы через Самару идут психотропные вещества, сильные химические наркотики. То есть мы оказались на перекрестке этих страшных потоков.

Б.Ф.Славин Вернемся к партийным проблемам. Вы — Председатель Социал-демократической партии, есть также лидер партии. Как вы между собой разделяете работу?

К.А.Титов. Мы работаем в тандеме и активно дополняем друг друга. Я больше организационник, в меньшей степени — идеолог. Михаил Сергеевич — он больше несет идеологическую нагрузку. С другой стороны (я это понимаю, и у меня никакой тут ревности нет), выход на миро-

вую арену, выход в Социнтерн невозможен без Горбачёва. Здесь свою роль Михаил Сергеевич должен сыграть, и его роль здесь ведущая.

Если нам удастся стать наблюдателем в Социнтерне, то это будет большой для нас прогресс. Если нас примут в ассоциированные члены, то это будет лучше вдвойне.

Б.Ф.Славин. Нашим читателям было бы интересно узнать, когда СДПР закончит свое официальное оформление?

К.А.Титов. Я думаю, что оформление мы закончим в октябре.

Б.Ф.Славин. Будет съезд?

К.А.Титов. Да, обязательно: и заседание Правления, и съезд¹. Следующий этап — активное включение в выборную кампанию 2003 г. Мы уже активно участвуем в выборах местных органов власти.

Мы намерены участвовать в поддержке кандидата в мэры Майкопа (Адыгея). Мы сейчас обсуждаем кандидатуры и будем поддерживать социал-демократа на выборах в Великом Новгороде. Начали целенаправленную подготовку к выборам в Думу по одномандатным округам и по партийному списку. Наша задача — взять 5–7%.

Б.Ф.Славин. Константин Алексеевич, а сколько у СДПР зарегистрированных организаций в регионах?

К.А.Титов. Более шестидесяти.

Б.Ф.Славин. А численность партии могли бы Вы назвать?

К.А.Титов. 31 тысяча человек. Это точно.

Б.Ф.Славин. То есть партия становится одной из крупных партий в России. В то же время даже 30-тысячной партии охватить 150-миллионную Россию будет трудно. Очевидно, вы будете блокироваться? В этой связи есть какие-то наметки?

К.А.Титов. Мы об этом думаем, мы это обсуждаем на Политсовете. Я думаю, что в соответствии с решением Политсовета мы будем вести соответствующие консультации. Мы должны внимательно изучать обстановку. Конечно, особенно не стоит раскрывать свои объятия или бросаться в объятия других. Мы должны понимать свою силу и место в политическом спектре России. Пока я лично имел контакт с Партией самоуправления трудящихся. Мы пойдем на контакты с партиями, близкими по идеологии, болеющими за интересы трудящихся.

¹ Полная регистрация партии завершена в октябре 2002 г. Съезд СДПР состоится в октябре 2003 г. — Прим. ред.

Б.Ф. Славин. Как складываются взаимоотношения между вашей партией и властью? Являетесь ли вы оппозиционной партией или нет? Одним словом, как вы позиционируете себя по отношению к власти, к Кремлю, к Белому дому и т.д.?

К.А. Титов. То, что сегодня делают Кремль и Президент, — это складывается в мои понятия укрепления государственности и укрепления экономической мощи страны, которую я люблю.

С точки зрения экономического блока, мне, конечно бы, хотелось побольше федерализма, побольше свободы в бюджетном федерализме. Но, с другой стороны, я прекрасно понимаю, что у нас есть долги, которые России необходимо выплачивать в 2003—2004 гг. Здесь необходима концентрация ресурсов.

Б.Ф. Славин. Вы принимаете те реформы, которые предлагает правительство, в частности, реформу ЖКХ, образовательную реформу и т.д.?

К.А. Титов. Нет, я не могу сказать, что мы все безоговорочно принимаем. Я обсуждаю эти вещи и в правительстве, и на встрече с Владимиром Владимировичем Путиным. Например, система образования. Я глубоко убежден, что сегодня мы должны перейти к системе образования в форме образовательных округов.

Б.Ф. Славин. Поясните, что это такое.

К.А. Титов. Образовательный округ — это несколько муниципальных объединений. Это позиция выравнивания образования на территории субъекта и равный доступ всех к образованию. Мы же с вами понимаем, что технология образования, оснащение образовательного процесса, качество преподавания в Москве значительно выше, чем в Самаре. Мы прекрасно понимаем, что в Самаре качество образования, техническое оснащение и преподавание выше, чем в сельской местности, в глубинке. Следовательно, надо выравнить эти позиции, если мы хотим получить здоровую нацию и экономический рост. Выравнить в каждом районе невозможно, поэтому нужно укрупнение позиций и т.д.

Б.Ф. Славин. Доступность и всеобщность образования остаются?

К.А. Титов. Конечно, это Конституция. Это даже не обсуждается. Разговор идет, чтобы в этих позициях получить более высокое качество образования. Приглашаю Вас, приезжайте в Самару. Вы посмотрите, что такое малокомплектная сельская школа. Вы посмотрите, что такое культурно-образовательный центр в сельской местности. Например, в Клявино мы сдавали в этом году образовательный центр. Это нормально ос-

нащенные кабинеты химии, биологии, литературы, математики, физики. Это мастерские, в которые могут прийти родители поработать с учениками. Если отец решил вместе с сыном что-то сделать для дома, он может прийти в мастерскую и поработать.

Б.Ф.Славин. Это весьма демократично.

К.А.Титов. Здесь же прекрасный спортивный зал, школьный басейн: 9 метров — ширина, 25 метров — длина. В школе 63 компьютера, все с выходом в Интернет. Рядом спортивная площадка, футбольное поле — все как положено. Можно проводить детские соревнования, межрайонные и т.д. Это все связано дорогами. Школьный автобус. Это целая система. Приезжайте, посмотрите.

Б.Ф.Славин. По образованию я педагог, приеду обязательно. А какково Ваше отношение к реформе ЖКХ?

К.А.Титов. Здесь торопиться не надо. Сейчас все переложили на плечи людей. Надо сначала сделать муниципальное хозяйство эффективным бизнесом. Тепловое обеспечение, горячая и холодная вода, канализация, электросвет, газификация и т.д. — все надо сделать сначала эффективным.

Надо дать возможность людям контролировать ЖКХ — этого монополиста. То есть должны быть индивидуальные счетчики. По расходу воды — холодной и горячей. По расходу тепла, по расходу газа.

Б.Ф.Славин. А как следует платить за жилье?

К.А.Титов. В зависимости от величины и качества жилья. Есть соответствующие коэффициенты. Если у вас хорошее, большое жилье и есть соответствующий достаток, вы должны платить полностью.

Б.Ф.Славин. Предлагают кавалерийский способ решения коммунальной реформы. Как Вы к этому относитесь?

К.А.Титов. Я его полностью отрицаю. У меня жилищно-коммунальная реформа рассчитана до 2020 г.

Б.Ф.Славин. Любая партия должна себя презентовать в обществе, чтобы о ней слышали, знали. А вот о социал-демократической партии, как показывают социологические опросы, знают не много. Даже Программа партии не издана, нет буклетов, нет рекламы.

К.А. Титов. Буклеты подготовлены, они есть. Мы их рассылаем. Мы сейчас подготовили брошюру Орлова Бориса Сергеевича — члена Политсовета, доктора наук — по истории российской социал-демократии.

Над Программой продолжаем работать. Мы все-таки хотим выйти с такой Программой, чтобы не стыдно было людям в глаза смотреть. Исходим из того, что нам нужны Программа как полномасштабный теоретический документ и Программа действий — более компактный, удобочитаемый, более конкретный документ. Мы должны также подготовить нечто вроде Манифеста Социал-демократической партии. Был Манифест Коммунистической партии. Березовский недавно выступил с либеральным Манифестом. Наверное, нужен и Манифест российской социал-демократии. Чтобы люди знали и понимали, чего мы хотим.

Б.Ф.Славин. В последнем интервью по телевидению на вопрос о том, будете ли Вы баллотироваться в президенты, Вы ответили, что нет, что Вас устраивает губернаторство.

К.А.Титов. Да, вполне.

Б.Ф.Славин. Но партия предполагает выдвижение своего кандидата в президенты.

К.А.Титов. У нас есть коллективное мнение, и я с ним считаю. Есть официальное решение съезда: мы на данном этапе поддерживаем Владимира Владимировича Путина. Я говорю это, не стесняясь, потому что по практике работы знаю, что четыре года — это только начало. Я считаю, мы просто обязаны поддержать человека, который очень много сил и энергии отдает на наше с вами процветание, на международный авторитет нашего государства. Еще недавно с нами не очень считались. А сейчас стали считаться. Думаю, что мы не должны на переправе менять президента.

А.Н. Яковлев

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ – РЕАЛЬНЫЙ ВЫХОД ДЛЯ РОССИИ

Одно из серьезнейших заблуждений нашего времени — это навязывание обществу мысли о том, что прежде всего коммунисты обеспокоены постоянным увеличением пропасти между богатыми и бедными, высокой безработицей, непомерно раздутым бюрократическим аппаратом, всеми другими острейшими социальными проблемами. Якобы давно уже испытанная в нашей стране твердая большевистская позиция — самая верная и самая оппозиционная. Это далеко не так. В стране действуют и другие политические силы. Цель у них совсем иная: не призывать народ к строительству новых баррикад, но к организации всей нашей жизни на основе Закона и здравого смысла.

По мнению Александра Николаевича Яковлева, Социал-демократическая партия России — одна из таких политических сил, способная в нашей стране найти компромисс между трудом и капиталом и от сегодняшнего безудержного капитализма перейти к практике социального партнерства.

Развивая это положение, А.Н. Яковлев ответил на ряд вопросов журналиста В.Вестера.

Вопрос. Вы, Александр Николаевич, в своей работе «О социальном либерализме» пишете, что «социал-демократия сделала заметный шаг на пути относительного смягчения человеческих отношений». Социал-демократы «прочертили основную линию в современной политике — приверженность здравому смыслу, на основе чего удалось завоевать поддержку народов Европы и привести их в послевоенное время, руково-

дствуясь принципами гражданского общества, к заметному уровню процветания. Это был трудный путь». Для сегодняшней России тот путь, который уже пройден на Западе, будет еще труднее?

Ответ. Вы понимаете, десятки лет социал-демократов предавали анафеме как слева, так и справа. Одни считали их изменниками делу пролетариата, подлежащими уничтожению, другие — подрывными силами, посягнувшими на устои общества. Но чем дальше социал-демократия отходила от догматов марксизма, тем заметнее рос ее авторитет в массах. Хотя надо сказать, что расставание с марксизмом было достаточно мучительным. Прежде всего, из-за вмешательства идей Маркса в реальную жизнь и давления стихии люмпенства, приверженного к простым и быстрым решениям. Обе эти составляющие до крайности идеологизировали общественную жизнь, накачали ее нетерпимостью и догматизмом. Мы в этом убедились на собственной истории. В первой четверти XX в. динамично прогрессирующая Россия превратилась усилиями социального дна и большевистского варварства в руины, в кладбище. Беда стряслась в России. Но не потому, что, по Марксу, революция неизбежна, а по удивительному стечению обстоятельств, многие из которых даже не имеют прямого отношения к социальной идее, а связаны с войной и разрухой. Это — одна сторона вопроса. А другая сторона — это когда жизнь впадает в некое существование без противоречий. Но каким же образом станет обеспечиваться развитие? Ведь антагонистическое и даже непротиворечивое существование — это монополия, а монополия — это застой, деградация, смерть.

Вопрос. *Что и произошло с Советским Союзом?*

Ответ. В СССР господствовали моноидеология, монособственность, моновласть. Это и погубило его. Центробежные силы стали слишком велики, их использовали те, кому это было на руку. Между тем противоречия жизни несводимы к противоречиям, созданным людьми, — например, к противоречиям экономики. Иначе исчезает сама жизнь, семья, любовь, подвиги, мифы, религии, простецы и мудрецы, пророки и еретики, драмы и комедии — то есть все возвышенное, потрясающее, изумляющее, дух времени и народов. Это составляет подлинное содержание жизни. Так вот, социал-демократы и выступают за подлинное содержание жизни. Это — тот путь, который в XXI в. должна пройти Россия, прежде чем перейдет к еще более высокой организации общества — социальному либерализму. Сегодня нет смысла отрывать от общего

потока — движения политических сил социал-демократической ориентации.

Вопрос. А что подлежит первоочередному пересмотру? Какие пороки общества прежде всего необходимо ликвидировать? Как будут действовать социал-демократы?

Ответ. В нашей стране появились люди, которые адаптировались к новой обстановке рыночного хозяйства. Не рыночного общества, а рыночного хозяйства. Вот это, по-моему, самое главное. Социал-демократы должны искать, находить и развивать деловые качества у российского человека. Задача эта очень трудная. Отягчается она тем, что человек у нас за долгие годы торжества моноидеологии и монособственности отучен от труда, инициативы, своего мнения. Это пока еще психология иждивенца, живущего с протянутой рукой, постоянно просящего о помощи. Пока еще мало людей, которые, вопреки сегодняшнему антидемократическому беспорядку, по своей инициативе взялись за дело и его сделали. То есть они состоялись. Например, фермера, у которого три тысячи гектаров земли, я считаю таковым. Этот человек действительно состоялся. У него и сыновья работают, и он, и они зарабатывают в несколько раз больше, чем раньше в колхозе. Таких людей было бы в десятки раз больше, и не испытывали бы они таких трудностей на пути к успеху, если бы не наш совершенно паразитический класс чиновников. Это действительно антидемократическая каста, которая восстанавливает народ прежде всего против самой себя. Смотрите: раньше у нас были очереди за продуктами питания, за мануфактурой, а теперь очереди за справками. Это же извращение какое-то. Очереди за бумажками... Одна бабуля приходит куда-то, а ей говорят, что она должна принести справку о том, что она еще жива... Ну что это такое? Поэтому надо отказываться от советской психологии. Надо проводить дебольшевизацию общества.

Вопрос. Большеизм в обществе разве еще существует?

Ответ. Понимаете, странное дело. Оболочка вроде демократическая. Налицо целый набор демократических признаков: выборы, свобода слова, куда хочу, туда и еду, что хочу, то и покупаю, и так далее... А советская власть осталась. Стоят памятники «самому живому из всех живых». Эти реликты с протянутой рукой или в кепке. А народ, как и прежде, по-прежнему очень далек от власти. Его и не пускают во власть. Никакой обратной связи нет. Такого отношения к человеку, по-моему, никогда не было.

Вопрос. Даже при советской власти?

Ответ. Боже меня упаси, ставить в пример прежнюю советскую обстановку, но тогда можно было пойти пожаловаться в райком партии. И чиновник этого боялся. Очень ему попадало. Сейчас ничего не боятся. Вот, скажем, в понедельник приемный день. Я иду за какой-нибудь справкой, которая мне-то не нужна, но от меня ее требуют. Спрашиваю: чем же в остальные дни должен заниматься чиновник, если он уже выдал все справки в понедельник? Опять, как раньше, какие-то совещания, куда-то вызвали и тому подобное. Вранье все это. Вранье! От начала и до конца.

Вопрос. *Может, им просто работать лень?*

Ответ. Совершенно верно. Им не хочется ничего делать. Но главное — это держать людей в узде. Сегодня господствует та же самая узда страха перед чиновником. А пожаловаться некуда.

Вопрос. *А если в суд подать?*

Ответ. Так еще хуже будет. Обязательно найдут что-нибудь, за что-нибудь зацепятся и решат дело в пользу чиновника, а не в пользу того, кто на него подал в судебную инстанцию. Я президенту рассказал недавний случай. Сгнила у нас «Нива». Дело-то вроде простое: померла машина, ее надо похоронить, отправить на свалку. Так мой помощник семь дней к инспектору ходил. Тот потребовал девять документов, в том числе и устав Фонда. Зачем же нужен устав организации для утилизации сгнившего автомобиля? Я понимаю, что этот инспектор ждал взятки, все это мне понятно. Сегодня практически нет ведомства, где не брали бы взятку. Но ведь это реставрация самых худших сторон прежней советской жизни. Я очень боюсь, что в такой обстановке смута какая-нибудь может произойти. Сейчас такое недоверие к власти, какого я не помню, чтобы такое было. Все-таки раньше люди шли в контору хоть с какой-то надеждой, что вопрос будет решен. Сейчас идут без всякой надежды. Сегодня чиновник так ненавидит народ, что просто страшно. А потом, ведь безнаказанность полная. Вот вы — обычный человек, и вы за все отвечаете. За все! Чиновник не отвечает ни за что. А почему?

Вопрос. *В самом деле, Александр Николаевич, почему у нас такой чиновничий беспредел? Социал-демократы собираются разбираться с этой классической для нашей страны болезнью?*

Ответ. Мы создали безответственную касту. У нее сегодня власть, а не у человека. Если же говорить о том, как с этим будут разбираться социал-демократы, то тут важно понять: чтобы социал-демократические преобразования не погибли в зачатке, чиновничество для начала должно

быть сокращено в два раза. Это — самый минимум. Должны быть ликвидированы все хвосты к основному учреждению. Вы смотрите: кто-то начинает возглавлять какую-нибудь группочку. Так этот «кто-то» создает еще несколько контор — то ли для родственников, то ли для приятелей, то ли по благу. В результате человека гоняют по кругу: а вы вот это принесите, а вот сходите туда, а вот еще надо принести бумагу от тех или этих. И человек собирает пуд справок, которые никому не нужны. Поэтому, конечно, сама система бюрократического государства, созданная сегодня, должна быть сломана. Иначе никакого демократического, гражданского общества при таком количестве и поведении бюрократов, чиновников нам не создать.

Вопрос. *Но многие убеждены и постоянно говорят о том, что уже существует демократическое государство...*

Ответ. Демократического государства не бывает. Есть демократическое общество. Именно его еще только предстоит создать. А чиновник против. Для него демократия, действующая не на словах, а на деле, крайне опасна. Он ведь по сути своей авторитарен. Ему нужна власть. Хорошо, я согласен: пусть у него будет власть. Но какая? Только на основе Закона. У нас же сложилось противоречие, жестокое к людям. Мы с вами находимся между Законом и чиновником. И ни в коем случае нельзя говорить, что у нас диктатура Закона. У нас диктатура чиновника. На кого работает сегодняшнее государство? На что? На выборы? Да это же ведь процедура. То, что мы имеем, — это процедуры. Выборы и прочее. А демократия — это отношения между людьми. А тут пропасть между властью и людьми. Какая же это демократия?

Вопрос. *Выходит, то, что нам говорят и пытаются внушить, — лицемерие?*

Ответ. Конечно, тут есть элемент лицемерия. Ну, да.... Сейчас нет массовых ссылок, лагерей, расстрелов. Но люди без всяких доказательств вины по тюрьмам сидят? Сидят. Политические процессы ведутся? Ведутся. Да, из нашей жизни — и то не до конца — убраны самые вопиющие, античеловеческие вещи, которые для нескольких поколений людей были страшной обыденностью. Но кто создал эту обыденность? Кто? Такие моральные уроды, как Сталин и Ленин. Дикое Средневековье, перенесенное большевиками в XX век. Чистой воды уголовщина, определяемая постулатами «диктатура пролетариата» или, скажем, «насилие — повивальная бабка истории». И якобы гармония в обществе, согласно этим постулатам, могла быть достигнута только тогда, когда

один класс уничтожит другой. Коммунисты и сейчас выступают за то же самое. Я думаю, что для социал-демократов очень важно публично заявить об отказе от всех этих варварских положений. Не менее важно, что социал-демократы должны сделать: провести полную депаразитацию общества.

Вопрос. Сначала дебольшевизация, а затем и депаразитация?

Ответ. Я бы не стал отделять одно от другого. Все дело в том, что иждивенческие настроения в обществе, апатия, позиция «моя хата с краю» и власть чиновников друг друга дополняют и поддерживают. Если вы внимательно посмотрите законы, которые принимаются, то обнаружите, что все они опять-таки завязаны на чиновника, а не на человека. И люди это на себе ощущают. Таким образом насаждается общественный пессимизм. Он выгоден тем, кто эту ситуацию использует в своих личных интересах. А социал-демократы должны бороться за свободную, активную личность.

Вопрос. Бороться, но как? Возможны ли новые социальные потрясения? Они в России всегда связаны с огромными жертвами...

Ответ. Новые социальные потрясения я исключаю. Я за то, чтобы ни в коем случае не было новых революций. Любая революция — это социальная истерика. Я за то, чтобы все делалось в рамках Закона. Кстати, мы до сих пор так и не признали, что вооруженный переворот 1917 г. — это чистой воды уголовщина. И сейчас, уже в реалиях нынешнего времени, мы видим, что многие вопросы решаются через насилие. Идет по-прежнему жестокая криминальная война. Одни акционеры, поссорившись с другими, начинают стекла бить на предприятии, ворота выламывать, людей калечить. Недавно показывали по телевизору, как избили судебного пристава, голову ему проломили. За это надо Зевса-громовержца призывать. Наказывать надо самым строгим образом. Этому владельцу предприятия, этому олигарху надо дать большой срок и все у него отобрать, раз он такое себе позволяет. Именно потому, что нарушение законов да еще в такой откровенной форме составляет угрозу национальной безопасности страны. По-моему, социал-демократы так должны смотреть на эти вещи. И защищать людей от этой угрозы.

Вопрос. С одной стороны, произвол чиновников, бесправие людей, а с другой — бедность. Мы экономически на тридцать лет отстаем от Португалии, которая считается самой слаборазвитой страной в Европейском Союзе. Что предлагают социал-демократы, чтобы преодолеть это наше обидное отставание и еще более обидную нашу бедность?

Ответ. Перераспределение богатства — вещь неизбежная. Но у нас оно приобрело карикатурные формы. Вот бывший колхоз. Он стал теперь не колхозом, а акционерным обществом. Никто же не спрашивает, почему у председательствующего особняк, а все остальные нищие. Откуда он взял средства на строительство? Или директор фабрики, районный администратор. Я знаю один завод, так там сразу трое построили себе особняки, а завод развалился. Резко улучшившими свои жилищные условия за счет всех остальных оказались: директор, его заместитель по коммерческой части и главный бухгалтер. В этом все дело. Государство не исполняет своих прямых функций. А оно должно следить за тем, чтобы правила соблюдали все, а не только те, у кого и так ничего нет.

Вопрос. *Зато у нас много разных программ: перспективные, комплексные, по развитию того, этого, пятого и десятого...*

Ответ. Я за свою жизнь начался этих комплексных программ. Они так ими и остались, о многих после составления ни слуху, ни духу... Как мне представляется позиция социал-демократическая? Вот пишется закон. Он может быть принят только в том случае, если в конце написано, что это конкретно дает человеку. А то ведь у нас как получается. Не так давно президент сказал совершенно правильные вещи в отношении малого и среднего бизнеса. Надо освободить от проверок, снизить налоги и тому подобное. Начали разрабатывать, поскольку президент дал указание. А бизнесу — и малому, и среднему — от этого еще труднее. Окончательно все запутали и распутывать не собираются. Теперь посмотрите: три обращения президента Федеральному Собранию. Если брать экономические вещи, то все правильно: дебюрократизация, по налогам, по произволу чиновников и многое другое. И что же?.. А ничего. Проведу аналогию с периодом Перестройки. Там тоже были вполне разумные вещи, было много хороших идей, разговоров. Да, не хватало политической воли, но, думаю, не это самое важное. Там был саботаж. Самый откровенный саботаж. Со стороны военно-промышленного комплекса, силовых структур, со стороны хозяйственников на местах, этих красных директоров. Они все тогда были красные.

Вопрос. *За пятнадцать лет они хотя бы порозовели?*

Ответ. Ничего подобного. Они еще такой вот коричневый оттенок приобрели.

Вопрос. *И все-таки, Александр Николаевич, коренная дебюрократизация всей страны возможна или нет? Когда социал-демократы все-таки возьмутся за дело?*

Ответ. Не знаю. Много трудностей на этом пути. Слишком мало еще людей понимают, что социал-демократические преобразования необходимы для страны. Другого выхода нет. Надежды мало, но выхода другого нет... Иначе не будет никакой дебиюкратизации.

Вопрос. *А что же будет?*

Ответ. В свое время Столыпин сказал очень хорошую фразу, хорошую характеристику дал. Перед началом своих реформ он про современную ему Россию сказал: «Коренное неустройство». Очень умно и интересно. Вот это коренное неустройство так у нас и продолжается. И будет продолжаться, если не принять меры совершенно конкретного содержания и сопроводить их механизмами осуществления. А то меры есть, а механизмов нет. Все впустую. Это тем более обидно, что мы люди-то талантливые. Мы способны на все самое уникальное: и блоху подковать, и человека в Космос запустить. А организовать дело никак не можем. Не получается. Тут же набрасывается много каких-то организаций, отвечающих за одно и то же дело. И человек не знает, к кому обратиться. Обратится он к одному, а тот говорит, что он этим не занимается. Обратится к другому — тот говорит то же самое. А кто занимается? Этого опять-таки никто не знает. И тут я снова скажу: нас погубит бюрократизм. Хотя еще Николай Васильевич Гоголь писал об этом гениальные слова, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и многие другие. А это все у нас остается.

Вопрос. *Сегодня стало будничным утверждение, что вся страна на сто процентов ворует. И не потому, что люди хотят воровать, а потому, что такая система. Мы пока еще живем с двойной бухгалтерией и, стало быть, двойной жизнью. Когда же будет у нас не такая вот «двойная», а нормальная жизнь?*

Ответ. Не знаю, но, думаю, обязательно будет. После капитального ремонта всей системы. А пока у нас даже самые умные становятся дураками.

Вопрос. *Еще одна печальная метаморфоза нашего времени?*

Ответ. По-моему, очень печальная метаморфоза. Человек попадает в систему и становится дураком. Он и не может быть другим. Сама система определяет. Умного выгонят, а дурака оставят. Иногда они сами это понимают. А сделать ничего не могут: номенклатура, незыблемый закон аппарата. Не человек, а функция. Управленец, а не свободная личность. И с точки зрения социал-демократии, тут необходимы скорейшие преобразования. В условиях России за этой шпаной, такой, как наши

чиновники, и за быстро богатеющими людьми должен быть установлен строгий контроль. Вы знаете, будучи в Канаде, я там прочитал в газете одну поучительную вещь. О том, как посадили двух бизнесменов за то, что они, заключив договор с муниципалитетом в Торонто, получили денег сверх установленного законом предела. А у нас? Вот смотрите, что происходит с ценами на лекарства. Люди обречены на смерть, потому что за некоторые лекарства нужно платить огромные деньги. Какая там пенсия... Некоторые лекарства стоят в несколько раз дороже, чем средняя по стране месячная зарплата. Как же так? Должен быть контроль за этими врачами? Должен. А у нас его нет.

Вопрос. Как же социал-демократы собираются контролировать столь сложные и, прямо скажем, опасные вещи?

Ответ. Во всех своих действиях они должны все время идти от человека. Бороться за его интересы на всех уровнях. Тут важнейшее значение имеет не техническая сторона вопроса, а нравственная. От чего страдает человек? Вот что нужно понять. Отсюда и законы должны идти. А мы некие схемы создаем. Для всех и вся. Я еще раз повторю: мы сегодня имеем полное отсутствие обратной связи.

Вопрос. Между кем и кем?

Ответ. Между теми, кто руководит, и теми людьми, самыми обычными гражданами, которыми руководят. А ведь наличие обратной связи — признак демократичности любой власти. И я считаю, что социал-демократическая партия, приди она к власти, должна в первую очередь создать эту обратную связь, как бы ни было это больно и сложно. Тут нужен комплексный подход — могу и такой термин применить. А то у нас министры боятся разговаривать. Они приезжают в какой-нибудь город, где их встречают по высшему разряду, и совершенно исключен из общения с министром обычный человек, со всеми его проблемами, бедами и несчастьями.

Вопрос. Где же, Александр Николаевич, светлое будущее? Наступит ли оно когда-нибудь? Вы можете ответить на этот, наверное, главный социал-демократический вопрос?

Ответ. Будущее — в нас самих. Мы сами выбираем, как нам жить дальше. Мы должны понимать, что и бюрократы наши граждане, и киллеры, и поджигатели, и все остальные тоже. Есть среди нас и люди состоявшиеся, и те, кому еще только предстоит состояться, если им не помешают. А что социал-демократия? Она должна перевернуть пирамиду. Я об этом много лет говорю. Не государство, общество, человек, а Чело-

век на первом месте. Вот это, по-моему, и есть первостепенное. Здоровый, просвещенный, культурный, нравственно прочный человек в состоянии сделать все, что для жизни необходимо, и сделать хорошо, добросовестно, талантливо... Гениально. Только мешать ему не надо.

Г.Х. Попов

О СОЦИАЛИЗМЕ XXI ВЕКА

Социализм XX в. был ориентирован на рабочий класс. Только рабочих он считал подлинными трудящимися. Все остальные слои трудящихся зачастую превращались в рабочих.

Новый социализм XXI в. имеет дело с обществом, где удельный вес рабочих непрерывно снижается. Самыми массовыми становятся другие категории трудящихся. И новый социализм, если он хочет сохранить свою ориентацию на трудящихся, на большинство народа, должен опираться на средний класс. Социализм XXI в. — это социализм среднего класса.

Для того чтобы понять, какие из этого вытекают следствия, надо присмотреться к среднему классу. В последней книге недавно умершего Г.Г. Дилигенского «Люди среднего класса»¹ отмечено, что средний класс — альтернатива антагонистическим классам. Он не беден и не богат. Он никого не угнетает, и сам не испытывает угнетения. Он не стремится ни к богатству, ни к власти. Ему нужен доход, обеспечивающий достойную жизнь, личную свободу. Его главная забота — о семье. Средний класс — главный фактор гармонизации общества, основа его стабильности.

Все эти черты среднего класса существенным образом влияют на идеологию нового социализма.

Марксистский социализм и раньше не был идеологией люмпенов. Он был ориентирован на далеко не самый бедный и несчастный класс капиталистического общества. Новый социализм окончательно связыва-

¹ Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. — М., 2002. — 285 с.

ет себя с состоятельными и активными трудящимися, желающими и способными обеспечивать себя своими собственными усилиями.

Старый социализм волновало, сколько часов работать в день, сколько платят за час, сколько дней работать в году и т.п. Новый социализм думает обо всей человеческой жизни: от первой до последней минуты. Образ жизни — и в целом, и на всех этапах — вот главная забота нового социализма.

Поэтому вопросы о квартире, о плате за телефон и электроэнергию, о цене автомобиля и бензина, о даче, о школе для детей для нового социализма так же актуальны, как для социализма XX в. была актуальна величина заработной платы.

В социализме XX в., особенно в его социал-демократических вариантах, в центре были вопросы о помощи, пособиях, словом, о разного рода подачках. Новый социализм ориентируется не на социального иждивенца, требующего помощи, а на человека, которому тоже нужна помощь, но уже не в виде потребительских благ и льгот, а такая, которая поможет ему проявить свою активность, реализовать свои инициативы.

И одна из главных форм поддержки — помощь в овладении более высоко оплачиваемыми профессиями, помощь в заблаговременной подготовке к переходу к другим видам труда, в перспективные отрасли и регионы. В динамичном, постиндустриальном обществе главным для человека становятся возможности. Поэтому доступность и реальность участия в непрерывном образовании — одно из основных благ постиндустриального общества.

Для нового социализма приобретает исключительное значение и проблема общих условий достойного образа жизни.

Это прежде всего права и свободы человека. Для человека умственного труда проблема свободы так же актуальна, как и проблема образования. Поэтому категории «либерализм», «индивидуальность» становятся близкими новому социализму.

Это, далее, демократическое устройство государства. Новый социализм, отражая интересы среднего класса, будет бороться за подлинную независимость и судов, и телевидения. Независимость и от властей, и от денег. Демократия — это и защита масс от произвола средств массовой информации.

Такая демократичность предполагает разработку новым социализмом своего видения того, как должны сочетаться популистская демократия внизу и единство власти.

Новый социализм должен разработать новую концепцию социалистического интернационализма, социалистического подхода к глобализации и интеграции, социалистического отношения к проблеме самоопределения наций.

Вместо примитивного, упрощенного интернационализма и вместо такого же примитивного лозунга о праве всех наций на самоопределение новый социализм должен выдвинуть четкие критерии, в зависимости от которых нация может претендовать или на самостоятельность, или на территориальную автономию, или на культурно-национальную автономию.

К общим условиям эффективной деятельности среднего класса относится и культура. Для нового социализма особо важным является оборона от разного рода заменителей культуры и ее подделок (типа «массовой культуры»), которые навязываются людям труда.

И наконец, к общим условиям относится и ситуация в области окружающей среды. Ситуация со средой, скажем, с городским воздухом, может сделать бессмысленными и бесполезными все успехи в деле обеспечения жильем.

С учетом опыта XX в. новый социализм должен думать не только о правах, но и о гарантированности всех прав. И оплаты труда, и имущества, и вкладов, и качества окружающей среды, и, конечно, гарантии всей демократии.

В среднем классе резко увеличивается доля людей, для которых критерии совести, долга, морали, личной ответственности становятся порой единственными опорами. И речь идет не только о тех, кто проводит опыты по клонированию и генной инженерии, но врачах, учителях, фермерах и т.д. При работе непосредственно на заказчика, на потребителя, при отсутствии промежуточных звеньев именно критерии совести, морали, долга становятся главными регуляторами. Вместо марксистско-ленинского беспринципного подхода к морали («морально все, что служит делу социализма») должен появиться новый подход, где не мораль — следствие задач социализма, а, напротив, мораль предшествует этим задачам, ограничивает их. И в этом новом подходе к морали новый социализм существенно сближается с тем, что наработано и развито в различных религиозных идеологиях.

В качестве главного противника новый социализм прежде всего сталкивается не с частным собственником и даже не с олигархами, а с номенклатурой.

Борьба с монополизмом, за меры по обеспечению свободы рынка и свободной конкуренции, по защите малого предпринимательства — это в первую очередь борьба с номенклатурой.

Новый социализм должен активно защищать все слои среднего класса от номенклатурной бюрократии при любых ее попытках выйти за пределы, установленные для нее всей структурой постиндустриального общества. Особенно — при создании ею привилегий для себя. Особенно — при попытках номенклатуры переложить на средний класс непропорционально высокую долю необходимых общих расходов. Особенно — при попытках заставить средний класс оплачивать ее, номенклатуры, ошибки во внутренней и внешней политике. Особенно — при авторитарных поползновениях номенклатуры.

Равенство уже в социализме XX в. отмежеввалось от примитивной уравниловки, но все еще оставалось в сфере распределения, в сфере потребления или, в лучшем случае, в сфере политики. Социализм XXI в. на первое место выдвигает равенство в доступе к сфере труда, равенство при выборе человеком сферы своей деятельности, равенство возможностей.

Справедливость уже в социализме XX в. трактовалась в рамках принципа «каждому по труду», т.е. уже предполагалась справедливость неравенства. Социализм XXI в. существенно расширяет справедливость неравенства. Он не ограничивает ее сферой труда и оплаты, но признает справедливым любое неравенство, объективно необходимое постиндустриальному обществу. Иной и не может быть справедливость для среднего класса, особенно для интеллигенции, для людей творческих видов деятельности. Масштаб неодинаковости тут столь велик, что именно справедливость необходимого обществу неравенства становится принципом нового социализма.

Солидарность, поддержка друг друга — третий фундаментальный принцип социализма. И простая поддержка друг друга, и через коллективные организации (профсоюзы и т.д.), и через государство. Социализм XX в. трактовал солидарность как своего рода благотворительность. Это неизбежно приводило к иждивенчеству, социальному паразитизму и худшему виду паразитизма — преступности. Солидарность в социализме XXI в. — это тоже поддержка и забота всех о каждом. Но это поддержка в деле обучения, в деле подготовки человека к переменам, в деле наращивания личного потенциала человека для обретения способности преодолевать трудности жизни. Условно говоря, солидарность социализма XXI

в. не в том, чтобы регулярно делиться с другими пойманной рыбой, а в том, чтобы научить всех самым лучшим методам ловли рыбы.

Необходимо подчеркнуть, что все главные принципы социализма — равенство, справедливость, солидарность — сохраняются и в новом социализме, обеспечивая его преемственность с социализмами прошлого. Но эти принципы реализуются по-новому, приобретают новые черты, обеспечивая место социализму и в новом, постиндустриальном обществе.

В.И.Мироненко

ЧТО ТАКОЕ НОВАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ?

Новая российская социал-демократия является прямой преемницей политико-философской традиции российской социал-демократии, политическим антиподом «русского коммунизма»; она изучает и использует опыт того и другого с тем, чтобы предложить свое видение демократического развития России. Путь к этому лежит через освоение природных богатств и развитие производительных сил страны. Поскольку социал-демократы считают человека главной производительной силой, условия его жизни и труда, занятость, образование, охрана здоровья, развитие науки и культуры наряду с экономным и рациональным использованием природных ресурсов и сохранением среды обитания человека являются основными направлениями теоретической и политической деятельности новой российской партии.

Основным же препятствием на этом пути российские социал-демократы считают две тенденции в российской и европейской политике.

В России существует ясно обозначившаяся тенденция в политическом поведении новых собственников, контролирующих вместе с высшими чиновниками основные ресурсы развития и обслуживающих их интересы политических партий, переложить бремя модернизации страны на наименее состоятельные, но наиболее многочисленные социальные слои и группы.

В окружающем нас мире, прежде всего в Европе и в Северной Америке, существует стремление обеспечить выход из системного эко-

номического кризиса, в котором, по мнению многих специалистов, сегодня находятся и Западная Европа, и США, за счет новой колониальной системы. Она предполагает политическую зависимость и экономическую эксплуатацию «побежденных» в «холодной войне» стран и их союзников из «третьего мира» странами «победителями». Проявления этой тенденции тоже многочисленны и разнообразны.

Новая российская партия не намерена ограничиваться только констатацией и критикой этих тенденций. Она собирается показать и доказать, что за этим стоят не только корыстные расчеты «олигархов» или злой политический умысел против России, хотя и то, и другое, конечно, присутствует. С этим можно справиться. Дело в другом. «Это хуже, чем преступление, это — ошибка». И вытекает она из неспособности или нежелания политиков овладеть тем, что лидер СДПР Михаил Горбачёв еще в 80-е годы прошлого века назвал «новым политическим мышлением».

Это новое мышление, находясь даже в зачаточном состоянии, позволило окончить «холодную войну» и остановить «красное колесо» Российской революции. Но уже в начале 90-х годов и в России, и в других странах оно было отброшено, произошел возврат к старой как мир политике с позиции силы, политике, исповедующей принцип «чем хуже моему соседу, тем лучше мне».

Новая партия, опираясь на опыт многих социалистических и социал-демократических партий Европы, на короткий опыт Перестройки, хочет попробовать убедить сильных и богатых в Европе и в России в том, что избранный ими путь решения новых проблем развития не только чрезвычайно опасен, но и нерационален. Он ведет не к выходу из лабиринта терроризма, политического и религиозного экстремизма, а в исторический тупик. Пострадают от этого не столько бедные и слабые, им терять уже почти нечего, а сильные и богатые. Если не удастся убедить, придется заставить искать решения, приемлемые если не для всех, то для большинства граждан, стран и т.п.

Для этого и нужна новая Социал-демократическая партия России. С этой целью она намерена вступить в Социалистический Интернационал. Уже в июне 2002 г. в Москве на международной конференции, проводившейся под эгидой этой авторитетной международной политической организации, СДПР и ее лидер М.Горбачёв намерены начать прямой

разговор об этом с представителями социалистических и социал-демократических партий мира¹.

Программу политических действий новой партии внутри России еще предстоит составить. Работа над ней идет трудно. Но уже сейчас можно сказать, что основной ее идеей будет справедливость, в том числе и в первую очередь справедливое распределение бремени модернизации экономики и общества между богатыми и бедными, слабыми и сильными, центром и регионами и т.д. Уже сейчас видны ее основные очертания или, по крайней мере, ее отличия от всего, что уже предлагалось.

В чем состоит отличие того, что намерены делать российские социал-демократы, от того, что делалось в последние годы?

Отличий много. Они вытекают из сказанного выше, но главное из них — методологическое.

Социал-демократы, в отличие от своих политических оппонентов, знают, какое общество они хотели бы сформировать, вполне представляют его основные характеристики и потому будут осуществлять перемены сознательно, осмысленно, постепенно, не торопясь, но и не допуская застоя, как это было в «брежневские» и «ельцинские» времена.

Социал-демократы точно знают, в отличие от всех других современных российских партий, с кем в первую очередь они намерены это новое общество создавать.

Еще одно отличие российских социал-демократов от всех других политических течений состоит в том, что для них власть не является целью.

Российские социал-демократы не называют и не считают себя «элитой», она еще только должна сформироваться в новой демократической России. Они считают себя лишь наиболее энергичной частью того социального слоя, которых Честертон называл «просто люди», а программа СДПР его называет «класс развития».

В отличие от российских коммунистов, социал-демократы предпочитают свободу, считая ее условием обязательным, но недостаточным. Отсутствие или невозможность свободного выбора девальвирует, делает бессодержательными другие ценности, которые разделяют социал-демократы, — справедливость и солидарность.

¹ Конференция Социалистического Интернационала в Москве в июне 2002 г. не состоялась. Вопрос о принятии СДРП в Социнтерн предполагается решить на Конгрессе Социалистического Интернационала в октябре 2003 г. в Рио-де-Жанейро. — Прим. ред.

В отличие от либералов, социал-демократы считают, что необходимо не любое свободное общество, а вполне определенное. Они выступают за рыночную экономику, но не за рыночное общество, не за бесконечное удовлетворение любых индивидуальных потребностей, а за обеспечение необходимого уровня удовлетворения потребностей для свободного и всестороннего развития человека.

В отличие от патриотов-националистов, социал-демократы считают, что национализм является демонстрацией бессилия «национальных» политиков перед вызовами времени. Социал-демократы вообще и российские социал-демократы в частности — интернационалисты. Они утверждали и утверждают, что есть общечеловеческие интересы и ценности, есть общая для всех людей нравственность, что все люди равны перед Богом и должны быть равны перед Законом.

От консерваторов их отличает то, что социал-демократы не ждут часа, когда перемены становятся неизбежными и неотвратимыми, а стремятся предвидеть их, начинать осуществлять их заблаговременно, не дожидаясь, когда они начнут происходить стихийно и неуправляемо.

Социал-демократы, как и консерваторы, уважают традиции, стремятся сохранять и развивать язык, культуру, обычаи народов, к которым они принадлежат по рождению и воспитанию, но они считают эту культуру частью общечеловеческого культурного достояния и не противопоставляют одно другому.

К кому обращаются социал-демократы в России? Где они видят людей, которые хотят и могут преодолеть тенденцию распада и упадка, вывести Россию в число передовых во всех отношениях современных демократических государств?

Социал-демократы обращаются к самостоятельным и ответственным гражданам России, которые составляют основу ее производительных сил, ее научного, культурного, управленческого и оборонного потенциала.

Задача и даже миссия новых российских социал-демократов состоит сегодня в том, чтобы помочь всем этим людям осознать себя единым целым, производящим классом, классом для себя и классом для России. Эти люди — лучшая часть современного российского общества, основа и залог его жизнеспособности, готовности к развитию.

Пока это «молчаливое большинство». Задача социал-демократической партии состоит не в том, чтобы говорить от его имени,

а побудить и помочь самому этому большинству говорить и действовать. Партию необходимо строить, исходя из этой миссии и главных задач..

Это должна быть партия правды, партия свободы, справедливости и солидарности, партия, которой доверяют люди, и это самое главное. Это должна быть «партия развития», политический инструмент, дающий возможность «классу развития» формулировать и реализовывать свою политическую волю в существующей политической системе или изменять ее правовыми, политическими средствами.

Социал-демократическая партия России — это партия большинства, партия действия, партия — политическое представительство, авангард всех самостоятельных и ответственных граждан России, независимо от их расы, веры или национальности.

Это, собственно, все, что можно и нужно сказать сейчас о новой Социал-демократической партии России.

В процессе становления и развития придется решать множество других задач. Важно, чтобы новая партия была партией политического, осознанного действия от имени большинства граждан России и в его интересах, которые сегодня в наибольшей степени совпадают с тем, что мы называем национальными интересами России.

Г.М.Звягин

ДЕСЯТЬ ОСНОВНЫХ ОТЛИЧИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ОТ КОММУНИСТОВ

Первое

Базовой теорией идеологии коммунизма является учение К.Маркса и Ф.Энгельса об антагонистических противоречиях между трудом и капиталом, между работодателями, хозяевами собственности и людьми наемного труда.

Социал-демократы принципиально расходятся в этом вопросе с коммунистами и отрицают антагонизм в отношениях собственников и работников наемного труда. Социал-демократы считают эти противоречия разрешимыми, это убедительно подтверждают история и опыт развития ведущих европейских стран в XX в.

Второе

Коммунисты изначально поделили человечество на две враждебные друг другу группы населения: угнетателей и угнетенных пролетариев, которые должны бороться за свое освобождение. По утверждению коммунистов,

Социал-демократы считают вульгарное марксистское деление человечества на плохие и хорошие классы, на «красных» и «белых», глубоко ошибочным. Ни пролетариат, ни любой другой класс, социальная прослойка или

только пролетариат имел право быть Властелином мира (гегемоном), а интеллигенцию, крестьян и других представителей социальных групп надо подчинять интересам рабочего класса.

группа населения не должны противопоставляться друг другу.

Человек — вот главная ценность социал-демократов. Каждый человек единственен, незаменим.

Все люди равноценны для общества, независимо от наличия собственности, профессии, места проживания, веры, пола и т.д.

Третье

Учение о классовой борьбе является краеугольным камнем Теории коммунизма. Высшее проявление классовой борьбы — революция, в ходе которой вооруженным путем захватывается власть, физически истребляются представители класса имущих, интеллигенции и зажиточных крестьян. Насилие и истребление своего народа коммунисты оправдывали тем, что это необходимо для установления господства их взглядов и идей в обществе.

По мнению коммунистов, гражданская война во благо рабочему классу, так как путем истребления людей из других слоев общества расчищался путь к власти вождям коммунистического движения.

Социал-демократы считают, что учение коммунистов о классовой борьбе, пролетарской революции и гражданской войне является одной из самых трагических ошибок нашего времени, так как насилие порождает только еще большее насилие.

Россия потеряла миллионы людей в братоубийственной гражданской войне, десятки миллионов наших сограждан были уничтожены в ходе коммунистических репрессий в сталинские годы.

Социал-демократы утверждают, что только путем диалога и партнерства, развития гражданских институтов власти возможно построение справедливого демократического общества, общества согласия и социальной эволюции, в котором в основе всех экономических отношений будет стоять Человек.

Четвертое

Коммунисты считали возможным и даже необходимым установление «красного» террора в государственных масштабах во имя достижения своих целей, если, по их мнению, этого требовала сложившаяся обстановка.

Социал-демократы не признают террор ни в каком его проявлении. Терроризм — величайшее преступление против человечества, его идейные вдохновители и организаторы должны быть преданы суду.

Пятое

Коммунисты отрицали многие ценностные идеалы и ориентиры прежних поколений. По их мнению, надо было «...до основания разрушить старый мир и на его обломках построить новый». При этом одновременно реализовывался еще один коммунистический постулат: «...кто был ничем, тот станет всем».

Социал-демократы выступают за совершенно иной подход к историческому процессу: не торопить события, не нарушать естественного хода развития человечества.

Историческое творчество ограничено, но его можно и необходимо гуманизировать.

Успешное развитие народов возможно лишь на основе бережного отношения к своему прошлому, к своей истории, принятия взвешенных, глубоко продуманных решений на основе общечеловеческих ценностей.

Шестое

При организации государственного устройства коммунисты исходили из необходимости установления сначала диктатуры пролетариата, затем диктатуры коммунистической партии. В отношении других политических партий коммунисты до последнего

Социал-демократы России, как и другие политические партии, были ликвидированы коммунистами в начале прошлого столетия.

Социал-демократы выступают за многопартийную политическую систему, за присутствие в политической жизни страны представителей всех

времени проявляли крайнюю нетерпимость: преследования, запреты, ссылки, уничтожение инакомыслящих и т.д.

идеологических направлений, чьи программные установки не противоречат действующему законодательству.

Только народ и избиратели путем свободных демократических выборов могут решать, какая партия им ближе, отвечает их нуждам, устремлениям и запросам.

Седьмое

Коммунисты считали частную собственность на средства производства пережитком прошлого, от которого надо решительно избавляться. По их мнению, только государственная общественная собственность может способствовать росту производительности труда. Рыночные отношения — основа современного уклада экономики, по их мнению, мешают развитию общества. Роль государства в управлении экономикой должна быть определяющей (как известно из недавней истории, это привело к застою, кризису и гибели коммунистической системы в СССР и странах Восточной Европы).

Современная платформа российских социал-демократов —

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ.
СДПР — за социально ориентированную рыночную экономику, за функционирование в ней различных форм собственности (частной, корпоративной, кооперативной, государственной и др.), их конкурентоспособность и эффективность.

Рынка должно быть сколько возможно, государства — сколько необходимо.

Восьмое

Коммунисты не согласны с результатами приватизации, проведенной в стране, призывают к пересмотру ее итогов и новому

Социал-демократы категорически против очередного передела собственности, ибо пересмотр результатов приватизации в массовом мас-

перераспределению собственности.

штабе может привести к управляемым процессам, дестабилизирует общество, сорвет наметившийся рост экономики страны и может подтолкнуть население к новой гражданской войне.

Любые шаги и практические Действия в этом вопросе должны приниматься после тщательного изучения ситуации и в строгом соответствии с действующим законодательством.

Девятое

Коммунисты всегда негативно относились к религии, считая ее «опиумом для народа». В годы советской власти и коммунистического правления православная церковь, представители ислама, буддизма, иудаизма и других религиозных конфессий подвергались гонению и преследованиям.

Социал-демократы руководствуются такой основополагающей ценностной установкой, как гуманизм, который проявляется в обеспечении каждому человеку свободы жить и действовать в соответствии со своими убеждениями в условиях развития гражданского общества, в свободе совести и равноправия всех вероисповеданий.

Десятое

Коммунисты в резкой форме выступают против нынешнего курса развития страны, проводимого Президентом РФ В. Путиным. В противовес ему они видят свою задачу в создании массового движения сопротивления, выступают за восстановление Советов и реанимацию коммунистической формы правления государством.

Социал-демократы поддерживают нынешний курс Президента страны В. Путина, направленный на восстановление и укрепление России. Из программы СДПР: «Два года прошло как у власти стоит новый Президент. Мы реально оцениваем результаты его деятельности, которая при всех его достижениях и успехах, даже просчетах, все больше

Из новой программы КПРФ: ориентируется на национальные интересы России».

«Нынешний правящий режим ... избрал путь политической реакции и социального регресса, путь национальной катастрофы, ведущий к гибели российской цивилизации».

III. ДОКУМЕНТЫ

СВОБОДА! СПРАВЕДЛИВОСТЬ! СОЛИДАРНОСТЬ!

Заявление Социал-демократической партии России

Нас часто спрашивают, зачем нужна социал-демократическая партия, чем она отличается от других партий, что она предлагает гражданам России?

Сейчас перед российским обществом стоит задача — изменить направление реформ с номенклатурно-бюрократической на народно-демократическую. Это — главная побудительная причина возрождения социал-демократической партии в России.

Мы — не правые и не левые. Мы — не «центристы». Мы — социал-демократы, и этим все сказано. У нас ясные, проверенные временем, общие для всех социал-демократов политические цели и нравственные принципы. Мы решительные противники номенклатурно-олигархического курса реформ, при котором в выигрыше оказываются немногие, а основные тяготы ложатся на большинство — интеллигенцию, рабочих, крестьян, пенсионеров, мелких и средних предпринимателей.

Приватизация обернулась простым захватом государственной собственности старой и новой номенклатурой, тогда как основная масса граждан страны чувствует себя, по меньшей мере, обманутой и обделенной. Государство ослабло, а компенсирующие механизмы рынка и конкуренции, независимого суда, свободной прессы еще не работают в полную силу. Итогом является медленное развитие экономики и как резуль-

тат — постыдно низкий для такой страны, как Россия, уровень жизни людей.

В этих условиях многие люди связывают свои надежды с Президентом России. В этом нет ничего удивительного. Президенту В.В. Путину удалось остановить распад государства. Предотвращен дальнейший развал народного хозяйства. Появились первые признаки изменения социальной политики государства. Но в обществе нарастает беспокойство. Страна стоит перед новым выбором, и этот выбор должен быть сделан уже в декабре 2003 года. И, как всегда в таких случаях, речь идет и о выборе стратегии на будущее, а о выборе политических сил, которые эту стратегию могли бы осуществить.

Где эти силы в России? В стране есть много талантливых, честных и ответственных государственных служащих. Но как политическое целое нынешняя российская бюрократия, ассимилировав новобранцев из демократических движений, превратилась, как это уже не раз бывало, в класс для себя, неспособный решать перспективные проблемы, игнорирующий интересы людей, заботящийся лишь о личной выгоде и сохранении своих привилегий. Ждать от него и его «партии», меняющей свое название на каждом новых выборах, реформ в интересах большинства — безнадежное дело.

Социал-демократы решительно отвергают программы тех, кто хотел бы вернуть страну в прошлое. КПРФ за последнее десятилетие приспособилась к новым политическим условиям. Борьба рядовых членов партии с несправедливостью и злоупотреблениями властью заслуживает уважения. Но дело в том, что в нынешнем ее виде, с ее идеологией, программой, нацеленной на возврат к старым порядкам, ждать от КПРФ решительных перемен, увы, не приходится.

Правые либеральные силы несут главную ответственность за результаты реформ, которые проводились в предшествующее десятилетие. Своим пренебрежением нуждами и чаяниями тех, кто трудится, они разрушили надежды миллионов людей на свободу и справедливость после падения тоталитарной системы. Была утрачена возможность технологического прорыва, значительная часть интеллектуального, культурного и технологического потенциала страны. И при этом общество не услышало

анализа ошибок — от грабительской приватизации до дефолта 1998 года. В предложениях российских либералов есть немало верных идей, но в целом они служат интересам новых крупных собственников, а не общенациональным интересам.

В сложившихся условиях мы считаем, что именно социал-демократическая политика может быть альтернативой таким подходам и основой для консолидации общества. Убедительным примером плодотворности такой политики является то, что большинство народов Европы, при решающей роли социал-демократических партий, твердо встали на путь политической демократии, гражданского общества, рыночной экономики, и это обеспечило относительно высокий уровень благосостояния и свободы. На место разрушительных смут и революций, которых прежде в Европе было немало, пришло социальное партнерство.

Большевики, выделившись в РСДРП, в 1903 году, на ее втором съезде, навязали стране ошибочную модель развития. Подавление первых реальных ростков экономической свободы, гражданских прав и демократии в России во имя, как утверждали они, высшей свободы и справедливости, несмотря на колоссальные усилия, труд и жертвы трех поколений людей, привели страну в исторический тупик.

Поиском выхода из него была политика Перестройки. Произошла окончательная и полная реабилитация жертв политических репрессий, начали восстанавливаться демократические свободы, в том числе свобода совести, слова, экономической деятельности.

Именно тогда, несмотря на просчеты и ошибки, было положено начало переходу к демократической модели развития: от абсолютной власти одной партии к многопартийной демократии, от командной экономики к рыночному, социально ориентированному хозяйству, от глобального противостояния, балансирования на грани ядерной войны к сотрудничеству стран и народов. Закрепить и развить эти демократические завоевания, высвободить в полной мере огромный потенциал свободного труда не удалось.

Проводившаяся затем политика ускоренного вхождения в рынок, приватизация, даже в том виде, в котором они были проведены в России,

создали новые условия для перехода к рыночной экономике, но не решились ни экономических, ни социальных проблем, стоящих перед страной, а породили новые проблемы.

Сегодня речь идет о борьбе двух разных курсов. Один — продолжение сырьевого пути развития страны, «олигархической модернизации». Другой предполагает переход от топливно-сырьевой ориентации к инновационному развитию экономики, который только и может придать ей такие темпы роста, о которых говорил в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации. Мы решительно выступаем за второй путь.

Что предлагают российские социал-демократы?

Свобода, справедливость и солидарность являются принципами социал-демократической политики.

Приверженность этим принципам для социал-демократов, в том числе и российских, неизменна. Их отличает стремление к компромиссу, к социальному сотрудничеству и партнерству. Но их практическая реализация не предполагает ни мягкотелости, ни копирования чужого опыта, ни забвения национальных интересов, особенностей и традиций. Приверженность социал-демократов к компромиссу не исключает борьбы, принуждения к соблюдению законов, моральных норм и демократических процедур принятия решений.

Социал-демократы предлагают новый социальный контракт между человеком, обществом и государством, новое качество жизни.

А это диктует и принципиально новую структуру политических приоритетов: человек, семья, здоровье и безопасность, образование и наука, культура и просвещение, среда обитания. О чем конкретно идет речь ?

Право на труд должно быть гарантировано. Заработная плата не должна быть ниже уровня, превышающего реальный прожиточный минимум в три раза. Платить человеку меньше за его труд не имеет права ни государство, ни частный предприниматель. Государство должно поза-

ботиться о том, чтобы у каждого человека была возможность переквалификации, шанс в случае потери работы овладеть новыми, более востребованными профессиями.

Право на жилье. Общие расходы на оплату жилья, включая выплаты по ипотечному кредитованию, не должны превышать четверти совокупного дохода семьи. Граждане должны оплачивать лишь реально предоставляемые коммунальные услуги в соответствии с их качеством.

Медицинское обслуживание должно быть бесплатным и общедоступным. Все ведомственные медицинские учреждения, финансируемые из бюджета, должны быть закрыты. Это не исключает платных медицинских услуг.

Право на образование. Государство должно гарантировать всеобщее бесплатное среднее образование и доступ к среднему специальному и высшему образованию для всех, кто желает и способен его получить, то есть обеспечивать прежде всего конкуренцию способностей к учебе, а не способностей родителей оплачивать обучение, равные стартовые условия.

Проблемы образования не будут решены при том унизи­тельном положении, в которое у нас поставлен учитель, преподаватель. Разговоры о переводе образования на платную или частично платную основу — лукавые и досужие. Нигде и никогда в мире высокое качество общего образования не достигалось таким способом.

Пенсионное обеспечение должно быть справедливым и достаточным, учитывать трудовой вклад каждого, но в любом случае покрывать расходы на коммунальные, транспортные, медицинские услуги и питание, не ниже установленных законом норм.

Социал-демократы требуют вернуть государство в социальную сферу, выполнения им его социальных функций, замены авторитарной триады — «государство — общество — человек» на триаду свободы — «человек — гражданское общество — государство».

Как российские социал-демократы намерены этого достичь?

Главным и обязательным условием решения всех перечисленных социальных задач мы считаем устойчивый экономический рост. Социал-демократическая партия России выступает за техническую и экономическую модернизацию страны и переход ее в постиндустриальную, информационную фазу развития.

Этого можно достичь, проводя активную государственную промышленную и инвестиционную политику, через целевое государственное инвестирование и поощрение частных инвестиций на приоритетных направлениях, что возможно только при неуклонном росте доходов.

Ключевым элементом социал-демократической экономической политики является справедливое перераспределение природной ренты, которая должна идти на цели развития, на создание дополнительных рабочих мест. Природная рента, присваиваемая сегодня единицами, должна служить всему обществу.

В центре экономической политики, предлагаемой социал-демократами, лежит немедленное осуществление государственных мер по поддержке развития малого и среднего бизнеса.

Необходимы беспрепятственная и быстрая регистрация предприятий по заявительному принципу; сокращение до минимума разного рода проверок; сокращение перечня лицензируемых видов деятельности; создание единого сертифицирующего органа по всем видам продукции. Малый и средний бизнес должен законодательно получить свою долю муниципального и государственного заказа, режим максимального благоприятствования в кредитовании. Социал-демократы ратуют за установление льгот для малых и средних предприятий на срок от 3 до 5 лет.

Необходимо, как это делается во всех развитых в промышленном отношении странах, выработать, принять и осуществить комплекс мер по поддержке и защите российского крестьянина, возрождению российского села.

Социал-демократическая партия предлагает программу возрождения малых и средних городов, которые традиционно были опорой реме-

сел, обрабатывающих отраслей, особенно сельскохозяйственной продукции. Нельзя оставлять жителей малых и средних городов в запустении под угрозой вымирания.

Мы считаем очень важным обратить особое внимание на Сибирь и Дальний Восток. Если мы хотим выжить как единое государство, как единый российский народ, нужно осваивать и развивать эти богатейшие, перспективные районы страны.

Мы, российские социал-демократы, не абсолютизируем ни механизмы рыночной саморегуляции экономики, ни государственного регулирования. Мы считаем, что экономическая свобода и частная собственность должны обеспечить экономическое возрождение России. Функция государства в этом плане — поощрять хозяйственную инициативу, устанавливать и поддерживать правила конкуренции, бороться с монополизмом, защитить предпринимателей и хозяйственных руководителей вообще от поборов, как со стороны криминала, так и со стороны государственных чиновников. Нужны понятные и прозрачные «правила игры» во взаимоотношениях государства, работодателей и наемных работников.

СДПР будет делать все возможное для повышения общественного статуса интеллектуального труда, государственного стимулирования ученых и специалистов, надежной защиты авторских прав. Всемерная поддержка государством фундаментальной науки — необходимое условие перехода к информационному обществу. Важнейшим здесь мы считаем достойную оплату труда ученых и поощрение молодых научных кадров.

Необходимо стимулировать использование результатов научных исследований, интеллектуальной деятельности в машиностроении, приборостроении, авиационно-космической, информационной и других наукоемких отраслях. Точками роста инновационной экономики России, в первую очередь, должны быть наукограды, крупные государственные научные центры, интегрированные научно-образовательные и научно-промышленные комплексы.

Особую, исключительную роль в защите прав наемных рабочих и мелких предпринимателей, в организации всего народного хозяйства со-

циал-демократическая партия отводит профессиональным союзам и готова к любым формам сотрудничества с ними.

Эти и другие меры должны привести к формированию сбалансированной, социально ориентированной рыночной экономики, восприимчивой к инновациям, с эффективным государственным регулированием, обеспечивающим то, чего не в состоянии обеспечить рынок, — проведение активной социальной и экологической политики, развитие инфраструктуры, гарантирование безопасности, целевое государственное инвестирование и поощрение частных инвестиций на приоритетных направлениях.

Социал-демократы выступают за действительное равноправие женщин. Опыт многих стран говорит о том, что более успешными являются те общества, где женщины обрели его, где они участвуют в принятии политических решений и в законотворческой деятельности. Эти вопросы мы будем ставить жестко и конкретно. Дискриминация в политической и общественной жизни, приеме на работу и оплате труда, домашнее насилие — все это должно быть поставлено вне закона и искоренено в нашем обществе. Для начала необходимо установить как минимум 30%-ную квоту для женщин во всех партийных списках на всех выборах.

Перемены прошедшего десятилетия в значительной степени затронули российскую молодежь. Инновационная, интеллектуальная, гражданская активность молодежи оказалась невостребованной. Социал-демократы считают необходимым дать шанс молодежи. Не заигрывать с ней, не потакать ей в расчете получить побольше голосов, а пригласить ее участвовать на равных в решении всех важных экономических и политических вопросов, особенно долгосрочных, связанных с использованием ресурсов развития, дать молодежи перспективу кадрового роста. Необходимо ускорить разработку и принятие базового федерального Закона «О содействии социальному развитию молодежи», Основных направлений государственной молодежной политики до 2012 года. Российская молодежь заслуживает государственного внимания к своей судьбе.

Россия богата природными ресурсами. Это нас развратило. Экономика наша остается затратной. Мы проедаем ресурсы, которые понадобятся будущим поколениям, расходует их незначительно, зачастую

просто разрушаем среду обитания, не думая о будущем. В решении всех этих и многих других вопросов молодежь имеет право на особое внимание к ее мнению.

Наш принцип: свободы — сколько возможно! государства — сколько необходимо! Но государства демократического, правового, эффективного.

Оно станет таким при условии гражданского контроля над всеми институтами государственной власти. Становление новой системы экономических и политических отношений нужно осуществлять на принципах федерализма — как конституционного, так и бюджетного.

Необходимо обеспечить баланс в отношениях между Государственной Думой, Советом Федерации и исполнительной властью; принять закон об ответственности правительства и всего административного аппарата за нарушения и неисполнение законов; реорганизовать Совет Федерации на основе прямой выборности сенаторов, обеспечить, наконец, четкое разграничение полномочий Президента, Федерального Собрания и Правительства, центра и регионов.

Мы разделяем принципы Европейской Хартии о местном самоуправлении. Становление в стране действительно сильного местного самоуправления — ключевая задача. Органы местного самоуправления должны быть обеспечены неотчуждаемой собственной финансовой базой. Необходимо гарантировать права граждан на местное самоуправление на поселенческом уровне, запретить совмещение полномочий главы представительной и исполнительной власти на местном уровне, обеспечить законодательную защиту местного самоуправления от произвола региональных властей.

Российские социал-демократы выдвигают на передний план борьбу с бюрократизмом и коррупцией. Сейчас это — самое главное. Простым сокращением аппарата управления эту проблему не решить, нужна его рационализация. Привилегии чиновников должны быть отменены, а заработная плата и пенсионное обеспечение государственных служащих должны быть значительно повышены, так же как и требования к ним.

Мы выступаем против вмешательства чиновников в работу средств массовой информации. Права граждан на распространение и получение всесторонней и объективной информации должны быть обеспечены в полном объеме. Но это зависит, в том числе, и от профессионализма, ответственности журналистов и издателей и, конечно, дальнейшей демократизации общества.

Российские социал-демократы — последовательные и твердые интернационалисты. Для нас в принципе неприемлема никакая дискриминация по этническому, национальному признаку. Страна наша — целый мир культур, языков и религий. Без понимания того, что мы живем в многонациональной стране, нельзя добиться стабильности, выстроить разумную стратегию развития.

Осуществление своих политических задач социал-демократы неразрывно связывают с возрождением нравственного климата в обществе. Это особенно необходимо сегодня, когда Россия задыхается в тисках цинизма. Духовно-нравственная атмосфера в обществе для нас не отвлеченное понятие, а основа предлагаемой нами политики. Взаимоуважение в семье и обществе, уважение к старшим, к матери и отцу, забота о детях, любовь к своей малой и большой Родине, следование традициям и культуре своего народа — все это социал-демократы будут утверждать и своим примером, и своей политической деятельностью.

Социал-демократическая партия выступает за свободу совести, уважает все существующие в стране конфессии и высоко оценивает их роль в поддержании общественной морали и сохранении национальной культуры. В то же время будем твердо отстаивать принцип их равенства, отделения церкви от государства, решительно бороться с любыми проявлениями национальной нетерпимости и религиозного экстремизма.

Национальным интересам России в наибольшей мере отвечает сохранение мира и международной стабильности, активное включение России в систему международного сотрудничества по всем азимутам, недопущение втягивания России в военные авантюры. Механизмы обеспечения этих условий дает ООН — организация, играющая главную и незаменимую роль в решении глобальных проблем человечества, начиная от преодоления бедности и отсталости и оканчивая борьбой с междуна-

родным терроризмом. Вместе с тем ООН и особенно Совет Безопасности нуждаются в реформировании с целью повышения эффективности их деятельности.

Российские социал-демократы придают особое значение участию России — в силу ее геополитического положения, истории и культуры — в процессах европейской интеграции и равноправному взаимовыгодному сотрудничеству с европейскими странами.

Социал-демократическая партия поддерживает предпринятые Президентом России и руководителями других стран СНГ шаги, направленные на восстановление общего экономического пространства, обеспечение коллективной безопасности и др. Нельзя допустить, чтобы этот проект, обещающий колоссальный экономический и политический выигрыш для всех участвующих в нем стран, был опять «утоплен» в бюрократических проволочках, принесен в жертву частным интересам.

Мы понимаем, что в современном мире национальная безопасность не может быть обеспечена без современной, мобильной, хорошо вооруженной и оплачиваемой армии. Мы выступаем за перевод Вооруженных сил на контрактный принцип комплектования и действенный гражданский контроль над их материально-техническим оснащением и использованием.

* * *

В декабре 2003 года в России пройдут выборы в Государственную Думу. Значение и особенность этих выборов состоят в том, что России предстоит выбрать стратегию перехода в постиндустриальное общество, один из двух возможных видов модернизации — номенклатурно-олигархический или демократический. Социал-демократы отвергают первый и решительно выступают за второй путь развития.

Только на этом пути возможно устранение бюрократизма и коррупции. Этого невозможно сделать при нынешнем составе депутатов, существующих отношениях между представительной и исполнительной ветвями власти, без действительно независимого суда и средств массовой информации. Это можно сделать, если на предстоящих выборах бу-

дут избраны люди порядочные, не коррумпированные, компетентные — действительные представители народа.

Выборы должны быть честными. Необходимо, чтобы в выборах участвовали все граждане, имеющие право голоса. Выборы должны быть проведены в строгом соответствии с законом, под контролем общества. Пресловутый «административный ресурс» и продажу депутатских мандатов необходимо исключить полностью. Участие в выборах не только право, но и гражданская обязанность.

Социал-демократы предлагают обсудить вопрос введения обязательного участия в выборах, как это делалось в других странах. Пока же на принятие такого закона рассчитывать не приходится, должно быть обеспечено участие в избирательных комиссиях представителей всех зарегистрированных политических партий, независимых СМИ, авторитетных международных правозащитных организаций.

Российская социал-демократическая партия родилась как рабочая партия. Новая Социал-демократическая партия России — это партия тех, кто трудится: умственно или физически, самостоятельно или по найму, на частных или государственных предприятиях и в государственных учреждениях, в городе и в деревне, служит в армии или правоохранительных органах. Это партия предпринимателей, разделяющих наши ценности социальной справедливости и устойчивости общества. Это партия женщин и молодежи, и, наконец, это партия солидарности граждан в защите их политических, экономических и социальных прав.

Для достижения этих целей мы будем сотрудничать со всеми демократическими силами России, политическими партиями, профсоюзами, экологическими, женскими и молодежными движениями, в том числе в ходе нынешней выборной кампании в Государственную Думу и предстоящих выборов Президента.

Свобода! Справедливость! Солидарность!

IV. КОНФЕРЕНЦИИ

Б.С.Орлов

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ.

**Доклад на Всероссийской научно-практической конферен-
ции «Российская политическая культура
в поисках консенсуса». Пермь, 10 декабря 2002 г.**

Становление политической культуры в России — ключевая проблема ее развития. Движемся ли мы и в самом деле в сторону консенсуса? Каким способом? И с какой мотивацией? Разобраться во всем этом крайне необходимо, чтобы избежать застойного топтания на месте.

Так получилось, что с проблематикой политической культуры я вплотную столкнулся в 1990 г. В том году проходили первые общегерманские выборы, и я был включен в состав международной комиссии экспертов, наблюдавших за проведением этих выборов. Мы разъезжали по разным городам Германии, и в Мюнхене я познакомился с известным немецким политологом Куртом Зонтхаймером, который подарил мне свою только что вышедшую книгу «Политическая культура Германии» (1). Просматривая эту книгу, я подумал тогда: а есть ли у нас какие-либо работы о политической культуре в России? Мои немецкие коллеги пожимали плечами — какая, мол, там политическая культура в такой отсталой в политическом отношении стране, и советовали мне начать изучение этой темы с работ американца Алмонда. Я так и сделал, сопоставил точки зрения американского политолога и европейца Зонтхаймера и

пришел к выводу, что в основном ролевое, функциональное осмысление политического процесса в работах Алмонда не позволяет в полной мере раскрыть особенности европейской политической культуры в ее различных вариантах, где много места уделяется анализу различных идеологических мотиваций, ценностным установкам, которые формировались на протяжении многих столетий на европейском пространстве.

Свою работу «Политическая культура и становление демократии в России» (2) я писал с учетом прежде всего европейского, а также и российского опыта. Эта работа вышла в ИНИОН в 1994 г.; тем самым публично была заявлена тема «Политическая культура России».

Несколько слов о понятии «консенсус». Консенсус не означает абсолютное согласие в обществе всех и во всем. Общество вообще не может развиваться без определенных противоречий, конфликтов. Другое дело, каковы масштабы этих конфликтов и способы их разрешения. И если под этим углом зрения посмотреть, какие же политические процессы происходили в Европе в XX столетии, то можно выделить три варианта политических культур. Первый — это расистская политическая культура, направленная внутри и вовне против лиц других национальностей. Речь идет о национал-социалистической модели с ее ориентацией на физическое истребление целых народов, не принадлежащих к арийской расе. Второй вариант — классовая политическая культура, направленная на обеспечение согласия между классами трудящихся и обращенная против «эксплуататоров», «нетрудовых элементов». Она практиковалась большевиками на протяжении семидесяти лет с трагическим для страны исходом, когда Россия вышла на рубежи XXI в., лишенная десятков миллионов людей активной предприимчивости, высокой культуры, высокой ответственности за судьбы Родины. И, наконец, третий вариант — демократическая политическая культура, которая ныне существует практически во всех странах Европы, за исключением таких «авторитарных островков», как Белоруссия.

Заметим попутно, два первых варианта политической культуры были мотивированы идеологически, третий вариант исходит из общечеловеческих ценностей, прежде всего ценностей демократии, которых придерживаются практически все политические партии, правда, несколько по-разному интерпретируя их в своих программных установках.

И тут самое время вплотную подойти к заявленной в докладе теме. П.Ю. Рахмиров обратил внимание на то, что между понятиями «компромисс» и «консенсус» существуют различия. И это действительно так. Но

одно тесно связано с другим. Не будь компромисса, который разрабатывала вместе с профсоюзами социал-демократия на протяжении всего XX в., обеспечить консенсус в Европе было бы довольно трудно. Отнюдь не случайно виднейший европейский либерал Ральф Дарендорф назвал минувший век социал-демократическим (3). Под этим подразумевается и механизм социального партнерства, и стратегия развития социального государства, которые ныне берут на вооружение не одни только социал-демократы.

Но заслуга социал-демократов не только в разработке этих механизмов. В течение XX в., начиная с трудов Эдуарда Бернштейна (4), они постепенно освобождались от идеологических мотиваций марксизма, подразумевающих классовый подход к разрешению ключевой проблемы «труд-капитал». После Второй мировой войны германские социал-демократы разработали ценностный подход, выраженный в провозглашении трех основных ценностей — свободы, справедливости, солидарности — и в намерении реализовать эти ценности демократическими методами в условиях демократии. В этом состоит главное содержание Программы принципов, которую СДПГ приняла в 1959 г. в Бад-Годесберге (5).

Обратите внимание, в этой ценностной триаде на первом месте стоит ценность «свобода». Это та же самая ценность, которую на первый план выдвигают и либералы, и консерваторы, и христианские демократы. Именно это обстоятельство и создает основу того консенсуса, о котором говорил П.Ю.Рахшмир. Но далее идут различия. И если социал-демократы делают упор на социальную справедливость, то христианские демократы — на subsidiarность. Такой подход отражается и в политическом противоборстве двух основных политических партий Германии, от которого в конечном счете выигрывает все общество, поскольку оно имеет возможность выбирать между различными политическими проектами, с которыми эти партии идут на выборы.

Итак, что же отличает политическую культуру германских социал-демократов на современном этапе? Она включает в себя и политический компромисс (социальное партнерство), и ценностный подход (признание ценностей демократии, политика социального государства), и стремление в политической практике соотносить конкретную деятельность с нравственными установками (что удастся не всегда и не везде).

В самое последнее время наблюдается акцентирование ценности «свобода» с соответствующей корректировкой политики социальной

справедливости под углом зрения новых потребностей наемных работников, среднего класса и нарастающей индивидуализации общества. Ряд исследователей делают отсюда вывод, что происходит сдвиг социал-демократии в сторону социального либерализма (5).

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) заявила о своем существовании уже в 1898 г. Но по большому счету это была скорее заявка о намерениях. Основное действо разыгралось через пять лет, на II съезде, который проходил в 1903 г. сначала в Брюсселе, а затем, когда власти попросили социал-демократов удалиться, в Лондоне, в том самом городе, который и по сей день дает приют разного рода инакомыслящим.

К этому времени РСДРП сложилась как идеологически мотивированная партия, взявшая на вооружение марксизм. Но при этом выявились расхождения между двумя направлениями, которые по-разному толковали работы Маркса. Если одни социал-демократы исходили из формационного подхода к общественным процессам, полагая, что социалистические отношения постепенно вызревают в недрах капитализма, и отсюда делали вывод, что на рубеже XX в. Россия переживает этап становления капитализма, нуждающегося в буржуазно-демократических реформах (к ним относились в первую очередь Георгий Плеханов, Юлий Мартов, Павел Аксельрод), то другие видели возможность в форсировании этапа буржуазно-демократических преобразований и в революционном установлении социалистического общественного строя (это направление возглавлял Владимир Ульянов-Ленин).

Отсюда и разная тактика. Одни — за установление коалиционных связей с либералами, выступающими также за устранение абсолютистского режима, другие — за союз со всеми слоями трудящегося населения и против контактов с либералами. Одни стремились к созданию партии, призванной в первую очередь просвещать рабочий класс, устанавливать широкие связи со всеми демократическими силами, прежде всего с профсоюзами, другие — за создание нелегальной партии профессионалов-революционеров, готовящих свержение царизма. Отсюда и разные варианты членства в партии, предложенные для внесения в ее устав. Проект Мартова — содействие партии, проект Ульянова-Ленина — обязательное членство в партии. На съезде прошел вариант Мартова: 28 голосов «за», 22 — «против», т.е. большинство было за Мартовым. Но, так бывает в истории, направление Мартова стали называть меньшевиками, направление Ленина — большевиками.

Однажды расколовшись на II съезде, меньшевики и большевики так и не смогли по-настоящему объединиться, хотя попытки в этом направлении предпринимались не раз. Оглядываясь ныне на происходившее сто лет назад, можно сказать, что объединение и не могло состояться. Дело было не просто в несовместимости характеров лидеров партии и даже не в разном прочтении Маркса. На II съезде обозначилась тенденция, которая дала о себе знать еще в деятельности народников: существование различных подходов к политическому процессу — консенсусного и конфликтного. Внутри одной партии — РСДРП — исподволь формировались как бы две политические культуры, у которых были свои сторонники. Это хорошо показано в недавно выпущенной книге Станислава Васильевича Тютюкина «Меньшевизм. Страницы истории» (7).

Вокруг меньшевиков группировалась городская интеллигенция, рабочие с высокой профессиональной подготовкой, вокруг большевиков — радикально настроенная часть интеллигенции, ориентирующаяся на беднейшие слои населения. Формировались и разные образы. Меньшевик — человек с бородкой, в пенсне и в шляпе, большевик — в рабочей куртке, с решительным волевым лицом и мозолистыми руками. Примечательно, что Плеханов и в самом деле носил шляпу, а Ленин кепку, сжимая ее во время митингов в руке, хотя оба принадлежали к социальной группе дворян.

Дальнейшие ключевые события каждый раз демонстрировали разные подходы со стороны тех и других. 17 октября 1905 г. царь Николай II подписал Манифест, по которому Россия наконец-то получила долгожданную конституцию (прожив без нее почти тысячу лет!), парламент, отменялась цензура, вводилась свободная деятельность политических организаций. Университеты получали столь широкую автономию, что в их помещения без разрешения не могла входить полиция. Иными словами, открывались возможности для легальной деятельности политических партий с целью привлечения людей на свою сторону, для отстаивания в Государственной Думе законов, отвечающих интересам общества. Как на это реагируют социал-демократы? При участии большевиков в Москве готовится вооруженное восстание, окончившееся драматической развязкой в декабре 1905 г. А вот реакция Г.В. Плеханова еще до начала восстания, точнее, 3 декабря 1905 г.: «Звать рабочих к неподготовленному восстанию, значило бы толкать их к поражению» (цит. по: 7, с. 147). В наши дни это подтверждает историк С.В. Тютюкин: «Шансы на победу

повстанцев в Москве были крайне невелики, а в масштабах всей России — ничтожны» (7, с.147).

27 апреля 1906 г. открылось первое заседание Государственной Думы первого созыва. И снова выявились разные подходы к участию в работе этой Думы. Меньшевики — «за», большевики — «против». Лишь позднее они пересмотрели свою тактику, уразумев, что неучастием в работе Думы они лишают себя важного агитационно-пропагандистского канала.

Еще более полярными были позиции у меньшевиков и большевиков в ходе развернувшейся Первой мировой войны. Большевики, и прежде всего Ленин, выступали за превращение «империалистической войны в гражданскую», за поражение в этой войне собственного правительства. Мнения меньшевиков разошлись. Мартов и его сторонники — за немедленное прекращение военных действий, Плеханов — за поддержку действий собственного правительства против германского агрессора. При этом Плеханов выступал за одобрение социал-демократами в Государственной Думе военных кредитов. Такая позиция среди историков по сей день вызывает разные суждения, как, впрочем, и позиция германских социал-демократов в ходе голосования за военные кредиты в рейхстаге. Но в рассматриваемом нами контексте важно иметь в виду, что это был очередной шаг к выстраиванию компромисса с различными политическими силами в российском парламенте перед лицом общего противника (не будем забывать, что Россия находилась в военном союзе с демократическими европейскими странами — Англией и Францией — против кайзеровской Германии.)

Еще одним шагом в том же направлении было участие меньшевиков (правда, с различными оговорками) в «военно-промышленных комитетах», избравшихся демократическим путем с июля 1915 г., в которые входили группы рабочих, также избравшиеся на крупнейших предприятиях Петрограда, Москвы, других городов. Это был своего рода прообраз социального партнерства между предпринимателями и рабочими в специфических условиях ведения войны.

Как гром среди ясного неба, в феврале 1917 г. разразилась демократическая революция, к которой не были готовы ни меньшевики, ни большевики. Их лидеры находились за пределами страны. Ленин в Цюрихе, выступая на собрании молодых социалистов, говорил, что, может быть, им и доведется быть участниками революционных преобразова-

ний, а вот нам, «старикам», до этого, вероятно, не дожить (8). И Плеханов, и Ленин, и Мартов начали собираться домой.

Меньшевикам в самой России, и прежде всего в центре революционных событий — в Петрограде, пришлось срочно ориентироваться в сложившейся обстановке, определить, как вести себя по отношению к Временному правительству, которое именно от Государственной Думы готовило проведение Учредительного собрания, чтобы на нем принимать решения о будущей судьбе России, и к Советам рабочих и солдатских депутатов, которые стихийно возникали повсюду. В ходе выборов в эти Советы меньшевики занимали ключевые позиции, и прежде всего в Петрограде и в Москве. Находясь на этих постах в Советах, они самой жизнью были поставлены перед необходимостью решать возникающие вопросы, согласовывать их с Временным правительством. В мае 1917 г. меньшевики вошли в первое коалиционное правительство. Профессиональный рабочий Кузьма Гвоздев стал помощником министра труда, а в конце сентября и министром труда.

То, что большевики будут против участия во Временном правительстве, вытекало из их позиции необходимости «перерастания» «буржуазной» революции в «социалистическую», которую Ленин огласил по приезду в Петроград в своих известных «Апрельских тезисах»; Плеханов назвал эти тезисы «бредом», имея в виду неподготовленность страны к социалистическим преобразованиям.

Положение меньшевиков, однако, осложняло и то обстоятельство, что и лидер меньшевиков Мартов, возвратясь в Петроград, назвал вхождение его сторонников во Временное правительство «глупостью», полагая, что необходимо держать курс на однородное социалистическое правительство. Это — предмет отдельного разговора, в котором историкам придется основательно разобраться. Но, опять же в контексте рассматриваемой нами темы, возникшая ситуация позволяет установить, с кем и на каких основаниях можно было выстраивать компромисс, а затем и консенсус. Осуждая большевиков за их недемократические действия, Мартов полагал, что при всех обстоятельствах они выражают чаяния народных масс, и с этим нельзя не считаться. Казалось бы, Мартов тем самым сделал существенную уступку по отношению к большевикам. Все дело, однако, в том, что такую уступку большевики рассматривали лишь как проявление слабости и, однажды захватив власть, ни с кем ее делить не собирались. Они вообще не были готовы идти на какие бы то ни было компромиссы и вскоре после Октябрьского переворота 1917 г.

выкинули из своего правительства и левых социалистов-революционеров.

После Октября 1917 г. у меньшевиков возникли разные представления относительно того, как вести себя с большевиками. Определенная часть (среди них А.Н. Потресов) считала, что с большевиками в принципе нельзя договориться. Но Мартов был другого мнения, полагая, что следует использовать возможности, открываемые принятием Конституции РСФСР в 1918 г., и разоблачать антидемократизм большевиков. За такую «демократическую наивность» пришлось поплатиться и Мартову, который в 1920 г. был вынужден эмигрировать в Германию, и его сторонникам, которых увозили уже в другую сторону — в сибирские концлагеря или расстреливали в подвалах ВЧК и других пришедших ей на смену организациях.

А в самой России, в самом Советском Союзе на многие десятилетия установился политический режим классового террора против всякого рода «нетрудовых элементов». Кратковременный вынужденный период компромисса с малым и средним предпринимательством и зажиточным крестьянством в период нэпа закончился политикой «ликвидации кулачества как класса». Слабые намеки на возможность поощрения деятельного крестьянства беспощадно пресекались, а их сторонники, даже находясь на самых высоких партийных постах (к примеру, Н. Бухарин), пригвождались к позорному столбу «наймитов и шпионов» международного капитала.

Лишь после XX съезда, в период хрущевской «оттепели», а позднее в период брежневского «застоя», в рядах КПСС стало постепенно вызревать понимание тупиковости однопартийного политического режима и командно-распределительной экономической системы. Оно выражалось по-разному, в том числе и в осмыслении опыта деятельности социал-демократов в европейских странах. Этот процесс, протекавший внутри КПСС, нуждается в дополнительном изучении, и мне удалось лишь коротко рассмотреть его в работе «Социал-демократия как объект научных исследований в России» (9).

Перестройку, начавшуюся в 1985 г. с приходом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, можно рассматривать как начало принципиально нового этапа в истории страны. В свое время поэт Маяковский, желая показать непримиримость большевиков, писал: «Если бы в музее / Выставить плачущего большевика / Весь бы день в музее / Торчали ротозеи». Ротозеев было бы еще больше, если бы в таком му-

зее выставили большевика, произносящего слово «консенсус». Но именно это слово все чаще стало упоминаться в выступлениях Горбачёва, в его работах в период Перестройки (10). И это были не просто слова. Вызревало понимание того, что только при существовании консенсуса между различными социальными группами страна может развиваться в нормальных цивилизованных условиях. Важно, что при таком подходе открывалась возможность формирования консенсусного, реформистски ориентированного направления в самой КПСС. Все шло к тому, что на XXVIII съезде, который должен был состояться осенью 1991 г., легально могли быть учреждены две фракции — ортодоксальная и реформистская. Либо произошел бы раскол, и в СССР возникла бы влиятельная партия социал-демократического толка, в которую по примерным подсчетам вошло бы порядка 5—7 млн. членов бывшей КПСС (11). При таком развитии событий мы имели бы примерно такую же ситуацию, как в Венгрии, Польше, Чехословакии. И вообще политическая панорама страны могла бы быть сегодня совершенно иной. Но этого не произошло. Августовский путч 1991 г. перечеркнул возможность такого хода событий, и социал-демократию пришлось собирать и сколачивать по крохам в рамках Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР), которая провела свой первый съезд еще до распада СССР в мае 1990 г. и в последующий период держалась на голом энтузиазме без всякой поддержки со стороны властей.

Потом стали возникать другие группировки социал-демократической ориентации. Наконец, в конце 2001 г. возникла уже объединенная СДПР, которую возглавили М.С. Горбачёв и губернатор Самарской области К.А. Титов, но этой партии еще предстоит бороться за роль влиятельного фактора на российской политической сцене.

Все эти годы мне неоднократно приходилось выслушивать такого рода соображения: как объяснить, что население страны по своей ментальности настроено на социальную справедливость, а вот партии, которая действительно учитывала бы эти массовые ожидания, до недавнего времени не было? Вопрос вроде бы обоснованный. Но будем учитывать следующие обстоятельства. Социал-демократы — это не просто сторонники активной социальной политики. Ведь социальную политику проводили и большевики, а Гитлер и Муссолини тоже проводили куда более активную социальную политику. Политическая философия социал-демократов довольно сложна (12). Она включает в себя и компромисс, и ценностный консенсус, и неременное соблюдение при проведении кон-

кретной политики правил демократии и ориентацию на нравственные принципы. Осуществимо ли все это? Опыт европейских стран показывает, что осуществимо, хотя и там во времена правления социал-демократических партий порой возникают всякого рода казусы.

Но при всех этих обстоятельствах для меня кажется совершенно очевидным — при выстраивании консенсуса, к которому по идее должна стремиться политическая культура России, без социал-демократического опыта не обойтись, если мы хотим видеть нашу страну демократической, процветающей, пользующейся уважением в мире.

Примечания

1. Sontheimer K. Deutschlands politische Kultur. — München; Zürich: Piper-Verl., 1990. — 190 S.
2. Орлов Б. Политическая культура и становление демократии в России. — М.: ИНИОН, 1994. — 60 с.
3. См.: Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus. — Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1987. — 271 S.
4. Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. — В.; Bonn: Dietz Verl., 1984. — 235 S. В России перевод этой книги появился в 1901 г. См.: Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. Пер. с нем. Бутковского К.Я. — М.: Ефимов, 1901. — 359 с. Стоило бы заново перевести эту книгу с учетом изменений, происшедших за сто лет, и не только в лексике.
5. См.: Перегудов С.П. Тони Блэр: Политический портрет. — М.: ИНИОН, 1999. — 55 с.
6. Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen vom Außerordentlichen Parteitag der SPD im Bad Godesberg vom 13–15 November 1959. — In: Heinrich Potthoff, Susanne Miller. Kleine Geschichte der SPD. 1848–2002. — Bonn: Dietz, 2002. — S. 492–503. На русском языке Годесбергская программа была издана в ИНИОН в сборнике: Программные документы германской социал-демократии. — М.: ИНИОН, 1978. — С. 150–180.
7. Тютюкин С.В. Меньшевизм. Страницы истории. — М.: РОССПЭН, 2002. — 560 с.
8. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. — Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 328.
9. Орлов Б. Социал-демократия как объект научных исследований в России. — М.: ИНИОН, 2000. — 169 с.
10. Горбачёв М.С. Избранные статьи и речи. — М.: Политиздат, 1987. — Т. 4. — 511 с.
11. См.: Горбачёв М. Без участия социал-демократов движение в будущее не может быть полноценным и успешным // Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. — М.: ИНИОН, 1998. — С. 65–70.

12. Орлов Б.С. Этика как основа политической философии социал-демократии. — М.: ИНИОН, 2001. — 128 с.

В.П.Любин

**ТРУДНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
В РОССИИ В 80–90-е ГОДЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СДПР.
Тезисы доклада на международной научной конференции:
VI Плехановские чтения «Россия — путь в 100 лет
(1900–2000)» (Дом Плеханова в Санкт-Петербурге,
30 мая —1 июня 2002 г.)**

Цель доклада — проанализировать попытку восстановления социал-демократии в России в конце XX в., предпринятую новой политической партией, СДПР, с позиций исследователя и одновременно участника рассматриваемых событий, которому нередко приходилось выступать в роли эксперта, знакомявшего начинающих отечественных политиков с опытом мировой социал-демократии. Из-за заданных кратких параметров доклада приходится сосредоточиться лишь на деятельности СДПР, оставляя за его рамками множество других возникавших в 90-е годы малоуспешных партий и объединений¹, претендовавших на место в социал-демократической политической нише, которая в современной России по-настоящему пока остается еще не занятой.

¹ См.: Ljubin V.P. Die russländischen kommunistischen und sozialdemokratischen Parteien. — Köln: Aktuelle Analyse des BIOST, 1996. — 6 S.

В результате событий конца 80-х — начала 90-х годов, инициированных начатой в СССР Перестройкой, правившие в странах Центральной и Восточной Европы коммунистические партии потеряли власть. Многие из них в ходе трансформации бывших социалистических стран преобразовались в партии социал-демократического толка и в этом своем новом качестве нередко приходили к власти, другие же, как, например, КПРФ, оставались в оппозиции, продолжая отстаивать идеи большевизма. Таким образом, в 80–90-е годы в левом лагере политических сил верх взяли социал-демократы, а Социалистический Интернационал пополнился новыми партиями-членами, имеющими коммунистическое прошлое². Тем самым «исторический» раскол и конфликт левых сил, бывший в XX в. одним из важнейших факторов как национальной, так и международной политики, был преодолен, хотя и не в полной мере, или же потерял прежнюю остроту.

Ситуация в России в этом плане отличается своеобразием. Все начавшиеся еще на рубеже 80–90-х годов попытки возродить социал-демократию, создать сильную партию, в определенной мере опирающуюся на меньшевистские традиции российского социал-демократического движения, до сих пор не привели к появлению конкурентоспособной политической силы, поддерживаемой широкими социальными слоями. Значительный перевес на левом фланге политического спектра остается за КПРФ, в отличие от многих бывших европейских коммунистов не предпринимавшей шагов в направлении социал-демократизации. Последней по времени попыткой образовать в России боеспособную политическую силу социал-демократического направления является учреждение 24 ноября 2001 г. новой Социал-демократической партии России (СДПР) во главе с бывшим генеральным секретарем КПСС М.С.Горбачёвым и губернатором Самарской области К.А.Титовым³. Пока что эта партия, в которой объединились разрозненные группировки, провозгласившие себя социал-демократами, не представляет собой заметной величины, оставаясь на периферии политической жизни.

Все еще не законченный тернистый путь восстановления в стране социал-демократии в качестве силы, с которой нельзя не считаться, начался во второй половине 80-х годов вместе с Перестройкой. Намере-

² Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы. — М., 1996. — 218 с.

³ Социал-демократ. Специальный выпуск. — М., 2002. — № 1.

ния М.С.Горбачёва плавно перевести на социал-демократические рельсы махину КПСС не увенчались успехом из-за двойственности и непоследовательности политики реформаторов, а роспуск КПСС повлек за собой развал Советского Союза. Возникшие с позволения властей в период Перестройки разного рода политические клубы и объединения в самом конце 80-х годов стали объявлять себя политическими партиями, стремившимися получить правовой статус. Были среди них и социал-демократы.

С самого начала этого процесса в СССР преобладала тенденция создания альтернативных КПСС партий и объединений не на общесоюзной, а на национально-республиканской основе. Не избежали этого и те, кто декларировал свою приверженность социал-демократическим идеям. В ходе работы в июле 1989 г. в Таллинне «социал-демократической школы» было решено создать общесоюзную Социал-демократическую ассоциацию (СДА). Ее учредительный съезд, собравший 130 делегатов из 70 организаций, состоялся в том же городе 13–14 января 1990 г. Его гостями были 10 народных депутатов СССР, 20 представителей зарубежных социал-демократических партий. Несмотря на то что съездом были приняты документы с целью координации усилий — Декларация принципов и Устав СДА — образованы шесть постоянных комиссий и сделаны программные заявления о необходимости организованной оппозиции «политике доживающего свой век неспособного режима», все это так и не вылилось в заметные практические шаги на общесоюзном уровне. Как бы предвеля дальнейшие события, социал-демократические организации, становившиеся партиями, все больше расходились по своим «национальным квартирам». Процесс восстановления таких партий наиболее динамично развивался в республиках Прибалтики — Эстонии, Латвии, Литве, — которые приняли декларации о независимости. Социал-демократические партии начали возникать и восстанавливаться и в других республиках: Украине, Грузии, Казахстане и т.д.⁴

В самой крупной республике Советского Союза — РСФСР — социал-демократическая партия провела свой учредительный съезд 4–6 мая 1990 г. На нем присутствовали 237 делегатов от 104 организаций, возникших после начала Перестройки в Москве, Ленинграде, Перми, Самаре, Петрозаводске и других городах. К лидерам этой первой волны

⁴ Подробнее об этом см.: V.P.Ljubin. Sozialdemokratische Parteien in den Nachfolgestaaten der Sowjetunion. — Köln, Berichte des BIOST, 1992. — 52 S.

восстановления социал-демократии в России относились О.Румянцев, А.Болтянский, А.Оболенский, П.Кудюкин и др. На съезде были приняты Декларация принципов, Манифест об учреждении партии под названием Социал-демократическая партия Российской Федерации (СДПР), Устав партии, избрано руководство. Согласно Уставу, СДПР считала себя «составной частью всесоюзного и мирового социал-демократического движения и преемником традиций российской социал-демократии». Соответственно этому и выстраивалась ее политическая линия. В мае 1990 г. СДПР одной из самых первых, альтернативных КПСС партий была зарегистрирована Министерством юстиции. На прошедшем в Свердловске 25–28 октября 1990 г. II съезде был одобрен временный вариант, а на III съезде, состоявшемся 1–2 мая 1991 г. в Ленинграде, была, наконец, утверждена Программа СДПР (заметный вклад в ее разработку внес председатель программно-политической комиссии партии С.А.Марков)⁵. Большим подспорьем в подготовке программных документов были наработки Сектора по изучению социал-демократии ИНИОН АН СССР, возглавлявшегося Б.С.Орловым (он непосредственно участвовал в подготовке Программы и на III съезде вместе с О. Румянцевым и Л.Волковым вошел в триумvirат руководства)⁶. Партия выступала за всестороннее реформирование страны, переход России к социальной рыночной экономике на основе нравственных ценностей международной социал-демократии: свобода, справедливость, солидарность. Она осуждала советский социализм, называя его «тоталитарным режимом, где власть принадлежала бюрократии»⁷. Эмблемой партии стала общая социал-демократическая «роза в кулаке» (перенятая потом СДПР (объединенной) под руководством М.С.Горбачёва).

Наибольшей популярности партия и ее лидеры достигли в период, связанный с успешным противодействием путчу 19–21 августа, когда СДПР оказалась среди победивших антикоммунистических сил, и сразу после него, когда ее члены вошли в ряд руководящих государственных структур. Наиболее ощутимой эйфория успеха была на очередном IV съезде СДПР, прошедшем 7–10 мая 1992 г. в подмосковных Люберцах

⁵ Социал-демократическая партия Российской Федерации. Краткий справочник. — М.; Петрозаводск, 1991. — 40 с.

⁶ Orlov B.S. Die Sozialdemokratische Partei der Russischen Föderation: Interessen, Wertvorstellungen, Leitlinien. — Köln: Berichte des BIOST, 1993. — 40 S.

⁷ Чего хотят российские социал-демократы: Сто вопросов и сто ответов. — М., 1992. — 15 с.

(на последующих съездах 90-х годов настроения членов и сторонников партии становились все более пессимистическими). Весной 1992 г. в партии насчитывалось 5–6 тыс. членов, объединенных в 110 территориальных организациях — от Петрозаводска до Находки. Она поддерживала контакты с Соцпрофом, профсоюзами горняков, летчиков, авиадиспетчеров. Издавалась партийная пресса, брошюры с разъяснением позиций СДПР. Получив некоторое признание и на международном уровне, социал-демократы попытались войти в Социнтерн, в чем им, однако, как впоследствии и другим российским претендентам, было отказано.

Еще до того, как некоторые представители СДПР сумели войти в структуры центральной и местной власти, партия, начиная с первых своих съездов, стала дробиться на соперничавшие фракции: сначала это были «правые» («социальные демократы») и «левые» («демократические социалисты»). Затем, на протяжении всего периода 90-х годов, фрагментация усиливалась, в чем немалую роль играли такие объективные факторы, как прогрессирующая утеря политического влияния, в немалой степени обусловленная почти нулевым финансированием деятельности партийных структур и отсутствием материальных резервов для выборных кампаний партийных кандидатов. Партия так и не сумела стать массовой, оставшись своего рода интеллигентским клубом⁸. Часть активистов партии примкнула накануне парламентских выборов 1993 г. к политическому объединению «Яблоко» (до сих пор так и не определившемся со своими приоритетами: либерализм или социал-демократия), войдя во власть через его организации в центре и на местах.

Наблюдавшаяся с середины 90-х годов деградация СДПР как боеспособной политической силы к концу 90-х годов привела к фактическому развалу партии. Ее называли «партией нереализованных возможностей»⁹. Немалую роль здесь сыграл и субъективный фактор: обострение конфликтов в руководстве, например, между «государственником» О. Румянцевым и сторонником интернациональных социал-демократических подходов Б. Орловым, между этими двумя и Оболенским, другими амбициозными политиками, пытавшимися использовать СДПР в карьерных целях, в качестве трамплина для вхождения во вла-

⁸ Перспективы социальной демократии в России. — М.: ИНИОН РАН, 1994. — 161 с.

⁹ Орлов Б. СДПР — партия нереализованных возможностей // Европейская социал-демократия накануне XXI столетия. — М., 1998. — С. 225–230.

стные структуры¹⁰. Поначалу с представителями СДПР считались, а один из ее лидеров — О.Румянцев — получил даже заметный пост секретаря Конституционной комиссии и в период подготовки новой Конституции часто встречался с главой Комиссии Президентом РФ Б.Н.Ельциным, заявлявшим о своих симпатиях к социал-демократическим идеям. С насильственным роспуском Верховного Совета РФ во главе с Хасбулатовым, в числе сторонников которого оказался и О.Румянцев, партия потеряла яркого, молодого лидера, сумевшего проявить себя во властных структурах. В середине и конце 90-х годов СДПР, оттертой более мощными конкурентами на обочину политической жизни, так и не удалось закрепиться в российской политике.

Ее почти 12-летняя история закончилась 20 октября 2001 г., когда состоявшийся в подмосковном поселке «Московский» съезд принял решение о самороспуске партии (хотя часть партии во главе с Оболенским решила, что СДПР должна остаться самостоятельной) с тем, чтобы ее члены смогли влиться в новую партию во главе с М.С.Горбачёвым. Кстати, в том же здании 11 марта 2000 г. происходил учредительный съезд Объединенной социал-демократической партии, которую согласился возглавить М.С.Горбачёв, в нее вошла и часть СДПР. В этом объединении социал-демократы видят свой шанс сохраниться и обрести вес в политической жизни. Основным просчетом прежней СДПР оказалось то, что подражание социал-демократии Запада, имеющей твердую опору как в рабочем классе, так и в средних слоях, занимающих значительное социальное пространство, было совершенно бессмысленным в социально не структурированной новой России при обнищании в ходе реформ большинства ее населения и отсутствии тех средних слоев, которые голосуют за социал-демократов в странах развитого капитализма.

Итак, созданная в конце Перестройки СДПР, внеся посильный вклад в процесс восстановления социал-демократии в России, демок-

¹⁰ В руководящие органы СДПР первоначально входили П.Кудюкин, А.Оболенский, О.Румянцев, на III съезде в Ленинграде в 1991 г. по результатам рейтингового голосования партию возглавила тройка лидеров — Л.Волков, Б.Орлов, О.Румянцев, на IV съезде в Люберцах в 1992 г. председателем партии был избран Б.С.Орлов. Тем временем О.Румянцев создал Социал-демократический центр, что привело к расколу партии. Когда в преддверии намечавшихся на осень 1992 г. парламентских выборов Б.Орлов поставил вопрос ребром: какую структуру предпочитают члены партии — СДПР или СДЦ, большинство сочло возможным членство в той и другой организации, после чего Б.Орлов счел невозможным остаться председателем партии.

ратизации и реформирования страны в новых исторических условиях, ушла с политической арены. Многие социал-демократы первой волны, прошедшие вместе со своей партией сложный политический путь — от поддержки антигорбачёвской, антикоммунистической, либеральной линии сторонников курса Ельцина с конца 80-х годов до середины 90-х годов, затем оппозиции ельцинскому режиму, — вошли в созданную М.С. Горбачёвым новую партию, перенявшую название прежней партии, в надежде, что именно ей удастся осуществить поставленные ими когда-то цели и сделать социал-демократию ведущей социально-политической силой России XXI в.

V. СООБЩЕНИЯ

В России создан Фонд Плеханова

31 октября 2002 г. в Москве состоялась презентация Фонда Плеханова. Впервые за последние 85 лет в России возникла организация, ставящая своей основной целью обобщение и распространение в стране главных ценностей мировой социал-демократии — свободы, справедливости и солидарности.

В информационном сообщении об этом говорится следующее:

«В своем политическом завещании основатель российской социал-демократии Георгий Валентинович Плеханов писал: “Страна не может быть великой, пока бедны ее граждане! В богатстве граждан — богатство государства! Истинное величие страны определяется не ее территорией и даже не ее историей, а демократическими традициями, уровнем жизни граждан. Пока граждане бедны, пока нет демократии, страна не гарантирована от социальных потрясений и даже от распада”».

Эти мысли и на сегодняшний день являются актуальными для современного российского общества.

Главной целью, которую ставит перед собой Фонд развития социал-демократических и социалистических идей имени Г.В.Плеханова, является содействие изучению, развитию и распространению идей мировой и отечественной социальной демократии, осуществление пропаганды социал-демократических ценностей в современном российском обществе.

Фонд объединил под своей эгидой крупнейших российских ученых, политиков, культурных и общественных деятелей в поддержку фундаментальных ценностей современного мирового сообщества.

«Мы не ставим своей целью бороться против каких-либо политических сил, — заявил председатель Общественного совета Фонда Егор Строев, — наша основная задача — конструктивное объединение общества вокруг признанных на планете гуманистических идей».

Фонд Плеханова «открыт для всех, кто разделяет принципы и ценности социал-демократии и готов нести ответственность за судьбы России и ее граждан».

Объявлен список учредителей Фонда

Абалкин Леонид Иванович — директор Института экономики РАН.

Бовин Александр Евгеньевич — заведующий кафедрой журналистики РГГУ.

Богомолов Олег Тимофеевич — почетный директор Института международных, экономических и политических исследований РАН.

Вартазарова Людмила Степановна — 1-й заместитель генерального директора информационного агентства «МИК».

Гельман Александр Исакович — драматург.

Дзарасов Солтан Сафарбиевич — заведующий кафедрой экономической теории РАН.

Захаров Марк Анатольевич — главный режиссер театра «Ленком».

Некипелов Александр Дмитриевич — вице-президент РАН.

Орлов Борис Сергеевич — главный научный сотрудник ИНИОН.

Петраков Николай Яковлевич — директор Института проблем рынка РАН.

Попов Гавриил Харитонович — президент Международного университета (в Москве).

Римашевская Наталья Михайловна — директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Третьяков Виталий Товиевич — генеральный директор, главный редактор — «Независимая издательская группа “НИК”».

Шатров Михаил Филиппович — драматург.

Шмелев Николай Петрович — директор Института Европы РАН.

Яковлев Александр Николаевич — президент международного фонда «Демократия».

На первом заседании Фонда был избран состав правления

1. Попов Гавриил Харитонович — Президент Фонда, Президент Международного университета (в Москве).
2. Кузнецов Михаил Иванович — вице-президент Фонда, директор Союза развития наукоградов России.
3. Слепендяев Михаил Викторович — генеральный директор Фонда.
4. Антонов Андрей Борисович — заместитель Председателя Исполкома РДДР.
5. Бузгалин Александр Владимирович — профессор кафедры политэкономии МГУ.
6. Вартазарова Людмила Степановна — 1-й заместитель генерального директора информационного агентства «МИК».
7. Горбачёв Михаил Сергеевич — президент Фонда Горбачёва.
8. Дзарасов Солтан Сафарбиевич — заведующий кафедрой экономической теории РАН.
9. Медведкова Елена Марковна — член политсовета СДПР.
10. Мироненко Виктор Иванович — докторант социально-гуманитарной академии, секретарь-координатор СДПР.
11. Орлов Борис Сергеевич — главный научный сотрудник ИНИОН РАН.
12. Филимонова Татьяна Ивановна — заведующая Домом Плеханова в Санкт-Петербурге.
13. Шахновский Василий Савельевич — президент ООО «Юкос-Москва».
14. Шейнис Виктор Леонидович — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.
15. Шохин Александр Николаевич — председатель наблюдательного совета АО «Ренессанс-Капитал».

Создан общественный (попечительский) совет Фонда

В него вошли:

1. Строев Егор Семенович — Председатель, губернатор Орловской области.

2. Толкачев Олег Михайлович — заместитель Председателя, 1-й вице-премьер Правительства Москвы.
3. Бережанский Александр Самуилович — директор Музея Плеханова в г. Липецке.
4. Гельман Александр Исакович — драматург.
5. Глазьев Сергей Юрьевич — депутат Государственной Думы РФ.
6. Гранин Даниил Александрович — писатель.
7. Зверев Сергей Александрович — президент ЗАО «Компания развития общественных связей».
8. Иванченко Александр Владимирович — директор Независимого института выборов.
9. Красавченко Сергей Николаевич — ректор Международного университета (в Москве).
10. Красильников Виктор Наумович — председатель Вольного Экономического Общества России.
11. Прусак Михаил Михайлович — губернатор Новгородской области.
12. Rogozin Дмитрий Олегович — депутат Государственной Думы.
13. Рыбкин Иван Петрович — председатель Единой социалистической партии России.
14. Селезнев Геннадий Николаевич — председатель Государственной Думы РФ.
15. Титов Константин Алексеевич — губернатор Самарской области.
16. Шатров Михаил Филиппович — драматург.
17. Шмаков Михаил Викторович — председатель Федерации Независимых Профсоюзов России.
18. Шмелев Николай Петрович — директор Института Европы РАН.

2 ноября 2002 г. в Санкт-Петербурге в Смольном дворце Фонд Плеханова провел научно-практическую конференцию «Октябрь 1917: взгляд из XXI века» (к 85-летию Октябрьской революции).

Как было сказано в приглашении, «цель конференции — попытаться осмыслить события Октября 1917 г. и их последствия на современном историческом этапе».

В конференции приняли участие известные ученые, политики, общественные и религиозные деятели, журналисты и деятели культуры, зарубежные гости.

В адрес участников конференции, посвященной 85-летию Октябрьской революции, поступило приветствие М.С.Горбачёва. В нем

говорится: «Так получилось, что в эти дни я должен участвовать в проведении давно запланированных крупных мероприятий. Среди них — встреча представителей российских и германских городов-побратимов в рамках “Петербургского диалога” и другие, не менее важные встречи, которые не позволяют мне быть вместе с вами. Я очень сожалению об этом.

Хорошо, что Фонд им. Г.В.Плеханова уже с первых шагов своей деятельности решил заняться важными проблемами, хорошо, что конференция проходит в Санкт-Петербурге — городе, где произошла Октябрьская революция.

В нашем распоряжении большой опыт истории, а это — неисчерпаемое богатство. Все, что произошло в нашей стране в XX в. после Октябрьской революции, предстоит еще до конца осмыслить, установить причинно-следственные связи между событиями и явлениями. Причем сделать это надо при безусловном уважении старших поколений, сохранении памяти о тех, кто принес самые большие жертвы в водовороте драматических событий.

Сегодня, анализируя все происшедшее, нам необходимо уходить от страстей, чтобы не потерять истину, а, как известно, при накале страстей последняя испаряется.

Перед Россией, странами СНГ еще много неизведанных дорог в будущее, а главное, все они нуждаются в создании новой стратегии, на базе которой только и можно построить эффективную политику.

Приветствую всех участников конференции и желаю вам плодотворной работы. Направляю тезисы своего доклада по теме конференции».

Поступило также приветствие от мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова.

В нем говорится: «От имени Правительства Москвы и от себя лично приветствую участников научно-практической конференции “Октябрь 1917: взгляд из XXI века”, проводимой Фондом Плеханова.

Уверен, что конференция будет способствовать выработке всесторонней и объективной оценки событий октября 1917 г.

Желаю всем участникам конференции, Фонду Плеханова плодотворной и успешной работы».

* * *

Материалы конференции предполагается издать отдельной книгой.

VI. РЕЦЕНЗИИ

Б.С.Орлов

**ТРАГЕДИЯ РОССИЙСКОГО МЕНЬШЕВИЗМА:
РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ**
С.В. Тютюкин. *Меньшевизм — страницы истории.* — М.:
РОССПЭН, 2002. — 560 с.

Станислав Васильевич Тютюкин — главный редактор журнала «Отечественная история» и один из ведущих сотрудников Института российской истории РАН — давно держит в поле своего научного зрения деятельность российских меньшевиков. Читателям известна его последняя монография об одном из основоположников российской социал-демократии — Георгии Валентиновиче Плеханове (2), статьи в сборниках, посвященных деятельности политических партий России в предоктябрьский период (3). Его работы отличают объективность анализа, взвешенность оценок, способность по-новому взглянуть на лица и события, отмеченные печатью стереотипов, сложившихся во времена официальной советской историографии. Все это относится и к новой монографии, которую, прежде всего, можно назвать без всякого преувеличения добротным учебником и по истории меньшевизма, и по истории России соответствующего периода.

Книга вышла как никогда кстати. В 2003 г. будет с разных точек зрения осмысливаться столетие II съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) — того съезда, на котором в

1903 г. фактически и была создана партия российской социал-демократии (на I съезд, проходивший в 1898 г. в Минске, удалось нелегально пробраться всего девяти делегатам) (4). На II съезде, проходившем сначала в Брюсселе, а затем перебравшемся в Лондон, партия приняла программу и устав и тут же раскололась — на большевиков (у которых, кстати, на съезде вовсе не было большинства: за резолюцию Мартова было подано 28 голосов, против нее — 22 голоса (1, с.58) и на меньшевиков. Дальнейшее известно. Большевики взяли курс на создание подпольной организации, опираясь на которую, они, в конце концов, свергли... нет, не царизм, а демократическое Временное правительство и затем принялись за строительство социализма, который на деле оказался тоталитарным баракком с социалистической вывеской. А что касается меньшевиков, то они тоже от революционной тактики не отказывались, но полагали, что революция должна была как бы «созреть» в процессе развития общественных отношений, — примерно так, как это полагал Маркс, или, точнее, как полагали его менее догматичные интерпретаторы. Итог известен: меньшевиков, которые играли одну из решающих ролей в ходе Февральской демократической революции, после Октябрьского переворота 1917 г. сначала отодвинули в сторону, а несколько позднее либо выкинули за границу, либо отправили в лагеря ГУЛАГа. О какой-либо подпольной работе меньшевиков в годы сталинского режима не могло быть и речи. За рубежом меньшевики-эмигранты приступили к изданию «Социалистического вестника» (он выходил до 1963 г.), писали книги, спорили между собой, прежде всего по вопросу, может ли большевистский режим переродиться в либеральный, и в конце концов состарились и тихо покинули этот бранный мир, оставив после себя различного рода материалы и слабые надежды на возможность возрождения демократии в России. Но, так или иначе, и большевики, и меньшевики поразному и с различными результатами сыграли определяющую роль в истории страны в XX в.; взяв в руки книгу С.В. Тютюкина, читатель вправе задаться вопросом — была ли социал-демократия неизбежным явлением, почему она раскололась и какой из всего этого можно сделать вывод.

Ответ на первую часть этого вопроса у С.В. Тютюкина таков: «Совершенно очевидно, что марксизм пришел к нам вместе с индустриальной цивилизацией, и что точно так же, как невозможно было поставить заслон капитализму, нельзя было уберечь Россию от социал-демократической “заразы”, хотя по меркам XX столетия царское прави-

тельство действительно проявляло в этом плане большой либерализм, слишком мягко наказывая адептов марксистского учения.

Столь же неизбежен был и происшедший летом 1903 г. раскол РСДРП на две фракции, превратившиеся затем, после тщетных попыток восстановления партийного единства, в две самостоятельные партии» (1, с. 534).

Как серьезный ученый, С.В. Тютюкин начинает анализ меньшевизма с выявления его сути. Он называет при этом десять признаков, которые были в тот период «присущи русскому марксизму». Они имеют принципиальное значение и по этой причине заслуживают того, чтобы привести их полностью.

«Повышенный интерес к абстрактному теоретизированию, что объяснялось, видимо, традиционным отставанием общественной практики, скованной самодержавным режимом;

– стремление так или иначе синтезировать идеи марксизма и русскую революционную традицию XIX в. с присущим им культом радикализма и сверхцентрализованной подпольной организации;

– признание абсолютной необходимости применения революционного насилия и установления диктатуры пролетариата как высшей формы классовой борьбы, порожденное резкой социально-политической поляризацией российского общества, мощью военно-полицейского аппарата царизма и сравнительно небольшим удельным весом пролетарских элементов;

– переоценка роли радикальной интеллигенции в общественно-политической жизни вообще и в революционном движении в частности;

– крайняя нетерпимость к инакомыслию, в том числе, и даже особенно, к инакомыслию в рамках собственно марксистской парадигмы;

– желание предельно ускорить революционный процесс за счет его субъективного фактора, способного якобы компенсировать незрелость объективных предпосылок революции;

– признание приоритета в российских условиях вертикальных общественных связей над горизонтальными — государства над гражданским обществом, партии над классом, “массы” над личностью;

– особое внимание к проблеме взаимоотношений пролетариата с его потенциальными партнерами на общественно-политической арене, прежде всего с крестьянством, с одной стороны, и либеральной буржуазией — с другой, и постановка вопроса о гегемонии пролетариата в осво-

бодительном движении, что было совершенно не характерно для партий II Интернационала;

— особая чувствительность к проявлениям интернациональной солидарности трудящихся как внутри страны, так и на международной арене, примат интернационального фактора над национально-патриотическим;

— неприязнь к социал-реформизму как показатель марксистской ортодоксии и своеобразная реакция на ярко выраженную консервативную политику царского правительства и ограниченность российского либерализма» (1, с. 41).

С.В. Тютюкин полагает, что одни из этих перечисленных характеристик «русского марксизма» были более типичны для большевиков, другие — для меньшевиков.

Читатель, разумеется, хотел бы побольше узнать об особенностях меньшевизма как такового, и он, знакомясь с книгой, получает ответ на это, прежде всего уяснив для себя на основе выводов автора следующее. Во-первых, меньшевизм был различным в разные периоды истории — до 1905 г. и после него, в период промышленного подъема (1909—1914) и в годы Первой мировой войны, в период Октябрьского переворота и после него. Во-вторых, внутри самого меньшевизма существовали различные направления, находившиеся в острой идейной борьбе друг с другом. Последнее, на мой взгляд, и было одной из главных причин поражения меньшевизма в ходе Октябрьского переворота 1917 г.

Но об этом ниже. Прежде всего обратим внимание на проблему, которую С.В. Тютюкин неоднократно затрагивает в своей книге. Речь идет об отношении тогдашней социал-демократии к тогдашнему российскому либерализму. Вот как на эту тему высказывается автор книги: «Налицо было и известное идейное родство российских марксистов и либеральной ветви освободительного движения в России, ориентированной на ценности буржуазного прогресса и демократии как альтернативы феодально-крепостническим порядкам и абсолютистскому режиму. Особенно ярко это продемонстрировал так называемый “легальный марксизм” 1890-х годов, идеологи которого во главе с П.Б. Струве объявляли себя сторонниками экономической теории Маркса, всячески затушевывая при этом революционную сторону марксизма» (1, с. 33). Однако идти на союз не хотели ни социал-демократы, ни либералы, подчеркивает С.В.Тютюкин. Первым это казалось изменой социализму, вторых пу-

гали революционность марксистов и тот факт, что меньшевики с 1906 г. вновь состояли в одной партии с экстремистами-большевиками

Обращая внимание читателей на дискуссию, которая возникла в редакции газеты «Искра» в 1901 г. в связи с обсуждением статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», С.В.Тютюкин замечает, что в очередной раз всплыл «вечный», прошедший «через всю историю российской социал-демократии вопрос об отношении пролетариата и РСДРП к либерализму» (1, с. 47). В другом месте он приходит к следующему выводу: «Внешне второстепенные разногласия по вопросу об отношении к либералам в действительности уже содержали в зародыше две принципиально различные тактические установки, за которыми стояли серьезные различия в стратегии большевиков и меньшевиков в будущей демократической революции» (1, с. 61).

С.В. Тютюкин описывает ряд черт, присущих сторонникам меньшевизма, предупреждая при этом: «Голые социологические схемы, которыми часто оперировала советская историография, в данном случае неприменимы» (1, с. 69). Он исходит из того, что сама российская действительность того времени не давала укорениться в рабочей среде реформистским тенденциям, подталкивая пролетариат к силовым методам борьбы. Только в период промышленного подъема 1909–1914 гг. тенденция к легализму и реформизму получила, в представлении автора, в рабочем движении России более отчетливое выражение.

В противовес прежним схемам, согласно которым социальной базой меньшевизма были «мелкобуржуазная интеллигенция» и «рабочая аристократия», С.В.Тютюкин выдвигает на первый план социально-психологические различия между меньшевиками и большевиками.

Итак, кто же такой «средний» меньшевик? «Меньшевик-интеллигент — это достаточно образованная и социально активная личность, умеющая трезво взвешивать все “за” и “против” того или иного решения, не стремящаяся упростить действительность и свести ее к какому-то “черно-белому” изображению. Радикализм меньшевика находится в пределах здравого смысла, он избегает чрезмерного риска и предпочитает использовать легальные средства борьбы, хотя не отказывается от нелегальных. Меньшевик не любит, чтобы им командовали, чрезвычайно ценит личную свободу и свободу мнений... Меньшевик, как правило, не приемлет формулу “цель оправдывает средства”, брезглив к аморальным поступкам, заботится о своей личной и фракционной репутации» (1, с. 69–70).

В книге подробно описываются перипетии борьбы между меньшевиками и большевиками после II съезда, выделяются инициативы меньшевиков по созданию подлинно рабочей партии, раскрывается их отношение к вооруженному восстанию в Москве 1905 г., описывается деятельность меньшевиков в годы промышленного подъема и в период Первой мировой войны.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывают те главы книги, где анализируется открывшаяся перед меньшевиками возможность реально воздействовать на политические события в России после Февральской демократической революции 1917 г. Как известно, революция свалилась на социал-демократов, впрочем, как и на другие политические силы России, как снег на голову. Ленин в Цюрихе, выступая перед молодыми социалистами фактически в канун революции, говорил об отдаленных временах, когда возможно им, «старикам», доведется быть свидетелями революционных событий. Лишь 31 марта 1917 г. в Петроград прибыл Г.В. Плеханов, 3 апреля — В.И. Ленин и только 9 мая — Ю.О. Мартов. Так что тем руководителям меньшевиков, которые к тому времени находились в Петрограде, пришлось действовать, как принято ныне говорить, «по обстановке». А обстановка складывалась непростая. С одной стороны, было сформировано Временное правительство — как представительный орган Государственной Думы, с другой — Советы рабочих депутатов. Меньшевики сразу же принялись за дело и, прежде всего, добившись избрания, заняли руководящие позиции в Советах. Более того, именно они явочным порядком в самый разгар восстания формировали Временный исполком Петроградского совета рабочих депутатов с участием членов думской фракции РСДРП и только что выпущенных из тюрьмы «Кресты» членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, созданного в годы Первой мировой войны. В него вошли (запомним их имена!) Николай Чхеидзе — журналист, ставший политиком, инженер Матвей Скобелев, рабочий Кузьма Гвоздев, Борис Богданов и др. На первом же пленарном заседании Петроградского совета 27 февраля председателем был избран Николай Чхеидзе, как пишет автор, «самый известный и авторитетный из находившихся тогда в столице социал-демократов, который уже долгое время был на виду у рабочих» (1, с. 321). Товарищами председателя были избраны руководитель «трудовиков» Александр Керенский и меньшевик Матвей Скобелев.

Во главе продовольственной комиссии Совета, решавшей тогда важнейшие в тот момент вопросы снабжения населения столицы продук-

тами питания, тоже встали меньшевики — земский статистик В.Г. Громан и И.Д. Волков. Военную комиссию возглавили эсеры, но в ее состав вошли также меньшевики Чхеидзе и Скобелев. Была создана и литературная комиссия, ведавшая изданием газет и листовок. В нее вошел меньшевик К.С. Гриневич. Уже в начале марта 1917 г. было создано еще несколько комиссий. Комиссию по возобновлению работы предприятий после февральских забастовок возглавил Гвоздев, канцелярию совета — Богданов, комиссию законодательных предположений — Громан.

Была создана контактная комиссия по связям с Временным правительством. В ее работе приняли участие Чхеидзе и Скобелев. Вывод автора: «Таким образом, меньшевики сразу же переиграли в организационном отношении большевиков, захватив в свои руки все руководящие посты в Петросовете» (1, с. 322). Мне представляется, что при этом меньшевики в первую очередь руководствовались соображениями дела, а не просто тем, чтобы «обставить» большевиков.

С.В. Тютюкин полагает, что идейная гегемония в Советах меньшевиков продолжалась до осени 1917 г. При этом именно весну 1917 г. он считает «звездным часом меньшевиков» (1, с. 324).

Но почему после такого энергичного начала меньшевики продержались только до осени 1917 г.? Проследим деятельность меньшевиков по той же книге С.В. Тютюкина. Меньшевики заняли руководящие позиции не только в Петрограде. Меньшевики оказались во главе Советов в других городах: в Москве (Л.М. Хинчук), в Тифлисе (Н.Н. Жордания), в Самаре (И.И. Рамишвили), в Екатеринославе (рабочий П. Орлов) и т.д.

Но вот перед меньшевиками встала проблема: как относиться к Временному правительству? Игнорировать его или поддерживать? Как обеспечивать дальнейшее развитие демократического процесса? Вместе с представителями других социальных групп, прежде всего с предпринимателями? Или идти на создание чисто рабоче-крестьянской власти?

Обстоятельства складывались следующим образом. Уже в ходе восстания 27 февраля 1917 г. был образован Временный комитет Государственной Думы, взявший на себя формирование нового правительства. Н.С. Чхеидзе был включен в его состав как председатель социал-демократической фракции Думы. Правительство было поручено формировать князю Г.Е. Львову, и он пригласил войти в его состав Чхеидзе (пост министра труда) и Керенского (пост министра юстиции). Что в такой ситуации было делать? Петросовет был против участия членов социалистических партий в этом правительстве (13 голосов «против»,

включая голос Чхеидзе, и только 7 голосов «за»). Керенский игнорировал это решение, Чхеидзе — подчинился. Было ли это решение правильным? Меньшевик Ираклий Церетели — одна из ключевых фигур в процессе Февральской революции — позднее писал в этой связи: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, высказывали бы так мало склонности стать у власти, как это было в Февральской революции с русской социалистической партией» (цит. по: 1, с. 325).

Мнение С.В. Тютюкина: «Что же касается коалиционной власти социалистов и буржуазных партий, то она выглядела в тот момент слишком одиозной и была тоже отвергнута меньшевиками» (1, с. 326). Он ссылается на статью в одном из первых номеров меньшевистской «Рабочей газеты» от 12 марта 1917 г., в которой говорится: «В государстве, где огромному большинству населения еще лишь предстоит превратиться из “верноподданных” обывателей в свободных граждан, где быстрое развитие буржуазии и капитализма еще впереди, пролетариат не может и не должен стремиться к власти. Бороться с ним (Временным правительством. — С.Т.) в самом начале его деятельности, выражать ему на каждом шагу недоверие, а особенно добиваться стать у власти вместо него, значило бы разбить силы русской революции, значило бы играть на руку не добытым еще силам мрачного прошлого. Временное правительство есть правительство революции и отвечает тому уровню развития, на котором стоит Россия» (цит. по: 1, с. 326).

За участие во Временном правительстве выступали и такие видные представители меньшевиков, как Александр Потресов и Федор Дан. В принципе этой же линии придерживался и Г.В. Плеханов, возвратившийся в Петроград 31 марта. На совещании представителей провинции и фронта с членами Петросовета 3 апреля он председательствовал в течение шести часов и закрыл его краткой речью, в которой предостерегал от гражданской войны и особенно от конфликтов между армией и народом.

Кстати, на этом совещании была утверждена меньшевистская программа по рабочему вопросу, а также 11 резолюций, в том числе о 8-часовом рабочем дне, минимуме заработной платы, профсоюзах, примирительных палатах, инспекции труда, социальном страховании, обеспечении безработных. Одним словом, это была конкретная работа, направленная на решение кардинальных проблем, в которых было заинтересовано трудящееся население.

В ходе этой работы сформировалась группа меньшевистских деятелей, нацеленных на конструктивное сотрудничество с Временным правительством: Чхеидзе, Потресов, Церетели, Дан.

Но вот 3 апреля в Петроград приезжает Ленин и 4 апреля в присутствии ста социал-демократов различных направлений выдвигает свои Апрельские тезисы: никакой поддержки Временному правительству, власть — Советам, рабочий контроль над производством и распределением. Реакция зала? «Речь Ленина вызвала град насмешек и резких оценок со стороны его противников, увидевших в ней призыв к гражданской войне, “бред” (А.А. Богданов), анархизм и т.д. В ответ большевики покинули заседание» (1, с. 337).

Апрельские события разворачиваются дальше, и в ночь с 20 на 21 апреля князь Львов на совместном заседании Временного правительства и Исполкома Петросовета заявляет о готовности подать в отставку, если коалиционное правительство не будет сформировано.

22 апреля собралась на заседание фракция меньшевиков Петросовета, чтобы решать, как поступить в ответ на требование князя Львова. Состоялось голосование. 51 человек проголосовал за пополнение Временного правительства представителями Петросовета при шести против и девяти воздержавшихся. Глядя из сегодняшнего дня, можно сказать, что это был серьезный шаг в сторону от двоевластия, которое в принципе создавало неразрешимую ситуацию.

Но не было сказано окончательное слово самим Петросоветом. 30 апреля Исполком Петросовета посетила делегация офицеров Петроградского военного округа и убедительно просила войти в коалицию. Оказывается, и военные были за политический компромисс! Наконец состоялось окончательное голосование 2 мая. По предложению меньшевиков Церетели, Дана, эсера В.Н. Филиппова и трудовика А.Ф. Керенского 44 члена Исполкома проголосовали «за», «против» — 19 (большевики, меньшевики- интернационалисты и 4 эсера) (1, с. 343).

Наконец, 5 мая 1917 г. было сформировано коалиционное правительство. Социалисты получили шесть министерских портфелей, представители буржуазных партий — 10. Меньшевик Ираклий Церетели стал министром почт и телеграфов, Матвей Скобелев — министром труда. Таким образом, появлялась возможность коалиционного сотрудничества социалистов и либералов, что открывало совершенно новые перспективы для политического развития России в направлении к представительной демократии.

Но 9 мая в Петроград из эмиграции возвратились Юлий Мартов, Павел Аксельрод и другие, и сценарий поведения меньшевиков начинает меняться. Между основной частью меньшевиков и группой Мартова возникли серьезные разногласия уже в ходе Первой мировой войны, когда одни выступали за поддержку собственного правительства (к этой группе примыкал и Г.В. Плеханов), а другие (их возглавил Ю.О. Мартов) — за немедленное прекращение войны и заключение всеобщего мира. Теперь к этим разногласиям добавилось и разное отношение к участию меньшевиков во Временном правительстве. Сразу же по приезде Мартов назвал решение войти во Временное правительство «глупостью» и взял курс на создание правительства, состоящего из представителей только социалистических партий. В стратегическом плане линия Мартова как бы соприкасалась с линией Ленина, хотя, как выяснилось позже (а точнее — уже слишком поздно), у того и другого были принципиально разные представления о характере такого правительства и направленности его деятельности.

Юлий Осипович Мартов — одна из самых ярких личностей в истории российской социал-демократии и вообще в политической жизни России первой четверти XX в. Это был человек кристальной честности, талантливый публицист и оратор, все свои силы отдававший делу трудящихся, как он его понимал; однако в вопросе о том, с кем надо было в те критические дни и месяцы вступать в коалицию, Мартов, на мой взгляд, сыграл не самую лучшую роль. Нам фактически заново открыл личность Мартова И.Х. Урилов в своей основательной работе о нем (5). Увлеченность автора своим героем понятна. Но, как ныне принято говорить, что было, то было. И ход развития дальнейших событий показал, что ориентация на сближение с большевиками в надежде их «цивилизовать» оказалась ошибочной, что, впрочем, мог предвидеть и сам Мартов, почувствовав у молодого Ульянова невероятное честолюбие и нацеленность на достижение успеха любой ценой уже на II съезде РСДРП.

Посмотрим, как дальше развивались события.

3 июня 1917 г. наконец-то состоялся I Всероссийский съезд Советов, который продолжался целых три недели. На нем присутствовали 1090 делегатов от 305 Советов. Как видим, система Советов охватила почти всю страну. Но вот как на съезде были представлены различные политические силы: социалисты-революционеры — 285 делегатов, меньшевики — 248, большевики — 105, социал-демократы центристской ориентации — 83. На долю меньшевиков вместе с сочувствующими им при-

ходило почти 400 голосов, примерно одна четверть была у сторонников Мартова (1, с. 360).

На съезде был избран Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Председателем ВЦИКа был избран Чхеидзе. Из 300 членов ВЦИКа было 104 меньшевика и 35 большевиков. Запомним эти цифры, когда перейдем к анализу последующих событий. Но прежде отметим, что именно на этом съезде, в ответ на замечание Церетели, что в России нет такой партии, которая могла бы взять власть в свои руки, Ленин прямо из зала крикнул, что такая партия есть и что она готова в любой момент взять власть целиком.

И это не были пустые слова. Большевики готовились к реальному захвату власти, и первым актом их сценария были выступления в ходе демонстраций 3 и 4 июля, участники которой вышли с лозунгами «Долой десять министров-капиталистов» и «Вся власть Советам». Практически это была попытка совершить путч, и властиотреагировали на нее соответственно. Руководители большевиков Ленин и Зиновьев бежали в знаменитый шалаш на станции Разлив, а Временное правительство стало выяснять, кто стоит за всем этим.

Примечательна реакция авторитетных деятелей социал-демократии. Г.В. Плеханов осудил путч. Церетели и Дан потребовали принять решительные меры против путчистов. Но вот Ю.О. Мартов фактически встал на прямую защиту Ленина, отрицая возможность шпионажа Ленина в пользу германского Генштаба (позже не кто иной, как Эдуард Бернштейн сообщил, сколько денег получили большевик номер 1 и его сообщники от германских властей, — 50 млн. золотых марок) (1, с. 373).

8 июля 1917 г. после отставки князя Львова Временное правительство возглавил А.Ф. Керенский. Теперь в нем был полный баланс социалистических и буржуазных партий: пять на пять министерских постов. В этом правительстве Ираклий Церетели в дополнение к своему посту министра почт и телеграфов получил еще пост управляющего Министерством внутренних дел. Это означало, что на него ложилась необходимость проводить непопулярные меры после июльских событий в Петрограде. Вот как оценивает его позицию С.В. Тютюкин: «С одной стороны, это был акт гражданского мужества, свидетельствовавший о том, что главный меньшевистский идеолог коалиции, не прячась за спины других, буквально спасал эту коалицию на одном из самых ответственных в то время участков внутренней политики. С другой — принятые Церетели

антидемократические решения ложились темным пятном на всю меньшевистскую партию, и это имело для нее очень тяжелые политические последствия» (1, с. 370). Все это чем-то напоминало похожую ситуацию в Германии, когда после Ноябрьской революции 1918 г. коммунисты вывели на улицу своих сторонников, чтобы дестабилизировать обстановку и взять в руки власть, а член социал-демократического правительства Носке принял решение о разгоне демонстрантов полицейскими силами, что повлекло за собой и человеческие жертвы. За это он получил прозвище «кровавая собака Носке», навсегда оставшееся за ним в истории Германии. Но какими иными средствами мог он в тот конкретный момент предотвратить путч? Такое же решение принял и Ираклий Церетели. 11 июля 1917 г. он опубликовал объявление о предании суду всех виновников событий 3–5 июля, запрете в Петрограде всяких уличных шествий и собраний и о применении военной силы против тех, кто призывает к насилию и мятежу. Были ли другие средства, чтобы предотвратить нарастающий хаос?

А между тем, спустя месяц, в начале августа 1917 г. большевики (РСДРП(б)), провели свой VI съезд, и в его адрес от имени меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов и И.С. Астров направили приветствие, в котором выразили «глубокое возмущение против клеветнической кампании, которая целое течение в русской социал-демократии стремится представить агентом германского правительства» (1, с. 377).

Раскол между меньшевиками углубился на их общегородской конференции 5–6 августа в Петрограде. Резолюция Мартова о текущем моменте собрала 57 голосов против 47, а в избранный на конференции новый состав руководства вошли только меньшевики-интернационалисты. В резолюции было записано, что революционная демократия «должна готовиться к созданию такого правительства, которое способно было бы немедленно приступить к осуществлению революционной программы внутренних реформ, не останавливаясь перед разрывом с кадетами...» (1, с. 377).

Через десять дней была предпринята фактически последняя попытка продолжить российскую политику на основе коалиционного единения различных политических сил, стоящих на почве демократии. С 12 по 15 августа в Москве в Большом театре собралась почти вся политическая, деловая, военная, церковная и интеллектуальная элита страны: 2,5 тыс. человек. Здесь были министры Временного правительства, бывшие председатели II–IV Государственных Дум, председатель ВЦИК Советов

Чхеидзе, верхушка генералитета, известные ученые, ветераны революционного движения, Плеханов, Кропоткин, Брешко-Брешковская, Г.А. Лопатин, Н.А. Морозов.

Позиция Мартова в этой связи была такова: он считал, что совещание созывается неизвестно зачем, в значительной степени оно будет состоять из контрреволюционеров, и предлагал проигнорировать его (1, с. 379).

Но у меньшевиков, выступавших за коалицию, была другая точка зрения. Они приняли участие в этом совещании и откликнулись на него документом «Программа 14 августа», который разработал Федор Дан. В ней предлагались конкретные меры в разных областях, ведущие к стабилизации обстановки. На совещании в Большом театре выступил и Г.В.Плеханов; он призывал рабочих и промышленников к взаимным уступкам, или, говоря сегодняшним языком, к социальному партнерству. Если нам не удастся добиться соглашения, подчеркивал Плеханов, погибнет вся страна.

Буквально через неделю, 19 августа 1917 г., открылся съезд меньшевиков. Как пишет С.В.Тютюкин, «делегаты довольно отчетливо делились на несколько групп. Большинство составляли сторонники Церетели — Дана... На крайне левом фланге стояли две группы, большинство членов которых вскоре после съезда перешло к большевикам, и интернационалисты... Наконец, на правом фланге стояли оборонцы-провинциалы и петроградская группа Потресова. Что касается Плеханова, то его на съезд даже не приглашали» (1, с. 385).

В своем докладе на съезде Церетели повторил тезис «о кадетско-социалистической коалиции как оптимальной комбинации общественных сил в целях коренного переустройства России на демократических началах» (1, с. 386).

Потресов в своем докладе полемизировал с Мартовым, полагая, что буржуазия остается прогрессивной общественной силой, жизненно необходимой новой России для того, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Пролетариат, по убеждению Потресова, должен был решать хозяйственные и оборонные задачи вместе с буржуазией, ибо эти два класса при капитализме друг от друга неотделимы (1, с. 387).

В проекте резолюции, представленной Мартовым, напротив, заострялся вопрос о необходимости разрыва коалиции с буржуазией, но вместе с тем содержалось предупреждение об опасности преждевременного захвата власти силами демократии (1, с. 388).

Предполагаемого объединения на съезде не получилось. Церетели бросил в адрес Мартова и его сторонников такой упрек: «Если сторонники Мартова считают, что их точка зрения единственно верная, тогда нужно разойтись и не оставаться в одной скорлупе, чтобы грызть друг другу горло в атмосфере нависшей над страной катастрофы буквөөдскими поправками» (1, с. 393).

Как отмечает С.В.Тютюкин, съезд не решил задач, которые перед ним стояли. Партия меньшевиков — РСДРП (объединенная), которая окончательно отделилась тогда от большевиков, оставалась в стадии полуединения, полураспада.

Тем временем Россию ожидало новое испытание. Верховный главнокомандующий генерал Л.Г.Корнилов 27 августа двинул на Петроград войска с целью, как было заявлено, спасти страну от состояния анархии. Над завоеваниями Февральской революции нависла угроза. В этой обстановке, как отмечает С.В.Тютюкин, меньшевики, «в отличие от многих других случаев, действовали быстро и решительно» (1, с. 399). Поражение Корнилова (31 августа 1917 г.) стало результатом объединенных действий демократических сил. 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой. Вот какую дату надо было бы отмечать, чтобы люди знали свою историю!

При этом встал вопрос о судьбе коалиции. За нее по-прежнему стоял Церетели. Он был убежден, что после июльских дней реальную власть в стране олицетворяло именно Временное правительство, а не Советы. Его поддерживали Скобелев, Потресов, Либер. Сторонники Потресова 5 сентября утвердили текст воззвания к гражданам России под названием «Вне коалиции — нет спасения» (1, с. 402).

14 сентября 1917 г. в Петрограде открылось Демократическое совещание без участия «цензовых элементов» и несоциалистических партий. Иными словами, без представителей социальных групп, обобщенно характеризуемых как буржуазия. На совещании вновь разгорелся спор о том, в каком составе должно быть правительство России, способное решать проблемы в условиях продолжавшейся войны. На совещании было оглашено письмо руководителя группы «Единство» Плеханова (по болезни он не мог присутствовать на совещании) в поддержку коалиции с кадетами. Поддержать коалицию с «цензовыми элементами» предложил Дан. Мартов, естественно, был против. Оценка С.В.Тютюкина: «Демократическое совещание зашло в тупик, так как в конечном счете оказалось, что оно отвергает и коалицию с кадетами, и коалицию без кадетов,

но само власти не берет и лозунг “Вся власть Советам!” не поддерживают. При этом сторонники и противники коалиции разделились примерно поровну» (1, с. 408). Как сказали бы сегодня люди, далекие от политической корректности, налицо был полный «раздрай»!

Не спасало положение и создание по решению Демократического совещания и Временного демократического совета Российской республики. Он состоял из 300 человек; из числа меньшевиков в него вошли сторонники всех направлений — от Потресова, Церетели, Чхеидзе, Дана до Мартова. Предпарламент, как его окрестили, также погряз в бесплодных дискуссиях, при этом сторонники Мартова называли его «ублюдочно-совещательным органом». Так или иначе, перед Октябрьским переворотом в стане левых партий произошел окончательный раскол. С.В.Тютюкин пишет в этой связи: «В октябре большевики и левые эсеры, с одной стороны, и меньшевики и правые эсеры — с другой, оказались уже в разных политических лагерях, причем примирение между ними было практически невозможно» (1, с. 414). Заметим, что при таком раскладе несколько особняком выглядит позиция сторонников Мартова.

Вывод С.В.Тютюкина: «Октябрьские события 1917 г. явились тщательно спланированной большевистско-левоэсеровской акцией, успех которой был обеспечен поддержкой значительной части народа и облегчен бездействием Временного правительства и неспособностью меньшевиков и правых эсеров предложить реальную альтернативу большевизму» (1, с. 414).

Как вело себя в этой обстановке руководство меньшевиков? 25 октября 1917 г. открылся II Всероссийский съезд Советов. К этому времени большевики уже разогнали предпарламент, а Керенский бежал из Петрограда, чтобы попытаться собрать силы для устранения Октябрьского переворота. В эти часы фракция Петросовета РСДРП (объединенная) сложила с себя всякую ответственность за губительные последствия большевистского переворота и с согласия ЦК меньшевиков вышла из состава руководящих органов Совета. Чхеидзе — председателя ВЦИКа — не было на съезде, он выехал в Грузию. Съезд открыл член президиума ВЦИК Федор Дан. Он отказался от вступительной речи, сославшись на экстраординарный характер обстановки, когда министры-социалисты находятся под обстрелом. Меньшевики и эсеры отказались также от участия в президиуме съезда, места в котором тут же заняли большевики и левые эсеры.

На съезде выступил Мартов. Он сразу же отмежевался от «авантюры большевиков» и предложил провести переговоры между всеми социалистическими партиями и организациями и до их окончания приостановить с обеих сторон всякие вооруженные действия (1, с. 418).

Между тем в эти часы большевики продолжали действовать. Матросы и красногвардейцы приступили к захвату Зимнего дворца. На съезде снова выступает Мартов и снова предлагает временно прекратить заседание и приступить к переговорам, предупредив, что в противном случае меньшевики-интернационалисты тоже откажутся от участия в работе съезда. Как отмечает С.В.Тютюкин, «при этом ни о каких контактах с Временным правительством у Мартова, в отличие от выступавших ранее правых меньшевиков и эсеров, речи не было» (1, с. 418).

Последовала ответная реакция большевиков. На трибуне Троцкий. Вот его слова. Их стоит запомнить: «Тем, кто ушел отсюда и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: “Вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории”» (цит. по: 1, с. 418). Делегаты ответили Троцкому овацией, а Мартов покинул съезд, хотя часть меньшевиков-интернационалистов во главе с Капелинским вернулась в зал.

С.В.Тютюкин полагает, что уход меньшевиков со II съезда Советов был ошибочным, их вхождение во власть могло бы «смягчить» еще не вполне упрочившуюся диктатуру большевиков. Но чуть ниже добавляет: «Надо было совершенно не знать Ленина и его сторонников, чтобы предположить, что такой шаг, как уход оппонентов со съезда Советов, может остановить их безудержное движение к намеченной цели» (1, с. 420).

Уже после Октябрьского переворота 1917 г. меньшевики все еще пытаются как-то утвердить себя в политической жизни советской России, и это прежде всего касается Мартова и его единомышленников, исходивших из того, что если за Лениным и большевиками идет простой народ, то на его стороне историческая правда. Но подлинной природы большевиков Мартов, в отличие от Потресова, так и не раскусил, и это обернулось трагической агонией и для него, и для всей партии меньшевиков. На XI съезде РКП(б) в 1922 г. Ленин уже призывал к массовым репрессиям против меньшевиков: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды» (6). В конце 1922 г. в Германию были высланы 25 видных деятелей меньшевистской партии. В декабре 1922 г. Политбюро ЦК

РКП(б) вынесло решение «удалить меньшевиков из всех государственных, профессиональных и кооперативных учреждений». И наконец, в 1931 г. был инсценирован показательный процесс мифического Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) (1, с. 520).

Таким образом, с меньшевизмом в СССР было покончено «окончательно и бесповоротно», как любили записывать в своих решениях большевики.

Достоинство книги С.В.Тютюкина заключается в том, что как объективный ученый он последовательно ведет читателя по сложным зигзагам истории меньшевизма, вовсе не стараясь при этом занять ту или иную сторону — восхваления или излишней критики. Иногда приводимые им факты и обстоятельства как бы противоречат друг другу, но они отражают суть противоречий самой жизни, которую трудно втиснуть в однолинейную схему, удобную для восприятия, но не позволяющую воссоздать всю сложность исторического процесса, у которого нет ни сценария, нет ни дирижера, если не считать таковым «Божий промысел».

В книге присутствуют суждения, не соответствующие некоторым сложившимся в недавние времена стереотипам. Так, по мнению С.В.Тютюкина, наиболее обеспеченная часть рабочего класса России не была адекватна «рабочей аристократии», сформировавшейся в европейских странах и поддерживавшей социал-демократию. В России обеспеченная часть рабочих поддерживала скорее черносотенство (1, с. 535).

Еще более неожиданный вывод связан с ролью Г.В.Плеханова. Принято считать, что он и является наиболее значительной фигурой меньшевизма. Между тем С.В.Тютюкин показывает, что на протяжении всей истории российской социал-демократии бывший тамбовский дворянин занимал свою особую, самостоятельную позицию. Это наглядно проявилось в ходе Февральской демократической революции, когда Плеханов не примкнул к меньшевикам, создал собственную организацию «Единство», стоял на последовательно оборонческих позициях и предостерегал от поспешных действий. Как пишет С.В.Тютюкин, после Октябрьского переворота «Плеханов, который организационно уже порвал в то время с меньшевиками, но оставался для них одним из духовных авторитетов, не принял и осудил большевистский переворот, разъяснил в открытом письме петроградским рабочим его возможные пагубные последствия» (1, с. 433). Вместе с тем в ответ на предложение Бориса Савинкова войти в новое правительство на смену новоиспеченному ленинскому Совнаркому Плеханов сказал, что он сорок лет отдал служению

российскому пролетариату и не будет его расстреливать, даже если рабочее по ошибке пошло 25 октября за большевиками.

Отсюда можно сделать вывод, что Плеханов принадлежит всей российской социал-демократии, являясь одной из главных ее фигур. Таковым он остается и по сей день. Не случайно осенью 2002 г. в России был создан Фонд Плеханова, призванный содействовать распространению идей гуманизма и социализма в его последовательно демократической интерпретации.

Работа С.В.Тютюкина помогла подойти к ответу на вопрос, который доньше был лично для меня неясным. Речь идет о выборах в Учредительное собрание и их результатах. По результатам этих выборов за меньшевиков проголосовали всего 3,15% избирателей, тогда как за эсеров — 39,5, а за большевиков — 22,5% (1, с. 467). Чем объяснить такой резкий спад буквально за пару месяцев? Ведь и в Советах, прежде всего в Петроградском, и на I и II всероссийских съездах Советов они располагали значительным влиянием, и вдруг на выборах совершенно иная картина. Но автор книги сообщает, что эти выборы прошли 12 ноября 1917 г., т.е. через две с лишним недели после того, как большевики захватили власть. Могло ли в такой обстановке быть обеспечено демократическое волеизъявление граждан? Ведь хорошо известно, как проводились выборы в годы советской власти и какие давали результаты. Зная ментальность большевиков, можно предполагать, что они к этим выборам были далеко не безучастны. Вопрос о результатах выборов в Учредительное собрание, на мой взгляд, требует дальнейшего прояснения, опирающегося на конкретные факты, а также на уже проведенные исследования, из которых вытекает, что за резким снижением популярности меньшевиков стояли объективные причины.

Как мне представляется, нуждается в осмыслении один из главных в книге С.В.Тютюкина выводов — о том, что у меньшевиков не было реальной альтернативы большевизму (1, с. 414). Видимо, следует уточнить, что понимать под альтернативой. Конкретные шаги по решению проблем, стоящие перед страной, или лозунги, которые, быть может, у части населения и находили поддержку, но не имели практического значения? Между тем, как явствует из самой книги, именно меньшевики принимали участие в решении практических дел. Это и деятельность в военно-промышленных комитетах в годы Первой мировой войны, и участие во всевозможных комиссиях Петроградского совета рабочих депутатов, как только он был создан. Именно меньшевики участвовали в раз-

работке экономических программ Временного правительства (7). Их программа «14 августа», вынесенная на рассмотрение Государственного совещания, представляла собой совокупность мер в самых различных областях жизни и отличалась тем, что в ней была заложена концепция государственного регулирования экономики с привлечением частного капитала, что позднее взяли на вооружение большевики в своей новой экономической политике. И уже после Октябрьского переворота меньшевики продолжали работать над экономическими программами, наивно полагая, что тем самым увлекут большевиков на путь созидательной деятельности.

Но у большевиков была своя программа. Вернее, не программа, а набор догм и лозунгов, которые Ленин чуть ли не переписал у Маркса, когда сидел в шалаше на станции Разлив вместе с Зиновьевым. Экономика как одна большая фабрика, прямой продуктообмен — все это было изложено в брошюре «Государство и революция» и представляло собой беспомощный лепет безответственного фантазера. Беда, однако, в том, что в виде концепции «военного коммунизма» большевики рьяно принялись претворять ее в жизнь, подводя страну к пропасти полнейшего краха. Именно это обстоятельство и вынудило Ленина «переменить всю точку зрения на социализм», а фактически признать, что без товарных рыночных отношений жизнь в России не наладить, что и было сделано в период нэпа. С.В.Тютюкин сожалеет, что экономическая часть этой программы не была дополнена политической, т.е. предоставлением свободы деятельности другим политическим силам, полагая, что в таком случае появлялась возможность «избежать сталинщины» (1, с.548). Но большевик, делящий с кем-то власть, — это уже не большевик, и сам автор это неоднократно показывал в своей книге.

О событиях 1905 г. Было ли декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве одним из наиболее ярких проявлений революции, или же, по мнению П.Б.Струве, были всего лишь «бутафорские баррикады, воздвигнутые революционной интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками» (эти слова цитирует в своей книге С.В.Тютюкин) (1, с. 147). На этот счет существуют разные мнения. Я не поленился и посмотрел, какая оценка дается этим событиям в одном из последних учебников истории СССР советского периода. Там сказано: «Это была первая в истории человечества буржуазно-демократическая революция, в которой роль гегемона сыграл пролетариат, действовавший в союзе с крестьянством» (8, с.348).

С.В.Тютюкин дает свою оценку: «Уже Первая российская революция была демократической революцией совершенно нового исторического типа, ибо ведущую роль играли в ней рабочий класс и марксистская социал-демократическая партия» (1, с. 537). Вопрос о революционном характере исторических событий сам по себе достаточно сложен и заслуживает отдельного рассмотрения. Будем учитывать то обстоятельство, что один из главных социал-демократических авторитетов Г.В.Плеханов вообще полагал, что не надо было браться за оружие, и это накрепко усвоили в качестве отрицательного примера те, кто в свое время изучал краткий курс ВКП(б). Но вспомним, с каким энтузиазмом восприняли события 1905 г. в России германские социал-демократы.

Вопрос осложняется тем фактом, который С.В.Тютюкин приводит в своей книге. Оказывается, как раз в дни восстания, с 12 по 17 декабря 1905 г., большевики были заняты на конференции в Таммерфорсе, на которой вопрос о восстании даже не обсуждался (1, с. 147). Так что же произошло на самом деле в Москве в декабрьские дни 1905 г.? А тем более в других городах России? Окончательный ответ на этот вопрос оставим на рассмотрение будущих историков.

Обратимся к главному выводу С.В. Тютюкина о сути меньшевизма. Вот его оценки в разных местах книги. «Именно в период нового революционного подъема (1909–1912 гг. — Б.О.) в рабочем движении России наиболее отчетливо проявилась реформистская тенденция западного образца» (1, с. 261). В заключительной главе читаем: «Меньшевизм отражал менталитет более развитой и европеизированной части рабочего класса и ориентирующейся на Запад демократической интеллигенции, составлявших лишь незначительное меньшинство россиян того времени» (1, с. 546).

И еще один вывод: «Меньшевики — это очередное издание “русских европейцев” начала XX в., которые, «значительно интеллектуально обогнав основную массу населения своей страны... не получили поддержки собственного народа и в середине 1920-х гг. сошли с исторической дистанции» (1, с. 547).

С этими оценками можно согласиться, но лишь с одной оговоркой. Ссылка на «народ», который «не дорос» до представлений меньшевизма, несколько упрощает картину, как упрощает анализ примитивное марксистское противопоставление «буржуазии» «народу», бытовавшее до недавних пор в пропагандистских изданиях советского периода. Не было ни того, ни другого, а были различные социальные группы, действовав-

шие в конкретных исторических условиях и преследовавшие свои специфические интересы. То же самое можно сказать о революциях. По своей главной сути они представляли до сих пор прорыв к более свободным общественным отношениям, осуществляемый не арифметическим большинством «народа», а его наиболее зрелой в интеллектуальном отношении части. Так было в революции 1789 г. во Франции, так было в революции 1848 г. в Германии. Октябрьская революция 1917 г. в этом смысле не только не освободила общество, но поставила его в особые отношения, именуемые кратким термином «тоталитаризм». Социал-демократы в их меньшевистской ипостаси ориентировались в основном на сознательные группы российского населения, старались содействовать росту этих групп и ставили перед собой задачу осуществлять социалистическое строительство в условиях реальной, а не вымышленной демократии. Большевики переиграли их. Но прежде всего потому, что не стеснялись в средствах. Наобещав в три короба беднейшим слоям населения, они потом погрузили их в жуткую обстановку «военного коммунизма» и гражданской войны, а позже — раскулачивания и массовых репрессий. Кто от этого выиграл, какая часть народа? Самое печальное при этом, что меньшевики по своей природной воспитанности так и не смогли до конца осознать, что в лице большевиков имеют дело в основном с отъявленными шулерами. И это касается в первую очередь Ю.О.Мартова.

В этой связи еще одно соображение. Я уже имел возможность в свое время высказать, что в лице большевиков и меньшевиков мы имеем дело с представителями двух различных политических культур — конфронтационной и консенсусной (9). Столкновение этих культур проходит через всю российскую историю. Оно особенно становилось актуальным в период развития рыночных отношений на рубеже XIX и XX вв., когда на повестку дня вставал вопрос — либо прогонять капиталиста, отбирая его имущество, либо договариваться с ним на основе партнерских отношений, и, соответственно, в рамках согласительной, консенсусной культуры. Первый вариант устраивал большевиков, второй — меньшевиков. Отсюда их последовательная позиция в течение всех восьми месяцев Февральской революции — договариваться с предпринимательством на условиях, отвечающих также интересам наемных работников, находиться в политическом контакте с партией конституционных демократов. Этот сценарий стал подвергаться критике, когда из эмиграции вернулся Ю.О.Мартов. Личная трагедия этого яркого, честнейшего и талантливейшего человека, обернувшаяся трагедией для всего меньшевизма, за-

ключается как раз в том, что он логикой своих действий склонялся к конфронтационной культуре большевиков, у которых к тому же не было никаких нравственных ограничителей.

Отдаю себе отчет в том, что рассказ о книге С.В.Тютюкина затянулся. Но уж больно много в ней исторических сюжетов, о которых нынешние читатели не имеют никакого представления, а если имеют, то в основном — почерпнутое из изданий советского периода, а значит, в основном — превратное. Однако никакая рецензия, пусть самая развернутая, самой книги не заменяет. Тем, кто хочет всерьез познакомиться с историей, природой российской социал-демократии, я советовал бы начинать именно с книги С.В.Тютюкина. Отныне мы можем считать, что весь период деятельности российских меньшевиков в России рассмотрен всесторонне и добротнo.

Примечания

1. Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. — М.: РОССПЭН, 2002. — 560 с.
2. Тютюкин С.В. Судьба русского марксиста. — М.: РОССПЭН, 1997. — 376 с.
3. История политических партий России. Под ред. Зевелева А.И. — М.: Высш. шк., 1994. — 447 с.
4. См. подробнее: Орлов Б. Российская социал-демократия: История и современность (К 100-летию РСДРП). — М.: ИНИОН, 1998. — 55 с.
5. Урилов И.Х. Ю.О.Мартов: Политик и историк. — М.: Наука, 1997. — 472 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 89.
7. Подробнее см.: Шевырин В.М., Розенберг Л.И.. Экономические взгляды российских социал-демократов (меньшевиков) // Социальная демократия в России: Исторические аспекты. — М.: ИНИОН, 1994. — С. 72–77.
8. Краткая история СССР. Часть первая. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. — Ч.1. — 455 с.
9. См.: Орлов Б.С. РСДРП в контексте политических культур // Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии: К 100-летию РСДРП. — М.: РНИС и НП. — 1998. — С. 216–222.

В.П.Любин

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: «ЛЕВЫЕ В ЕВРОПЕ XX ВЕКА.
ЛЮДИ И ИДЕИ». —**

М.: Институт всеобщей истории. — 2002. — 463 С.

Рубеж веков — лучшее время подведения итогов, некоторые из них отечественная наука поспешила подвести еще накануне¹, попытки оценить другие оказались передвинуты на начало XXI в. Одной из таких попыток стала подготовленная коллективом специалистов Института всеобщей истории Российской академии наук совместно с учеными других академических институтов и Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова коллективная монография, посвященная деятельности левых в Европе прошлого века. Изучение этой перевернувшей в XX в. не только Европу, но и весь мир деятельности заслуживает не редких монографий, а многотомных энциклопедических трудов. Коллеги-историки из стран, где труд ученого высоко престижен, эту актуальнейшую научную задачу выполняют². Но и в России наука в переломные 90-е годы и на самом рубеже веков продолжала развиваться. Подтверждением этому служит рецензируемый том об истории и нынешнем состоянии европейских левых.

Авторами 16 очерков, помещенных в сборнике, являются известные историки и политологи. Охватывается широкий круг идей и движе-

¹ Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. — М.: Наука, 1996. — 718 с.

² См., например: Encyclopedia of European social history from 1350 to 2000. — Vol. 1—6. — N.Y., 2001.

ний левых — от стоявшей у власти во многих странах социал-демократии с ее социальной программой «государства благосостояния», от австромарксизма, либерал-социализма и еврокоммунизма до левого радикализма и анархизма. Точки зрения авторов на дискуссионные проблемы разнятся, что выгодно отличает этот труд от тех, стержневая линия которых подвешивается под мнение ответственного редактора. Исследователи-политологи опираются при этом на концептуальные труды, исследователи-историки — на солидный круг источников из архивов России, Германии, Италии, Голландии, Австрии.

Статьи не равноценны, сравнивать их по методологическим критериям трудно. Сам уровень научной проработки заявленных тем и сюжетов, способ и метод изложения, подбор источников и литературы, как и авторская стилистика, сильно разнятся. Эту разногласицу сглаживает вводный очерк А.А.Галкина «Левые вчера и сегодня», в котором в присущем автору блестящем стиле сжато и четко изложены главные черты и особенности исторической эволюции левых идей и политических движений и стоящие перед ними ныне проблемы. В 90-е годы XX в. в России сложилось устойчиво-негативное отношение к левым ценностям и отстаивающим их политическим организациям, справедливо замечает ученый. Это отношение оказало заметное воздействие на трактовку левых идей и движений, в результате история общественной мысли стала приобретать уродливо-однобокий характер. Хотя нечто подобное наблюдалось и в других странах, на стыке столетий наметились и иные тенденции. Оправляясь от шока, вызванного развалом системы, выдававшей себя за реальный социализм, левая мысль и опирающиеся на нее общественно-политические организации возвращают потерянные позиции. Чтобы разгрести нагромождения предубеждений и мифов, возникших в последние десятилетия, потребуется длительная работа. Она активно ведется в различных странах. Автор перечисляет новые явления, с которыми столкнулась левая мысль, и предлагает собственную трактовку ряда феноменов (с.9—10). Этапы развития левой системы ценностей, согласно автору, можно обозначить как предварительный, наступательный и конструктивно-преобразующий. Ядро данной системы ценностей, «посягательство на которое крайне опасно для ее существования», составляют «ориентация на свободу... на юридическое и политическое равноправие индивидов, социальных, этнических, половозрастных и иных групп — вне зависимости от их удельного веса в обществе, на социальную справедливость... на

рациональную организацию общественных отношений, делающую возможным осуществление всех этих ориентаций и в конечном счете обеспечивающую свободное развитие каждого как условие свободного развития всех. В тех случаях, когда ориентация на перечисленные ценности приносится в жертву политической и иной целесообразности, левая система взглядов теряет свою содержательную сущность» (с.18). Левые внесли неоценимый вклад в экономической и социальной областях, в формирование массовой демократии и современной культуры.

Принципиально новые проблемы перед левой мыслью ставит глобализация. Это ставшие очевидными ограниченность ресурсов и уязвимость окружающей среды, требующие упорядочения в общепланетарном масштабе, диверсификация субъектов международных отношений при наличии разрушительных средств массового уничтожения и необходимость создания в связи с этим надгосударственных структур, глобализация экономики и потоков информации, обострение социальных проблем и социальная нестабильность, кризис социальной политики, изменения в трудовых отношениях и на рынке труда. Идут споры: надо ли пересмотреть базовые ценности левых, как должны соотноситься новые подходы с традицией, возможно ли функционирование общественного организма, если исчезнет предлагаемый левыми элемент альтернативности, сохранится ли благополучный остров «золотого миллиарда» в океане нищеты и ненависти всего остального человечества? От исхода дискуссий по данным вопросам и практической деятельности левых зависит дальнейшая судьба левой системы взглядов, подчеркивает Галкин (с.25).

В статье Я.С.Драбкина «Владимир Ленин, Роза Люксембург и другие революционеры» речь идет о деятельности двух «соратников-соперников», их вкладе в развитие марксизма. Автор напоминает, что в посмертном издании «Рукописей о русской революции» Р.Люксембург подготовивший его П.Леви противопоставил Люксембург Ленину, считая, что ее произведения «будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений». Коминтерн пренебрег этим заветом, пишет Драбкин, обобщив едва ли не все «уклоны» европейских компартий под нелепой рубрикой «ошибки люксембургизма». В конце XX в. под сомнение поставлено уже все наследие Ленина и деятельность революционного направления в международном рабочем движении. В XXI в. следует противопоставить этой опасной односторонности продолжение «глубокого научного изучения и критической ретроспективы воззрений и взаимоотношений двух великих социалистов и их соратников» (с.45).

Со статьей Драбкина перекликается очерк о «бернштейнианской» дискуссии в СДПГ на рубеже XIX–XX вв. Обращаясь к этому известному, многократно проработанному в зарубежной и отечественной литературе сюжету, Л.Н.Бровко находит новые повороты в освещении полемики по поводу бернштейнианского постулата «движение все, конечная цель — ничто». Автор анализирует критические суждения К.Каутского и Р.Люксембург по поводу концепции Бернштейна. Но от четкого ответа на вопрос, чьи теоретические подходы подтверждены или отвергнуты исторической практикой XX в., Бровко уходит, ограничившись расплывчатым: «И каждый раз, задумываясь над вопросом “кто прав?”, приходится отвечать — покажет время...» (с.81).

Знаток истории анархо-синдикализма В.В.Дамье считает, что в условиях радикализации трудящихся масс революционный синдикализм и анархизм бросили в начале XX в. вызов социал-демократии. Это был протест против «старческой немощи» парламентского социализма и реформизма, попытка оживить и спасти социализм. Большой вклад здесь внесли синдикалистские теоретики Ж.Сорель, Э.Берт, Ю.Лагардель, Арт.Лабриола, С.Леоне (напомню, что некоторые их идеи были заимствованы фашизмом, хотя синдикалисты резко выступали против как фашистов, так и коммунистов), а также анархистские теоретики — П.Кропоткин, Э.Малатеста. Однако создать стройную идейную доктрину ни тем, ни другим так и не удалось. Подробно проанализировав разностороннюю деятельность этого радикального крыла левых в первой половине XX в., в том числе участие в гражданской войне в Испании, Дамье констатирует, что далее оно теряло влияние. Вопреки ожиданиям анархо-синдикалистов мировая война не переросла в социальную революцию, а рабочий радикализм ослабевал. Но анархо-синдикалистскому движению удалось наложить отпечаток на революционные события века.

В примыкающей к тексту Дамье статье А.В.Шубина «Самоуправление в практике социальных движений» трактуется тема «анархия и самоуправление» и делается вывод, что лишь будущее покажет, насколько человечество способно реализовать цели, поставленные «антиавторитарным социализмом» (с.350). Перекликается с этими двумя статьями и очерк А.Л.Семенова «Май 1968 г. во Франции». Май 1968 г. показал, что общество потребления не имеет достойных человека идеалов и ценностей, пишет автор, и после мая этим ценностям стали придавать гораздо большее значение (с.263).

Особняком стоит исследование А.А.Улуяна и Л.М.Бухармедовой «Еврокоммунизм между коммунистическим императивом и демократическим идеалом». Авторы анализируют деятельность в послевоенное время коммунистического движения Западной Европы и возникшего в 70-е годы внутри него, в первую очередь в рядах итальянской, французской и испанской компартий, течения еврокоммунизма. Уделяя чересчур много внимания догматической реакции престарелого и теоретически бессильного советского руководства на вызов, брошенный руководителями ИКП, ФКП и КПИ, которые пошли на признание ценностей социал-демократии (на деле реакция Москвы беспокоила их намного меньше, чем желание остановить упадок своих партий и вернуть влияние в массах), авторы замечают, что еврокоммунизм привел к трансформации компартий, что привело к расколу на ортодоксальных марксистов (их меньшинство) и приверженцев левосоциалистических взглядов (с.295). Трансформация левых сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы рассмотрена и проанализирована в объемном очерке И.С.Яжборовской.

Статья З.П.Яхимович «Концепция демократии и социализма Ф.Турати» — первая из пяти работ сборника об итальянских левых, которым посвятили свои исследования ученые-итальянисты: И.В.Григорьева — «А.Грамши и проблема тоталитаризма», Е.П.Наумова — «В поисках синтеза либерализма: К.Росселли», Н.П.Комолова — «Л.Бассо о кризисе социализма», И.Б.Левин — «Первое “пятилетие левых” в Италии». З.П.Яхимович предлагает переосмыслить с современных позиций опыт, уроки и сложную эволюцию итальянского социализма как важного компонента левых сил Италии в XX в. и анализирует деятельность Ф.Турати. Ее призыв поддерживают другие итальянисты, высвечивая новые стороны наследия ведущего теоретика марксизма XX в. А.Грамши, теории социал-либерализма К.Росселли, левосоциалистических разработок Л.Бассо или деятельности посткоммунистического ИКП. В ряду австрийских левых — австромарксизму посвящена статья И.А.Кукушкиной. Практика австрийской социал-демократии в межвоенный период, по ее мнению, предвляла создание после войны социального государства в странах, где левые были у власти. Развитию социал-демократической теории в конце XX в. посвящены статьи А.Б.Чернова о СДПГ и И.В.Данилевич о судьбах идей социализма. Рассмотрев ряд новинок в теоретических изысканиях левых («третий путь» Шрёдера-Блёра и т.д.), Данилевич вынуждена признать, что соци-

ал-демократия не завершила процесса новой идентификации. Поставленный теоретиком СДПГ Т.Майером вопрос, с помощью каких соответствующих духу времени реформ социал-демократия может привлечь на свою сторону большинство, остается открытым.

Монография «Левые в Европе» не лишена недостатков. В ней весьма широко представлены левые в Германии и Италии, тогда как не менее интересная история и современная жизнь левых в других ведущих европейских странах, не говоря уже о малых, представлена довольно слабо. Вероятно, сборнику больше подходит название «Левые в зарубежной Европе», потому что СССР, современная Россия, европейские страны СНГ и Прибалтики выключены из сферы анализа. Таким образом читатель не получает ответа на злободневные вопросы, почему коммунисты в странах бывшего социалистического лагеря столь легко отдали власть, в чем причины взлета и падения в XX в. крупнейшей левой партии, 18-миллионной КПСС, почему КППРФ и ее нынешние зарубежные партнеры продолжают оставаться такой силой на левом фланге, от которой не так легко отмахнуться. Уделив много места анархо-синдикализму и другим немагистральным направлениям, составители оставили без внимания теоретические искания и практическую правительственную деятельность английских левых или скандинавских социал-демократов с их знаменитой «шведской моделью». Мало узнает читатель о левых в Испании, без картины гражданской войны в которой и прорыва к власти левых после падения режима Франко историю европейских левых трудно представить.

Почти в каждой статье о современной социал-демократии не раз цитируется изданная на русском языке при участии сотрудников бывшего сектора по изучению социал-демократии ИНИОН РАН книга Т.Майера³. Между тем исследования теории и практики левых в Европе, включая Россию, которые участники этой творческой группы продолжали вести в 90-е годы, остались незамеченными.

Несмотря на указанные погрешности, следует сказать, что подводящее итоги деятельности европейских левых в XX в. коллективное исследование дает представление о сложности и противоречивости этого пути. Благодаря знаниям и высокому профессионализму авторов моно-

³ Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. — М: Памятники исторической мысли, 2000. — 285 с.

графия стала заметной вехой в отечественной науке, проложив дорогу для дальнейших исследований.

Задачей этих исследований должен стать ответ на вопрос: как развивалась теоретическая мысль левых в их социал-демократическом крыле — от Бернштейна до Гидденса, в коммунистическом крыле — от Ленина, Грамши до Мао Цзедунa? Как приходившие к власти левые партии осуществляли эти идеи на практике? Чьи подходы оказались успешнее и что из теоретического багажа левых пригодно для нового, XXI в.? Необходима развернутая характеристика и научно обоснованное определение, что такое левые силы вообще, какое место они занимали и занимают в мировом политическом контексте. Это без сомнения важнейшая задача исследователей, посвятивших себя изучению и широкому осмыслению явлений и процессов, разговор о которых начат авторами коллективной монографии «Левые в Европе XX века».

Об авторах

Горбачёв Михаил Сергеевич — лидер СДПР, лауреат Нобелевской премии мира.

Звягин Геннадий Михайлович — председатель правления Самарского регионального отделения СДПР.

Костюк Руслан Васильевич — докторант факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета.

Любин Валерий Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Милибэнд Дэвид — английский политолог, депутат Парламента Великобритании от Лейбористской партии.

Мироненко Виктор Иванович — член Политического совета СДПР, секретарь-координатор партии.

Орлов Борис Сергеевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, член Политического совета СДПР.

Попов Гавриил Харитонович — член Политического совета СДПР.

Титов Константин Алексеевич — председатель СДПР, губернатор Самарской области Российской Федерации.

Хемерийк Антон — нидерландский экономист, заместитель директора Совета по правительственной политике Нидерландов, старший преподаватель факультета общественного управления Лейденского университета.

Ховард Дик — профессор философии Государственного университета штата Нью-Йорк, США.